

SLAVICA HELSINGIENSIA

2

Арто Мустайоки

**ПАДЕЖ ДОПОЛНЕНИЯ
В РУССКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ 1:
ИЗЫСКАНИЯ НОВЫХ МЕТОДОВ
В ИЗУЧЕНИИ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ**

Helsinki 1985

SLAVICA HELSINGIENSIA 2

Редакция

Arto Mustajoki
профессор русского
языка и литературы

Marja Jänis
и.о. профессора-
адъюнкта русского
языка

Kari Liukkonen
и.о. профессора
славянской филологии

Технический редактор
Aila Laamanen

адрес: Slaavilaisten kielten laitos
Helsingin yliopisto
Hallituskatu 11
SF-00100 Helsinki
Finland
Тел.: (90-) 191 2486

©Arto Mustajoki 1985

ISBN 951-45-3525-1
ISSN 0780-3281
University Press
Helsinki 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Падеж дополнения при отрицании - одно из самых изученных явлений русского языка. Он рассматривается в десятках научных работ, основывающихся нередко на анализе обширного языкового материала. Несмотря на это, данная особенность русского языка привлекла наше внимание. Мы убедились в том, что ряд вопросов, касающихся сущности и деталей этой проблемы, еще не решен. Настоящая работа представляет собой исходный пункт, первый шаг проекта, цель которого - многостороннее и как можно более исчерпывающее изучение данного явления. В дальнейшем этой же теме будут посвящены и другие публикации, которые отчасти будут основаны на результатах обработки с помощью ЭВМ материала, состоящего из более 4000 предложений. Хотя компьютер позволяет более детально анализировать роль и весомость отдельных факторов при выборе падежа, он - это мы хотим подчеркнуть - никогда не может служить ключом от всех дверей. Таким образом, будет также продолжен другой путь исследования - проведение экспериментов, методика которых описана в этой работе.

На разных фазах исследования, с разных точек зрения с работой ознакомились ряд коллег, в частности, *Нильс Телин, Генрик Бирнбаум, Е.А. Земская, Б.М. Синочкина, В.О. Можаева и Екатерина Никкиля*. Особенно тщательно его прочитал *Игорь Вахрос*. Мы выражаем всем названным коллегам глубокую благодарность за сделанные конструктивные замечания и предложения как по содержанию, так и по форме работы. Благодарим также *Г. Корбетта* за плодотворное сотрудничество по обмену библиографических данных на эту тему.

Хельсинки, в октябре 1984 г.

Арто Мустайоки

*Посвящается Вере,
погибшей в этой работе*

Подумать, что истина найдена нами, опасно. Подумать, что окончательная истина найдена нами, очень опасно.

Таоский философ

0. ВВЕДЕНИЕ

0.1. Цели и задачи исследования

Цели и задачи данного исследования определены отчасти тем, что исследуемое явление русского языка изучено в целой массе научных трудов, и отчасти тем, что оно должно послужить основой для целого проекта многостороннего и как можно более исчерпывающего изучения этого вопроса. Из назначения работы вытекает, что мы скорее будем ставить вопросы, а не давать ответы. В целом, исследование посвящено рассмотрению следующих конкретных задачах, каждой из которых удалена одна часть работы.

Первая задача, выполнению которой соответственно посвящена первая часть монографии, заключается в подробном обзоре литературы по данной тематике. Это необходимая фаза исследования уже в силу того, что мнения ученых о влиянии некоторых факторов на выбор падежа дополнения расходятся, а значение ряда факторов освещено в недостаточной мере. Работы разных исследователей рассматриваются не отдельно, а исходя из сопоставления их взглядов на влияние конкретных факторов.

Во второй части поднимается вопрос о теоретических предпосылках и методологических принципах существующих исследований. При этом уточнения требуют два основополагающих момента. С одной стороны, необходимо выделить некоторые категории работ в зависимости от того, на чем основываются рассуждения авторов – на компетенции носителей языка (или носителя языка = исследователя самого) или на конкретном языковом материале. С другой стороны, сами изучаемые факторы могут и должны быть интерпретированы по-разному:

одни из них являются "причинами", которые объясняют выбор падежа с коммуникативной точки зрения, другие же - "признаками", которые представляют собой внешние приметы, подсказывающие падеж дополнения.

Третья часть посвящена описанию эксперимента, проведенного среди студентов МГУ. С помощью определенного метода анкетирования было изучено влияние десяти различных факторов на выбор падежа. Однако, главный акцент поставлен не на результатах эксперимента, а на том, каким образом они были достигнуты. Нам кажется, что методика анкетирования, а также теоретические рассуждения во второй части работы имеют более широкое, общелингвистическое значение.

В заключение нами намечены некоторые перспективы изучения данного вопроса.

0.2. Падеж дополнения при отрицании с точки зрения историко-развития русского языка (краткий обзор вопроса)

Современному русскому языку свойственна следующая трансформация /ср.: Адамец 1973, 83/¹:

$$N_n^1 + V + N_a^2 \rightarrow N_n^1 + \text{не} + V + \left\{ \begin{array}{l} N_a^2 \\ N_q^2 \end{array} \right\}$$

Одно замечание по поводу наших ссылок. Мы позволили себе в них следующие вольности. Во-первых, тексты со старой орфографией представлены в современной орфографии. Во-вторых, несмотря на способ изложения в оригинале, употребляем наши сокращения: вин. падеж, род. падеж, ед. число и т.д. Так же шрифтом языковых примеров всегда является русский курсив, каким бы он ни был в работе, на которую ссылаемся.

¹ К. Чвани интерпретирует данное правило в своей знаменитой монографии /Chvany 1975, 122/ следующим образом: "The application of GENITIVE MARKING to a Direct Object in a negated sentence will never result in an ungrammatical sentence, even though the accusative might be preferable in some particular context." Нам кажется, что такое утверждение не соответствует реальному положению вещей в современном русском языке. Употребление род. падежа в предложениях типа *Я не люблю мамы или *Я не могу считать русского языка трудным вызывает неграмматичность в такой же степени, как употребление вин. падежа в предложениях *Он не писал мне ни одно письмо, *Это не имеет значения.

Другие современные славянские языки, как правило, тоже допускают замену вин. падежа родительным после переходных глаголов при отрицании². Правда, в частоте употребления данных падежей наблюдаются различия: в одних языках, например в польском и словацком, появление вин. падежа в этих конструкциях можно считать исключением, а в других, например, в чешском, он почти полностью вытеснил родительный /см., например, Uhlár 1933, 613–614; Schaller 1978a, 175–177; Станишева 1978, 147–148/.

Употребление род. падежа в отрицательных предложениях считается одной из древнейших общих черт славянских языков /Braun б.г., 58; Vahros 1959, 276; Matthews 1960, 228; Борковский 1978, 347; и др./³. Сопоставление славянских языков с латын-

² Исключения составляют болгарский и македонский языки, которые не подлежат сравнению с другими славянскими языками в силу аналитического строя /см., например: Schaller 1978, 175/.

³ Интересным (хотя с точки зрения нашей темы не таким уж существенным) является вопрос о происхождении *genetivus negationis*: восходит ли он к старому ablative или к генетиву? Взгляды ученых на эту дилемму все еще расходятся. Цепь лингвистов, придерживающихся мнения, согласно которому род. падеж в отрицательных конструкциях при переходных глаголах возник на основе бывшего ablativa, начинается с А. Востокова /1831, 255/. Он сопоставляет отрицательные предложения разного рода (*Не теряй времени, Не видно перемены, Нет известия*) с глаголом *лишаться*, управляющим род. падежом; "лишение", со своей стороны, является одним из случаев, в которых род. падеж выражает "движение мысленного, к предмету или от предмета" /1831, 253/. Впоследствии эта трактовка поддержана и уточнена, в частности, А. Потебней /1874, 254/, И. Вахром сом /Vahros 1959, 276/, Я.А. Спринчаком /1960, 134/ и Б.И. Борковским /Барковский, Кузнецов 1965, 466/. (А.М. Пешковский /1938, 278/ приходит к этому же выводу, рассматривая значение род. падежа с синхронных позиций.)

Лингвисты, склоняющиеся к противоположному мнению, часто цитируют слова Фр. Миклошича /Miklosich 1883, 489/: "Er (= der Genitiv) ist wohl Partitiv und die Partition hat ihren Grund in der Kraft der Negation, indem die durch das Verbum ausgedrückte Tätigkeit vom ganzen und von jedem, selbst dem kleinsten Teile desselben negiert wird." Миклошич, со своей стороны, ссылается на Гримма, Потта, Леве и Габеленца. Промежуточной точки зрения придерживается В.А. Богородицкий, который пишет /1913, 314; ср.: 1912, 218–219/, что род. падеж с отрицанием стал употребляться по аналогии с такими случаями, как *лишлось наследства*, так как частица *не* тоже имеет смысл лишения; кроме того, здесь можно допустить и влияние аналогии с род. частичным при отрицании, например, *я не принес дров*, откуда такая конструкция стала распространяться и на другие случаи употребления переходных глаголов с отрицанием, в том числе такие, где именное представление и не допускало частичности.

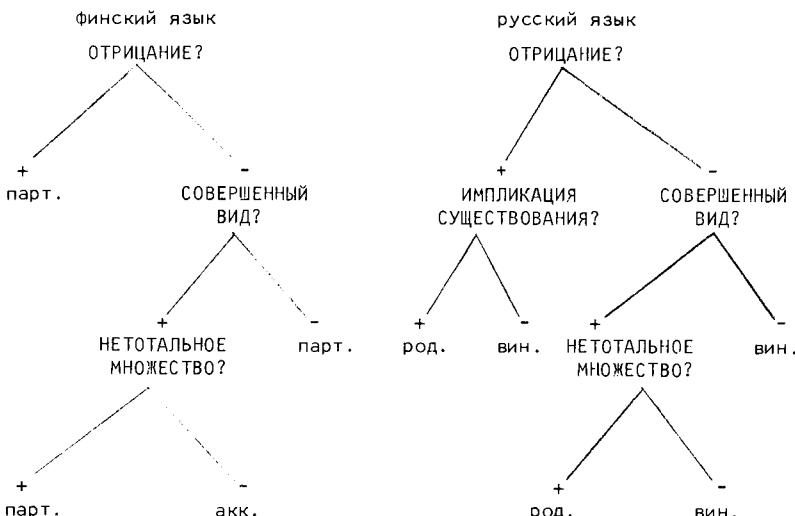
Вопрос о происхождении *genetivus negationis*, о его родстве с ablativum или с *genetivus partitivus*, видимо, входит в число тех вопросов, на которые окончательного, бесспорно доказанного ответа нельзя дать. (О сопоставлении этих взглядов см., например: Минков 1911, 185–188; Тимченко 1913, 145–156; Uhlár _ .

ским и литовским дает возможность предположить, что мы имеем дело с явлением, восходящим, очевидно, к балтославянскому правызыку /Потебня 1874, 256; Miklosich 1883, 501; Шахматов 1925,

1933, 608-612.) Нам хотелось бы только упомянуть еще об одной попытке решения данной проблемы. Это - использование падежной системы финского языка в качестве доказательства для интерпретации "genetivus negationis" - это "genetivus partitivus" /Шахматов 1925, 319; Vondrák 1928, 251/. Нельзя, разумеется, отрицать того факта, что в финском языке наряду с трансформацией

$$N_n^1 + V + \left\{ \begin{array}{l} N^2_{\text{acc}} \\ N^2_{\text{part}} \end{array} \right\} \rightarrow N_n^1 + \text{neg} + V + N_{\text{part}}^2$$

партитив употребляется при обозначении партиальных дополнений, но это обстоятельство как таковое не поддерживает сделанного заключения. Сопоставлению финской и русской падежных систем в плане выражения дополнения посвящены некоторые специальные исследования /Vahros 1959; Dahl, Karlsson 1976a, 1976b/. Э. Даль и Ф. Карлссон /Dahl, Karlsson 1976b, 43-47/ приводят следующие суммирующие схемы - "деревья", показывающие употребление род. и вин. падежей в русском языке и аккузатива и партитива в финском языке при переходных глаголах (отметим, что "вид" понимается здесь широко):



Деревья и стоящие за ними рассуждения позволяют сделать выводы: партитив при отрицании и партитив при обозначении нетотального множества находятся на разных уровнях дерева, т.е. первое не подчинено второму; хотя выбор падежа в русском и финском языках в данных конструкциях имеет некоторые общие черты, отождествить эти системы нельзя, поскольку в финском языке, в связи с отсутствием категории вида у глаголов, аспектуальные факторы играют решающую роль в конкуренции падежей /Dahl, Karlsson 1976b, 47; ср. также: Wexler 1976, 52-58/. (Отметим, что многие явления, которые здесь и далее приписываются финскому языку, свойственны и эстонскому языку /см., например: Пялль и др. 1962, 246-252/.)

319; Vondrák 1928, 251; и др./⁴. В некоторых других индоевропейских языках можно также найти (правда, не столь последовательно) отдельные примеры появления род. падежа после переходных глаголов при отрицании.⁵ Стоит также отметить, что не все ученые разделяют мнение, согласно которому только род. падеж был возможен в отрицательных предложениях в течение истории русского языка. Так, А. Томсон /1909, 294/ предполагает, что вин. падеж употреблялся в этих конструкциях (при определенных условиях, напоминающих те, которые действуют теперь) уже в праславянском языке /ср.: Vondrák 1928, 252; Vaillant 1977, 77/.

Можно было бы предположить, что при рассмотрении исторического периода развития русского языка, выводы по отношению к употреблению вин. и род. падежей должны быть однозначными и подтверждаться многими исследователями. В действительности это не так. Дело в том, что изучение вопроса затрудняется некоторыми обстоятельствами:

1. Употребление одного из данных падежей – винительного, очевидно, в течение всей истории русского языка было более характерно для устной, разговорной речи, чем для книжного стиля /см., например: Ломов 1966, 51–52; Vaillant 1977, 78/. В свете этого факта многочисленные исследования, которые стремятся выяснить частоту употребления данных падежей в определенную эпоху, могут дать основание для различных выводов в зависимости от использованного материала: чем ближе он к живой речи, тем предпочтительнее оказывается форма вин. падежа. Кроме того, настоящая устная речь в диахронии вообще недосыгаема для исследователя.

2. Одним из основных факторов, влияющих на выбор падежа, является степень конкретности действия и дополнения (см. ниже).

⁴ А. Вайант /Vaillant 1977, 78/ отмечает, что род. падеж встречается в литовском и латышском языках при отрицании прежде всего в значении родительного разделительного.

⁵ Чаще всего указывается на употребление род. падежа при отрицании в готском языке /Miklosich 1883, 501; Томсон 1908, 301; Шахматов 1925, 319; и др./; некоторые примеры найдены также в средневерхненемецком языке /Delbrück 1893, 338; Томсон 1908, 301/. И. Вахрос /Vahros 1959, 276/, ссылаясь на Штрайтбергера, упоминает о таких примерах в греческом языке /ср. также: Вечерка 1963, 204/.

Письменный текст по своему характеру более отвлеченный, и в нем меньше возможностей для опоры на условия общения, чем в устной речи. В связи с этим в письменном изложении могут отсутствовать некоторые оттенки значения, которые свойственны устному общению. А.Томсон /Thomson 1911,253/ совершенно прав, отмечая, что "man sich auf schriftlich überlieferte Fälle nicht ganz verlassen kann, da durch den Prozess des langsamen Niederschreibens die seelische Disposition bei solchen feinen Bedeutungsdifferenzen leicht verschoben wird".

3. На "естественный", "природный" выбор падежа носителями языка пытались воздействовать как бы "извне" - со стороны нормализаторов. Начиная с "Российской грамматики" М.В. Ломоносова, нормативные грамматики упорно придерживались рекомендации исключительного употребления род. падежа, хотя в живой речи нередко встречался и вин. падеж при отрицании (см. подробнее ниже). А. Томсон /1903,207/ пишет по этому поводу, что в устной речи вин. падеж употреблялся гораздо чаще, чем в письменной, кроме отдельных "личностей, у которых влияние школы уничтожило чутье к пониманию различий в значениях этих двух конструкций и привчило их к исключительному употреблению род. падежа"⁶ /ср.: Буторин 1953,5,8/.

В связи с упомянутыми моментами в описании исторического развития "интервенции" вин. падежа в отрицательных конструкциях наблюдаются разные оттенки мнений. Так, по отношению к XI-XVII векам "Историческая грамматика русского языка" /Борковский 1978,147/ отмечает, что "объект при отрицании устойчиво выражался род. падежом" /ср. также: Борковский: 1949,359; Кулагин

⁶ Томсон /1903,207/ иллюстрирует сказанное следующим примером: "Те же природные русские, которые говорят не бери свою палку, видя, что слушатель берет палку, или: не порть скатерть, видя, что ее портят, или: Иван не принес твой сундук, когда Иван должен был принести известный говорящим сундук, или: я не потеряла свой платок, его укради у меня, напр. в ответ на: ты верно потеряла свой платок, - те же лица заменяют в письме этот вин. падеж обычно посредством род. падежа, и даже восстают в теории против существования такой конструкции". Наблюдения Томсона в принципе не удивительны: письменный и устный варианты речи никогда не совпадали и не будут совпадать, так что такая ситуация, когда люди пишут не так, как говорят, вполне естественна и, следовательно, не дает повода для критики. Вообще этот вопрос так многогранен, что его невозможно обсуждать здесь более подробно (ср., однако, гл. 2.1.).

1959, 86; Frink 1964/, в то время как Г. Сафаревич /Safarewiczowa 1959, 94–98/ приводит ряд примеров употребления в этих конструкциях вин. падежа /см. также: Уедерка 1958; Вечерка 1963, 204–209/. Основная масса примеров состоит из случаев, в которых дополнением является одушевленное имя или сказуемое находится в повелительной форме. Количество примеров, однако, так мало, что нельзя сделать далеко идущих выводов /Safarewiczowa 1959, 98/.

В XVII и далее в XVIII веке употребление вин. падежа, очевидно, получило более широкое распространение⁷. Однако, нет единого мнения о частотности употребления вин. падежа в этих конструкциях /ср.: Гурьева 1963, 247; Ломов 1966, 51; Кононенко 1976а, 91–94, 1976б, 70/⁸. Как отмечает Л.М. Ломов, в различии выводов оказывается характер использованного материала (см. выше). В

⁷ Причина этого явления отмечается /Борковский 1978, 348/: "Детальное рассмотрение текстов XVII в. показало, что начавшееся в это время развитие категории одушевленности, которое вело к соединению форм род. и вин. падежей в единой морфологической форме, способствовало проникновению вин. падежа на место родительного при отрицании". Такое объяснение кажется нам, если не ошибочным, то по крайней мере недостаточным. Как известно, процесс становления категории одушевленности/неодушевленности начался в русском языке уже в доисторический период /ср., например: Bergkeler 1904; Thomson 1909; Борковский, Кузнецов 1965, 222; Liukkonen 1973; Klenip 1983/, так что связывать рост употребления вин. падежа в отрицательных предложениях в XVII веке непосредственно с этим явлением нельзя. О более или менее изолированных путях и темпах развития этих особенностей русского языка говорит и тот факт, что интервенция вин. падежа в отрицательные конструкции, очевидно, все еще продолжается, в то время как категория одушевленности/неодушевленности остается в сравнительно стабильном состоянии. На наш взгляд, общую причину вытеснения род. падежа при отрицательных переходных глаголах следует искать в универсальной тенденции употреблять при глагольном управлении не род., а вин. падеж, – явление, которое отмечается в истории русского языка у некоторых групп глаголов (например, глаголы восприятия). Употребляя формулировку Д.В. Уткина /1963, 77/, можно сказать, что "появление винительного на месте родительного есть победа переходности глагола над отрицанием". Любопытен также взгляд А.Ф. Кулагина /1959, 88–89/, который пишет, что "не исключена возможность, что это объясняется законом развития языка путем его совершенствования, в результате чего появляется возможность различные оттенки мысли выражать более точно!".

⁸ Неодинаковые выводы в работах разных исследователей можно иллюстрировать следующими примерами: Л.И. Таубенберг /1958, 6/, рассматривая язык конца XVII и начала XVIII века, отмечает, что конструкция с вин. падежом "представлена единичными примерами", в то время как Л.А. Кононенко /1976а, 93/ при рассмотрении данного вопроса констатирует: "Вин. падеж в отрицательных конструкциях в русском литературном языке XVIII века употреблялся параллельно с родительным".

это время, как и раньше, наблюдаются также диалектные различия /ср.: Станишева 1966, 222/.

Большие различия в употреблении вин. падежа в разных стилях и у разных авторов в XVIII веке сделали возможным для Г.Сафаревич /Safarewicowa 1959, 99/ разделить авторов на три группы. Произведения авторов первой группы (например, Петра I и Карамзина) отличаются полным отсутствием вин. падежа при отрицании. У авторов второй, самой многочисленной группы (Фонвизин, Долгорукая и др.) вин. падеж встречается "спорадически". Третью же группу составляет только один писатель, Кантемир, у которого вин. падеж встречается даже чаще родительного⁹.

Когда мы переходим к рассмотрению XIX века, в нашем распоряжении имеются уже точные данные об употреблении вин. падежа в интересующих нас конструкциях у разных крупных писателей¹⁰. Согласно данным Г. Сафаревич /Safarewicowa 1960, 69-96/¹¹, доля вин. падежа у ряда писателей следующая (в скобках при-

⁹Разделение писателей этого времени на группы на основе того, как часто ими употреблялся вин. падеж в отрицательных конструкциях, подтверждается цифрами, приведенными Кр. Флеккенштайн /Fleckenstein 1961, 215/. Она отмечает, что у Кантемира доля случаев с вин. падежом достигает 58,3% (общее количество примеров, или $n = 48$), в то время как у Радищева соответствующая доля равна - 20% ($n = 28$).

¹⁰Кроме тех исследователей, которые названы в тексте, точные цифровые данные приведены, в частности, Л. Дончевой /1962в, 27/ и А.Ф. Папиной /1964, 200/. Доля вин. падежа в этих конструкциях, согласно Папиной, у отдельных писателей того времени такова:

Жуковский	4%	($n = 400$)
Крылов	4%	($n = 375$)
Пушкин	10%	($n = 340$)
Лермонтов	17%	($n = 352$)
Кольцов	11%	($n = 161$)

Папина и Дончева рассматривают также подробно разные факторы, обусловливающие выбор падежа. К этому времени относится и наблюдение Л.А. Булаховского /1954, 349/, согласно которому вин. падеж употреблялся "главным образом в стихотворной речи", когда дополнением было слово "с абстрактным значением или близким к нему".

¹¹Весьма подробные данные Г. Сафаревич делают возможным и такое сравнение разных авторов, при котором учитывается также влияние отдельных факторов на выбор падежа. Ниже приводятся результаты ученого, касающиеся двух факторов (цифры относительно языка Лермонтова, Белинского и Островского пропущены, поскольку примеров было слишком мало):

водятся данные З. Углицкой /Uglitsky 1956, 177-178/ и Л. Дончевой /1962в, 27/¹²:

Пушкин	20%	(n = 404)	(18%) ¹³
Лермонтов	11%	(n = 89)	(4%)
Белинский	4%	(n = 72)	
Островский	11%	(n = 93)	(11%)
Достоевский	11%	(n = 86)	(25%) (29%)
Тургенев	24%	(n = 240)	(14%) (8%)
Л. Толстой	27%	(n = 629)	(17%)
Мамин-Сибиряк	17%	(n = 306)	

дополнение -	имя одушевленное	инверсия
--------------	------------------	----------

Пушкин	56% (n = 16)	23% (n = 60)
Достоевский	66% (n = 3)	6% (n = 31)
Тургенев	44% (n = 9)	27% (n = 78)
Л. Толстой	90% (n = 22)	28% (n = 207)
Мамин-Сибиряк	63% (n = 32)	7% (n = 60)

Хотя небольшое количество случаев не позволяет сделать заключение, однако цифры, бесспорно, свидетельствуют о том, что у разных авторов иерархия фактов, влияющих на выбор падежа, может варьироваться. Г. Сафаревич /Safarewiczowa 1960, 100-106/ приводит также количественные данные об употреблении вин. падежа при отрицании в диалектах. В материале книги Д.К. Зеленина "Великорусские сказки Пермской губернии" доля вин. падежа была очень высока - 71% (n = 163), изучение же материала "Хрестоматии по великорусской диалектологии" (авторы Н. Дурново и Д. Ушаков) привело к совсем иным результатам - 25% (n = 57). Был проанализирован с этой точки зрения Сборник пословиц, составленный В. Далем. Доля вин. падежа здесь только 10% (n = 220). Как отмечает автор /1960, 108/, пословицы представляют весьма архаический пласт языка, так что низкая доля вин. падежа отражает употребление падежей в прежнее время.

¹² Согласно данным Л. Дончевой /1962в, 27/ вин. падеж употреблялся в этих конструкциях весьма редко Чеховым: только в 6,5% случаев (n = 197) /ср. также Uglitsky 1956, 378/.

¹³ Говоря о Пушкине в этой связи, нельзя не привести общезвестную цитату, где поэт сам участвует в дискуссии об употреблении вин. и род. падежей при отрицании. На замечание одного критика, который ругал его за употребление вин. падежа, Пушкин ответил /Полное собрание сочинений в десяти томах, том VII, 1949, 78/: "Стих: Два века скорить не хочу критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол с отрицательной частицей требует не вин., а род. падежа; например: я не пишу стихов. Но в моем стихе глагол скорить управляет не частицей не, а глаголом хочу. Ergo, правило сюда не идет. Возьмем, например, следующее предложение: я не могу вам позволить начать писать стихи, а уж, конечно, не стихов. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю!" Такое эксплицитно выраженное мнение по этому вопросу, естественно, порождает желание выяснить, какие падежи употреблял в этих конструкциях сам Пушкин. Согласно Сафаревич /Safarewiczowa 1960, 69-76/ в конструкциях, в которых отрицается глагол, имеющий при себе инфинитив, у Пушкина, действительно, вин. падеж встречается гораздо чаще, чем в конструкциях без инфинитива, но далеко не всегда - в 63% случаев (n = 83). По сравнению с другими писателями, эту цифру можно считать сравнительно вы-

В нашем веке употребление вин. падежа в отрицательных конструкциях несколько увеличилось /Гвоздев 1965, 128¹⁴; Горбачевич 1978, 209–210; Comrie, Stone 1978, 104/. В поддержку такого взгляда можно привести данные о доли вин. падежа у разных советских писателей (частотность употребления вин. падежа колеблется от 19 до 48 процентов, см. подробнее ниже, с. 107). /ср., однако: Дончева 1962в, 29–30/. Нельзя, однако, преувеличивать темп этого развития. Если у некоторых современных писателей сто или сто пятьдесят лет назад, нет оснований говорить о быстрых переменах в употреблении падежей. Преждевременным нам кажется утверждение А. Тимберлейка /Timberlake 1975, 132/,

сокой, например, у Л. Толстого соответствующая доля вин. падежа равна 45% ($n = 99$), хотя общая доля вин. падежа в отрицательных предложениях у Толстого выше, чем у Пушкина. Любопытный вопрос о том, повлиял ли упомянутый эпизод каким-либо образом на употребление вин. и род. падежей в творчестве Пушкина, рассматривается в работе Перкиёномяки 1983.

¹⁴ Для того, чтобы показать развитие употребления вин. падежа при отрицании, Гвоздев /1965, 128/ приводит следующий пример: "Так, необыко звучит фраза из "Чайки" Чехова: *Твой отец де даст мне лошади*; обычно будет: *Твой отец не даст мне лошадь*". Пример выбран не очень удачно, поскольку язык Чехова, очевидно, плохо отражает свое время в отношении употребления вин. и род. падежей при отрицании (ср. сноска 12). В.А. Ицкович /1968, 63–65/ сообщает о весьма любопытных наблюдениях, которые заставили автора утверждать, что у современных писателей можно найти много примеров, когда при отрицательном инфинитиве употребляется род. падеж и что количество таких случаев увеличивается. Далее Ицкович рассуждает, что делать с этими примерами: "Проще всего, разумеется, было бы отмахнуться от примеров, подобных приведенным здесь, – ведь это очевидные ошибки, "неграмотность" и т.п. Но эта "ошибка" все чаще встречается не только в устной, но и в письменной речи, и задача лингвиста – понять и объяснить ее распространение". Что можно сказать о наблюдениях Ицковича, верны они или неверны? Справедливо, конечно, утверждение, что в отрицательных предложениях, в которых дополнение подчинено инфинитиву, возможен и вин. падеж (ср. с. 66). Вообще на выбор падежа при отрицании влияет столько различных, конкурирующих между собой факторов, что стопроцентных "только вин. или только род. падеж" – правил практически нет. Вопрос об увеличении количества случаев, когда в отрицательных конструкциях с инфинитивом встречается род. падеж, более сложный. Лингвисты, приводящие цифровые данные, обычно не разделяют их в нужной мере, так что верифицировать или фальсифицировать гипотезу Ицковича на основе этих данных нельзя. Достаточно детально представляет результаты только Г. Сафаревич /Safarewiczowa 1960, 112/ анализируя одну книгу Ажава. Общая доля вин. падежа в этих конструкциях – 82%. Подробный анализ этих случаев при учете семантики слова, которому инфинитив подчинен, не показал никаких существенных различий между ними. Нам кажется, что вопрос об изменении proportionий употребления вин. и род. падежей в конструкциях, о которых говорит Ицкович, требует дополнительного исследования; выводы, сделанные им на основе отдельных примеров, кажутся необоснованными.

что скоро, возможно, в русском языке (подобно чешскому) род. падеж совсем исчезнет из этих конструкций или будет встречаться только в устойчивых сочетаниях.

Как было отмечено выше, описание употребления вин. и род. падежей при отрицании в разные эпохи представляет собой только одну сторону истории вопроса; другую линию описания нужно искать в формулировках нормативных грамматик¹⁵. Следующие высказывания ученых показывают, что общий тон здесь не такой, как можно было бы предполагать, исходя из фактического языкового материала. Так, М.В. Ломоносов /1755,190/, говоря о глаголе "действительном", отмечает: "Когда ж пред ним присово-купляется отрицательная частица *не*, вин. падеж обращается в родительный: *не давай воли языку в пировании*"¹⁶. Не менее строгую формулировку мы находим у Н. Грече /1828,99/: "Род. падеж полагается ... после глаголов действительных, предшествуемых отрицательным наречием *не*; например: *не пью чего? вина; не вижу чего? пользы; не люблю кого? дитяти; не ем чего? плодов*"¹⁷. А. Востоков /1831,255-256/ тоже начинает с утвер-

¹⁵ О принципиальном различии между нормативном и дескриптивном изучением языка, говорится более подробно в главе 2.1.

¹⁶ Следующим важным этапом после грамматики Ломоносова в ряду русских грамматик была "Российская грамматика" А.А. Барсова (1783-1788). Однако, когда мы говорим о нормативных рекомендациях в грамматиках и их влиянии на употребление языка, грамматику Барсова можно опустить, поскольку она, во-первых, никогда не была доступной широкому кругу читателей и, во-вторых, она носит не чисто нормативный характер (ср. гл. 2.1.) Тем не менее интересно посмотреть, как описывается Барсовым употребление вин. падежа в отрицательных конструкциях (мы используем издание, только что вышедшее под редакцией Б.А. Успенского: Барсов 1981,212): "1/ Когда глагол, управляющий винительным имеет при себе отрицательную частицу *не*: то падеж сей переменяется в родительный, напр. *Люблю игру; не люблю игру...* 2/ И сия перемена имеет место даже и после неокончательного наклонения, управляемого другим глаголом отрицательным, напр. *Я беру эту книгу; я хочу, желаю, соглашаюсь взять эту книгу; я не беру этой книги; я не хочу, не желаю, не соглашаюсь взять этой книги.* 3/ Однако же в сем последнем случае можно и обратно употреблять винительный вместо родительного, как то: *Я желаю взять эту книгу!*".

¹⁷ В это время в Финляндии использовался шведский вариант Практической грамматики Н. Грече. Согласно автору этой книги /Gretsch 1848,271-272; ср. Греч 1840,152-154/ род. падеж обязателен и тогда, когда дополнение подчинено инфинитиву (*не хочу читать книгу, не люблю терять времени*). Вин. падеж возможен только в том случае, если отрицание стоит перед наречием (*я не охотно принимаю лекарство, ты не всегда пьешь воду*).

ждения, что "действительные глаголы с отрицательным наречием ... управляет род. падежом", но продолжает: "Но когда отрицательное наречие *не* сочинено с предположительными *едва ли*, *чуть ли*, и с вопросительным союзом *ли*, тогда, теряя силу отрицания и входя в состав наречия предположительного, не сообщает глаголам личным способности управлять род. падежом; наприм. *Он едва ли не теряет время. Не теряешь ли ты время?*"¹⁸.

В начале нашего века ученые, у которых подход к изучению языка был описательным, а не нормативным, критиковали существующие грамматики за то, что в них, вопреки явным доказательствам регулярного употребления вин. падежа в отрицательных предложениях, все еще одобряется только род. падеж /Томсон 1903, 206; Berneker 1904, 386; Чернышев 1914, 206¹⁹/ . В грамматиках этого

¹⁸ Любопытно заметить, что лингвисты, которые изучали язык с диахронической точки зрения и, таким образом, давали не рекомендации того, как следует говорить, а описывали то, как когда-то в действительности говорилось, создают совсем иную картину, чем та, которую можно найти в нормативных грамматиках. Так, Ф. Буслаев /1881, 256/, приведя ряд примеров употребления вин. падежа при отрицании, отмечает, что "особенно употребителен винительный у новейших писателей, когда при отрицании действительного глагола стоят описательные формы: *не хочу, не могу, не стану и т.п.*" /см. также: Некрасов 1865, 41/. Исключение здесь составляет А.И. Соболевский /1891, 183/, который пишет: "В настоящее время формы род. падежа употребляются вместо форм винительного в следующих случаях: 1/ постоянно от всех слов при глаголах с отрицанием" (эта же формулировка сохранена и в четвертом издании /1907, 201/, в которое внесены на этой же странице изменения по другому поводу).

¹⁹ Как известно, В. Чернышев был влиятельным нормализатором русского языка, одним из первых, кто серьезно занимался культурой русской речи. В связи с этим его отношение к вопросу можно считать особенно значимым. Чернышев /1914, 206/ исходит из наблюдений, которые показывают, что, во-первых, при инфинитиве часто употребляется вин. падеж, но "у писателей очень часто встречается винительный вместо родительного при действительных глаголах с отрицанием и без этих условий". Лингвист, имеющий нормативный подход, но вместе с тем и тонкое чутье речевой культуры, приходит к следующим выводам /1914, 297/: "В общем, по-видимому, во многих случаях нельзя точно определить условий, когда при отрицании ставится род. и когда вин. падеж. Существующее в школьных грамматиках правило ставить всегда при отрицании род. падеж вместо винительного не имеет под собой твердого основания. Таким основанием могло бы быть только сознание чисто говорящих по-русски или, по крайней мере, частное выражение этого сознания - последовательное употребление данных форм хотя некоторыми авторами. Ни того, ни другого у нас нет, и следовательно, нужно признать, что каждый из нас, в затруднительных случаях, более или менее свободно, может употреблять формы, которые ему более свойственны, не руководствуясь навязываемым языку неосновательным правилом". / Ср. также: Чернышев 1927, 66-67; Шахматов 1925, 324-325./

периода появляется некоторое смягчение в рекомендациях по употреблению падежей. Например, Д.Н. Овсянникова-Куликовского отмечает в своей грамматике /1907, 87/, что "глаголы 'переходные в тесном смысле' при отрицании требуют часто род. падежа (вместо винительного)", а в "Синтаксисе" /1912, 16-17/ находим более точное описание случаев: "Винительный прямого дополнения при отрицании часто заменяется в русском языке родительным: Я читал эту книгу, но: я не читал этой книги. Эта замена возможна и тогда, когда отрицание находится не при том глаголе, который управляет винительным прямого дополнения, а при другом, к которому относится первый, напр: предложение я хочу читать эту книгу с отрицанием может быть выражено двояко: 1/ я не хочу читать эту книгу /с вин./ и 2/ я не хочу читать этой книги /с род./"²⁰

Как показывают данные, приведенные выше²¹, и высказывания Овсянникова-Куликовского, разрыв между употреблением (не только в живой разговорной речи, но и у крупных писателей) и нормативными рекомендациями грамматик был еще сравнительно большим. На этом фоне знаменитый "Русский синтаксис в научном освещении" А.М. Пешковского, первое издание которого вышло в свет в 1914 году, совершает определенный переворот в описании данного явления. Рассматривая употребление род. падежа при отрицании, Пешковский /1938, 278/ пишет: "...значение этого родительного в настоящее время крайне побледнело вследствие полного смешения его с винительным. Хотя школьная грамматика и узаконивает при отрицании только один родительный, но это не соответствует современному употреблению. Уже у Пушкина мы нашли несколько десятков случаев употребления винительного в этих конструкциях ... в настоящее же время винительный здесь совершенно обычен, и в упо-

²⁰ Опубликованная в начале века в Гельсингфорсе грамматика русского языка /0с-трем 1906, 147/ гласит еще по старой традиции: "Глаголы, которые в утвердительной форме стоят в винительным, в отрицательной форме требуют дополнения в род. падеже". Несколько более мягкую формулировку мы находим в некоторых других грамматиках того времени, изданных тоже вне России /Marnitz 1909, 137; Pedersen 1916, 124/.

²¹ Отметим также особое пристрастие к употреблению вин. падежа при отрицании у М. Горького (см. с. 107).

треблении его мы не можем уловить никакой разницы между ним и родительным"²².

Вин. падеж в отрицательных предложениях был окончательно одобрен как равная альтернатива род. падежа Академической грамматикой 1954. Интересная и сравнительно неопределенная формулировка гласит так /Грамматика 1954, 562–563/: "Прямое дополнение в форме род. падежа при переходном глаголе с отрицанием обычно употребляется тогда, когда дополнение обозначает объект восприятия, мысли, ожидания, желания ... В других случаях возможен как вин., так и род. падеж, причем вин. падеж при отрицании иногда может и предпочтаться"²³. Далее следует упоминание о трех случаях (инверсия; известность дополнения говорящим; инфинитив), в которых вин. падеж предпочтается.

Несмотря на "официальное принятие" вин. падежа Академической грамматикой, некоторые ученые до сих пор относятся к его употреблению в отрицательных предложениях скептически²⁴. Вообще грамматики и учебные пособия, появившиеся в течение последних тридцати-сорока лет, образуют широкую шкалу в освещении этого вопроса. Крайне сдержанной, можно сказать, консервативной точки зрения придерживаются лингвисты, которыми вин. падеж вовсе не принимается или принимается только как разговорный вариант²⁵

²² Пешковский /1938, 278/ пишет дальше: "Еще более эти падежи смешиваются, когда они зависят не от глагола с отрицанием, а от и н ф и н и т и в а, который сам зависит от глагола с отрицанием ... в этом случае винительный, кажется, даже преобладает".

²³ Расплывчатая формулировка Грамматики 1954 привлекла внимание читателей. Так, В.Ф. Иванова /1955, 149–150/ пишет: "Неполно, а иногда и неточно устанавливаются условия употребления род. и вин. падежей при глаголах с отрицанием. Так, ничего не говорится о ряде случаев, в которых возможен только род. падеж, в том числе о таких случаях, которые вызывают в школьной практике частые стилистические ошибки. Например: не вынуждает доверия, не нарушает спокойствия, не составляет секрета, не вызывает сомнений и т.д.

²⁴ Еще в 1953 известный языковед Р.А. Будагов /1953, 215/ писал, что вин. падеж при отрицании появляется "порой в современном русском языке вследствие грамматической и стилистической неопытности тех или иных авторов".

²⁵ Список работ, приведенный здесь, конечно, не претендует на полноту; грамматики русского языка пишутся во всех концах земного шара, так что невозможно сослаться на все. Отметим, что обзор с этой точки зрения грамматик и учебных пособий, вышедших в свет в США, сделан А. Тимберлейком /Timberlake 1975, 136/.

/Mazon 1945,118; Netschajewa б.г.,40; Pulkina б.г.,80; Kubik et al. 1974,116; Пулькина, Захава-Некрасова 1975,48-49; Mazon 1978,118; Дудников и др. 1981,227²⁶/.

Другой конец шкалы представляют труды, принимающие вин. и род. падежи как равные эквиваленты и подробно описывающие условия употребления того и другого /Borras, Christian 1959,25-27; Галкина-Федорук 1964,373-375²⁷; Воробьева и др. 1975,78-79; Папп 1977,478-479²⁸/.

Промежуточную позицию занимают те грамматики и пособия, в которых род. падеж принимается как первичная форма, но даются и случаи предпочтительного употребления вин. падежа /Булаховский 1937,249-250; Unbegau 1957,295; Финкель, Баженов 1960,486-487; Пляль и др.1962,251-252; Гвоздев 1968,106²⁹; Ojanen 1972, 126; Mustajoki, Pirinen 1977,101; Forbes 1979,182-183/. Об ак-

²⁶ В последней из упомянутых книг /Дудников и др. 1981,227/ пишется: "Если при переходном глаголе имеется отрижение *не* или действие глагола переходит не на весь предмет, а лишь на его часть, то прямое дополнение получает форму род. падежа. Например: 1. *Сеня не знал всей обстановки.*" К этому мнению приывает взгляд, согласно которому употребление род. падежа не всегда обязательно, но в то же время и никогда не является ошибкой (ср. сноска 1, а также: Миленцова 1982).

²⁷ Интересующая нас часть грамматики написана Д.Э. Розенталем, перу которого принадлежат и соответствующие рекомендации в разных справочниках /Розенталь 1971; и др./. Редактор данной грамматики является также автором статьи, связанной с этой проблематикой /Галкина-Федорук 1951/.

²⁸ Мы считаем неудачной, слишком неопределенной формулировку знаменитой "Русской грамматики", созданной чешскими лингвистами /Чешская русская грамматика 1979,839/: "*N_g* в позиции прямого объекта в отрицательном предложении представляет собой факультативный позиционный вариант *N_a*. Если оставить в стороне более или менее устойчивые, фразеологизировавшиеся сочетания ..., то говорящему представлена возможность выбора между формой *N_a* и *N_g*". Как мы знаем и как будет очевидным из последующего текста этой же грамматики, говорящий далеко не всегда имеет возможность свободного выбора между данными формами. Наоборот, результаты эксперимента, проведенного нами среди студентов МГУ (см. гл. 3.5.) говорят о том, что свободный выбор между вин. и род. падежами сравнительно редкое явление (доля ответов "вин. или род. падеж" была ниже 15%).

²⁹ У А.Н. Гвоздева /1968,106/ мы находим несколько неосторожную формулировку: "Род. падеж при отрицании нередко выражает те же отношения к объекту, что и винительный: ... Он не встретил сестру - он не встретил сестры". Вряд ли можно с этим согласиться.

туальности и трудности этого вопроса для носителей языка³⁰ свидетельствует то, что он широко рассматривается в различных книгах-справочниках и пособиях по стилистике /Добромыслов, Розенталь 1955, 192-193; Былинский, Розенталь 1957, 276-278; Мамонов, Розенталь 1957, 127-129; Гвоздев 1965, 127-128³¹; Листвинов 1965, 190-195; Розенталь 1971, 248-251; Розенталь 1974, 270-276/.³²

Различия в презентации этого явления в разных грамматиках, а также справочниках и пособиях по русскому языку говорят, на наш взгляд, о том, что несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению этого вопроса, все его детали еще далеко не выяснены. В связи с этим необходимо провести критический обзор существующих работ и попытаться найти более точные и надежные методы, позволяющие уточнить наши представления о данной проблеме.

³⁰ В том, что этот вопрос труден для обучающихся русскому языку, нет сомнения. Тем не менее пособия, предназначенные для обучения иностранных студентов или школьников, нередко или вообще не пишут о выборе падежа при отрицании, или ограничиваются весьма скучной информацией о нем. Дадим только один пример. В книге /Белевицкая-Хализева и др. б.г., 102-103/ находим следующую формулировку: "Существительные, имеющие абстрактное значение, после переходных глаголов с отрицанием обычно стоят в род. падеже; существительные с конкретным значением – как в род., так и в винительном". Такие сведения, разумеется, недостаточны. А почему этому вопросу уделяется так мало внимания в пособиях, предназначенных для иностранцев, в то время как другие трудности русского языка рассматриваются весьма подробно? Очевидно, здесь два возможных объяснения. Во-первых, может быть, те сведения, которые имеются в нашем распоряжении, настолько неопределены, что не дают достаточно материала для подачи точных правил и в связи с этим весь вопрос легко забыть. Во-вторых, авторы пособий могут считать выбор падежа дополнения в этих случаях таким несущественным для правильного употребления русского языка вопросом, что нет необходимости обучать ему иностранцев. Последний взгляд основывается на предположении, согласно которому или обе формы во всех случаях правильны (ср. сноски 28), или род. падеж всегда правилен (ср. сноски 1 и 27).

³¹ А.Н. Гвоздев /1965, 128/ интересным образом связывает вытеснение род. падежа вин. падежом с "отмиранием родительного со значением временного пользования при глаголах без отрицания: *Дай ножичка!*".

³² Показательно, что в книге "Трудные вопросы грамматики и правописания" /Добромыслов, Розенталь 1955, 192-193/ вопрос о падеже дополнения при отрицании стоит первым в разделе "Управление".

0.3. Место исследуемой конструкции среди сходных явлений современного русского языка

Поскольку разные явления в языке существуют не изолированно друг от друга, а образуют определенную систему, напомним в завершении этого краткого введения о других случаях, в которых в современном русском языке при глаголе (или соответствующем слове) употребляется род. падеж (1-4) или формы вин. падежа, внешне напоминающие форму род. падежа (5)³³.

1. В конструкции $N_n^1 + V + N^2$ N^2 ставится в род. падеже, между прочим, при следующих условиях:

³³ Весьма интересны и плодотворны попытки объяснить все случаи употребления какого-либо падежа посредством одного общего критерия. В самой известной из этих трактовок, в "Kasuslehre" Р. Якобсона /Jakobson 1971, 193/, описание род. падежа начинается так: "An der Analyse des angeblich 'so vieldeutigen' Genetivs erwies sich besonders deutlich die Unfruchtbarkeit der atomistischen Betrachtungsweise, die den Kasus in eine Anzahl verschiedenartiger, ja sogar sich widersprechender Sonderbedeutungen zerstückelt". Учение о падежах Р. Якобсона дополнено и пересмотрено многими лингвистами /среди последних: Kilby 1977, Newman 1978b; ср. также: Uglitsky 1956, 378-379/. Однако, с точки зрения целей настоящей работы описание русского генетива как +ОБЪЕМНОСТЬ, -НАПРАВЛЕННОСТЬ /Якобсон 1971, 158/ или как +TRANSITIVITY, -DIMENSIONALITY, +DUPLICATION, +OBJECTIVENESS /Newman 1978b, 562/ кажется недостаточным. Нам нужен вместо "Grundbedeutung" более "атомистический" подход (несмотря на плохую репутацию его): нас интересует, как эти возможные общие характеристики представлены в случае отрицательного дополнения. Чтобы показать недостаточность расплывчатых определений о сущности род. падежа, можно привести цитату из "Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen" /Delbrück 1893, 308/: "Der Genetiv unterscheidet sich von dem Akkusativ dadurch, dass bei dem Gen. der Verbalbegriff nicht auf den vollen Umfang des Substantivbegriffs zu beziehen ist. Er ist sozusagen ein verengter Akkusativ." Такая общая характеристика род. падежа действительна как для индоевропейского пражязыка, так и для современного русского языка, несмотря на существенные изменения в употреблении падежей. Это означает, что универсальные описания особенностей разных падежей не могут предоставить достаточные сведения о таких оттенках, с которыми мы сталкиваемся при рассмотрении употребления род. и вин. падежей в отрицательных предложениях. Решение оставить в стороне рассуждения об общих, все случаи покрывающих принципах употребления падежей, вытекает также из нашей точки зрения, согласно которой все факторы, имеющие значение при выборе падежа при отрицании, пока еще не выяснены; нужны еще данные о деталях, чтобы построить индуктивным путем универсальное объяснение, которое лишь впоследствии может быть использовано при дедуктивном подходе.

- а. V обозначает лишение, удаление (Он избегает выполнения своих обязанностей);
- б. V обозначает достижение, прикосновение (Он достиг больших успехов);
- в. V - глагол накопительно-суммарного значения с приставкой на-, N² обозначает большое количество (Он наравал цветов);
- г. V - глагол с приставкой не- или недо- (не всегда, а обычно только при N² определенной семантики) (Недостает книг, Он недослал денег)³⁴;
- д. V входит в группу глаголов, обозначающих желание, ожидание, N² имеет определенные семантические признаки (Он ищет себе

³⁴ При рассмотрении влияния отрицания на управление, бесспорно, представляют интерес глаголы, в которых морфема не пишется слитно с глаголом и которые снабжены приставкой недо-. Их история и современность не очень ясны. Согласно А. Вайану /Vailant 1977,77-78/ при глаголе ненавидеть преобладает род. падеж, а при глаголе возненавидеть - винительный (см. также: Минков 1911, 397; Вечерка 1963,204). Н. Греч /Gretsch 1848,274/ дает один пример с вин. падежом (честный человек ненавидит клевету). Д.Э. Розенталь, представляющий современную нормативную точку зрения /1971,251; 1978,271-272/, отмечает: "Дополнение обычно ставится в форме вин. падежа при глаголах с приставкой недо-, не имеющей значения отрицания, а указывающей на выполнение действия ниже нормы, например: недогрузить тонну угля, недодать почту ... Род. падеж в этих случаях употребляется при количественно-разделительном значении объекта, например: недодать деталей, недовесить масла, недодать кирпича, недолить воды, недослать денег." В Грамматике 1980 /1, 373,374/ упоминается об управлении глаголов с приставкой недо- в двух местах; приводятся следующие примеры: работать над чем-н. - недоработать что-н.; жарить что-н. - недожарить что-н. или чего-н. Систематические данные, касающиеся отдельных глаголов этой группы, трудно найти, поскольку во многих словарях отсутствует упоминание об управлении, а в тех, в которых оно наличествует, многие из этих глаголов не отмечаются в связи с их малой употребительностью или "автоматическим" вытеканием значения из глагольного корня и приставки. В пособии "Русский глагол: предложное и беспредложное управление" /Андреева-Георг, Толмачева 1975,166-167/ упоминаются следующие глаголы: недоглядеть чего?, недолюбливать что?, недооценить что?, чего?, недослыпать что?, чего?, недосмотреть чего?, ненавидеть что?. На основе существующих данных трудно сделать окончательные выводы о настоящем состоянии управления этих глаголов. Видимо, глаголы с приставкой не- (широкоупотребляемый ненавидеть и некоторые другие, как: невзлюбить, неволить) управляют в современном русском языке только вин. падежом, в то время как глаголы с приставкой недо- довольно свободно сочетаются и с род. и с вин. падежами /ср.: Davison 1967, 56; Ицкович 1982,43/. На наш взгляд, все эти случаи невозможно, подобно Розенталю, объяснить только, как имеющие количественно-разделительное значение. С этой точки зрения глаголы данной группы заслуживают специального изучения.

поддержки)³⁵;

е. V - глагол сов. вида определенной семантической группы, действие переходит на N² частично (*Он принес воду*)³⁶;

ж. V - глагол сов. вида определенной семантической группы, конструкция обозначает временное пользование предметом, выражаемым N² (*Дай мне ножичка*)³⁷.

2. В предложениях, которые могут внешне напоминать конструкцию первого пункта, но в которых N² является обстоятельством, стоящим в утвердительном предложении в вин. падеже, при определенных условиях может быть употреблен и род. падеж

³⁵0 распространении употребления вин. падежа в этих конструкциях см., например: Горбачевич 1976.

³⁶Любопытны, но вряд ли перспективны наблюдения А. Барсова /1880, 15/ над морфологическим составом глаголов, встречающихся в этих конструкциях.

³⁷А. Томсон /1908, 294-297; Thomson 1911, 250-251/, ссылаясь на Буслаева /1881, 254/ и Миклошича /Miklosich 1883, 487/, пишет, что предложения типа *Дай мне ножика* "не так уж редки" в течение истории русского языка и встречались и в других славянских языках. Говоря о ситуации того времени, Томсон /1908, 295/ пишет: "В современном русском языке такое чередование обоих падежей прямого дополнения, в зависимости от указанных оттенков значения, встречается не-редко, хотя под влиянием учебной грамматики, игнорирующей такое употребление род. падежа, оно избегается в языке образованного общества. Мною записаны из "домашнего языка" интеллигентных русских: *Дай мне твоего (своего) ножика* (в смысле: на время), *Он давал мне своего ножика* (дал мне ножик), *Одолжи мне своего пера, своей книги, папки, Дай мне твоей книгии, шляпы, лодки, твоего платка. Дайте мне вашего самовара, седла. Позвольте мне Ваших часов*". Томсон, которому было свойственно доказывать правильность разных конструкций, не принимаемых нормативными грамматиками, продолжает /1908, 296/: "Если обратиться с вопросом о правильности этих фраз к образованным чисто русским людям, то они обыкновенно сначала отвергаются от них. Потом оказывается, что для слуха громадного большинства такие фразы совершенно привычны и не возбуждают их внимания как неправильность, и что многие из них употребляют сами такие фразы в домашнем языке, особенно с детьми". В современных грамматиках и справочниках можно найти только некоторые упоминания об этих конструкциях. Д.Э. Розенталь /1971, 255/ дает им следующую оценку: "При глаголах *дать*, *одолжить*, *попросить* и некоторых других имена существительные со значением конкретного предмета могут употребляться в разговорной и диалектной речи в форме род. падежа (так называемый родительный временного пользования), например, *дай ножичка, одолжи веничика*". В книге /Галкина-Федорук 1964, 375/ данная конструкция характеризуется как "устарелая и просторечная", а в Грамматике 1980 /11, 36/ пишется менее строго: "...форма - устаревающая и для современного языка редкая" /ср. также: Богданова 1911, 383; Буторин 1953, 3; Vahros 1959, 274; Пигин 1962, 18/.

(Мы даже года там не прожили)³⁸.

3. Конструкции, обозначающие экзистенцию типа $X + \text{есть} + N_n$ трансформируются при отрицании: $X + \text{нет} + N_g$ (Здесь/у меня нет ручки) ³⁹.

4. В конструкциях с предикативно-безличными словами типа не видно перемен⁴⁰.

5. Если N_a входит в группу одушевленных существительных, его форма совпадает с формой род. падежа у слов мужского рода в ед. и мн. числе и у слов среднего и женского рода во мн. числе

³⁸ Для авторов грамматик обстоятельства, стоящие в вин. падеже, создают специальную проблему (авторы грамматик финского языка вышли из положения, сочинив сокращение OSMA; см., например: Hakulinen, Karlsson 1979, 179). Эти обстоятельства отчасти имеют свойства, присущие только дополнениям. Поэтому не удивительно, что предложения не писать письма и не спать ночей иногда считались эквивалентными по структуре /см., например: Некрасов 1865, 41; Marnitz 1909, 137-138/. А.М. Пешковский /1938, 279/, наоборот, четко различал эти конструкции, утверждая также, что род. падеж при отрицании возможен только в случае "настоящего дополнения". Д.Н. Овсянко-Куликовский /1907, 242/, со своей стороны, считал предложения типа я не сидел и часа "редкими исключениями из общего правила". Очевидно, употребление род. падежа в таких конструкциях не исключение, а правило, если речь идет об усиленном отрицании: мы даже года там не были, я не читал и одной минуты, он не проехал и восеми километров /см.: Ekblom 1945, 154; Timberlake 1975, 139; Апресян и др. 1978, 144/. В нашем распоряжении нет статистических данных об употреблении род. падежа в конструкциях этого рода, но, может быть, он употребляется здесь чаще, чем предполагалось, в связи с тем, что в таких предложениях отрицание более или менее автоматически получает усиленный оттенок (эксплицитно выраженный или имплицируемый) и тем самым логическое ударение падает на обстоятельство. Поскольку данный вопрос только соприкасается с нашей темой, мы не можем говорить о нем подробнее.

³⁹ Данная конструкция - хотя не показывает варьирования в употреблении падежей - привлекает интерес исследователей по крайней мере следующими особенностями: во-первых, эти предложения иногда имеют определенную связь с предложениями с дополнением (ср.: Мы не встретили знакомых слов: Знакомых слов нам не встретилось) /см., например: Klíma 1959, 289; Лиггин 1962; Gundel 1974, 272-273; Birkenmaier 1979, 143; Babby 1980, 145-172/; во-вторых, "родительный субъекта" наблюдается не только при глаголе быть, а также при некоторых других близких к нему глаголах /см., например: Адамец 1973, 88-89; Ицкович 1974, 60-78; Chvany 1975, 121-127, 260-261; Moravcsik 1978, 268; Růžička 1981; Ицкович 1982, 53-57/; в-третьих, употребление род. падежа иногда возможно и без отрицания /см., например: Костинский 1969/.

⁴⁰ Эти случаи упоминаются уже А. Востоковым /1931, 255/. Говоря об этих конструкциях, И. Коут /1960, 30/ отмечает, что "в языке разговорном и народном можем найти и винительный". Подробный анализ этих предложенийдается В.А. Ицковичем /1974, 60-78; ср. также: Tsurikov 1967, 64-65; Граудина и др. 1976, 38-42; Růžička 1981, 10-11/. Оп употреблении вин. падежа в соответствующих утвердительных конструкциях см: Буторин 1966, 132-136.

(Он любит кота/животных/собак)⁴¹.

Некоторые из упомянутых выше случаев будут затронуты и ниже, а вообще, когда речь будет идти о "рассматриваемых конструкциях" или об "отрицательных предложениях", имеются в виду только такие, в которых в структуру отрицательного предложения входит переходный глагол с дополнением.

⁴¹ При изучении падежа дополнения случаи совпадения форм вин. падежа с формами род. падежа у одушевленных существительных составляют особые трудности. Относиться к ним можно в принципе двояко: или эти случаи исключаются из рассмотрения, или они толкуются в зависимости от контекста то как формы род., то как формы вин. падежа. Соблюдая последний подход, можно привести, например, следующие иллюстрации для обнаруженных факторов: не имеет дома, денег, машины, брата, друга, сведений /Грамматика 1980 11,416/. Решение толковать данные формы как презентацию одного из этих падежей настойчиво поддерживает А. Цуриков. Он пишет /Tsurikov 1967,33-34/: "From the scientific point of view, however, it seems absolutely inadmissible to omit mentioning the large group of masculine animate nouns and to base conclusions concerning the whole language on statistics of the incomplete corpus. In the analysis of the sentence: Я не знаю Ивана we cannot say, applying the old rule which requires that the negated direct object be in the genitive case, that Ивана is the genitive case of the proper name Иван simply because on the next page we have the sentence: Я не знаю ни Натали, ни Ивана". Таким образом, падеж слов типа брата определяется с помощью замены словом на -а. Этот прием не совсем надежен, поскольку слова разных морфологических категорий могут поступать в этих конструкциях по-разному. Совершенно неубедительным такой способ определения падежа дополнения становится во мн. числе, если взять пример Цурикова /Tsurikov 1967,49/: "In the sentence Он не любит свои произведения, the object is in the accusative case. By substitution of свои дети for the phrase свои произведения, we will have the sentence: Он не любит своих детей, and we obtain sufficient evidence to say that the object своих детей is in the accusative case. We made the above substitution between two different "levels", i.e., an animate noun was substituted for an inanimate noun. In this particular case it seems permissible, for the animate noun has at least the same degree of concreteness as the inanimate noun."

Мы считаем, что подход, предложенный и "обоснованный" Цуриковым, приводит к слишком субъективным решениям, так что нет другого выхода, как исключить эти случаи из рассматриваемого материала. Таким образом поступили, между прочим, исследователи, применяющие статистические методы /Restan 1960, Green 1979, Хака 1981/ (ср. несправедливую критику Цурикова /Tsurikov 1967, 33-37/). Из такого решения следует, что при рассмотрении слов разных типов склонения цифры не сопоставимы, но этот недостаток легко устранить, вычитая из результатов в данном конкретном случае одушевленные существительные на -а.

1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЕ

В этой части монографии рассмотрены основные результаты исследований лингвистов, изучающих данный вопрос. Сделанные ими выводы по отношению к отдельным факторам при выборе падежа будут сопровождены некоторыми комментариями; принципиальные же положения, касающиеся методологического аспекта этих работ, будут рассмотрены во второй части монографии.

1.1. Концепция А.И. Томсона

В изучении рассматриваемой проблемы почетное место принадлежит А.И. Томсону. Он был первым, кто исследовал употребление вин. и род. падежей при отрицании не только с диахронной, но и с синхронной точки зрения. Описание Томсоном условий, определяющих выбор падежа, остается одним из лучших, и оно послужило основой⁴² для всех последующих исследований.

Основные идеи Томсона представлены в работе "Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке" /1903/⁴³. Некоторые отдельные вопросы (выбор падежа при инфинитиве, в вопросительных предложениях; вещественность и предметность имен существительных и др.) рассмотрены также в труде "К синтаксису и семасиологии русского языка" /1902/⁴⁴. Прямо или косвенно эта тематика затрагивается в работах Томсо-

⁴² Работы Томсона (особенно: 1903) упоминаются в большинстве исследований, посвященных данной теме, но более подробная презентация его идей, как правило, отсутствует. Лучше всего его работы представлены Г. Сафаревич /Safarewiczowa 1959, 83-85/. Д.И. Буторин /1953, 8/ также рассматривает взгляды Томсона, но при этом в некоторых случаях его слова слишком категоричны и, таким образом, он приходит к необоснованным критическим замечаниям (при мером может послужить высказывание о влиянии вида глагола).

⁴³ Эта работа была впервые опубликована уже в 1902 году в "Сборнике статей, посвященных Ф.Ф. Фортунатову". Мы ссылаемся, однако, по старой традиции на текст /1903/. Страницы соответствующего текста /1902/ можно получить, увеличивая число страниц на 467.

⁴⁴ И эта работа выходила в свет дважды. Страницы отдельного издания получаются с вычитанием 280.

на "К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках. Прилагольный род. падеж в праславянском языке" /1908/, "К вопросу о возникновении род.-вин. падежа в славянских языках. Сходные явления в других языках" /1909/, "Beiträge zur Kasuslehre I. Über den Genetiv-Akkusativ im Slavischen /1909/; III. Zur Genetivrekktion des Verbums im Baltischslavischen /1911/".

Чтобы понять значение работ Томсона, нужно вспомнить, что еще в начале нашего века, согласно нормативному подходу, в отрицательных предложениях употреблялся только родительный падеж. Это обстоятельство не могло не сказаться на позиции Томсона. Он был вынужден неоднократно отмечать, что при отрицании род. падеж – несмотря на указания школьных грамматик – далеко не само собой разумеющееся явление. "Как бы то ни было, подобный вин. падеж при отрицаемом глаголе существует в русском языке без всякого сомнения. С этим фактом нужно считаться и наука не может обходить его молчанием" /1903,208/. Томсон при этом постоянно указывает на разницу употребления падежей в устной и письменной речи. Он писал /1903,207/: "Те же природные русские, которые говорят: *не бери палку*, видя, что слушатель берет палку, или: *не порть скатерть*, видя, что ее портят, или: *Иван не принес твой сундук*, когда Иван должен был принести известный говорящим сундук, или: *я не потеряла свой платок*, его украли у меня, напр. в ответ на: *ты верно потеряла свой платок*, – те же лица заменяют в письме этот вин. падеж обыкновенно посредством род. падежа, и даже восстают в теории против существования такой конструкции" (ср. также с. 11 данной работы).

Анализ концепции Томсона, на наш взгляд, целесообразно начать с классификации отрицательных предложений. Томсон разделяет их на пять категорий⁴⁵:

⁴⁵ Томсон пишет о своей классификации, философически размышляя /1903,198-199/: "Выше я не имел в виду дать логическую классификацию отрицательных предложений, а старался распределить исторически сложившиеся разновидности отрицательных предложений русского языка на такие группы, которые мне казались наиболее удобными для решения намеченного вопроса. Впрочем, вполне логическая классификация возможна в культурно-исторических науках лишь в редких

1. Действие вообще не отрицается; отрицание относится к любому члену предложения, кроме глагола: *Не я купил этот дом, Я купил не дом, Я купил не этот дом* /1903,195,199/. "В предложениях этой категории действие не отрицается, и его отношение к другим членам предложения то же, что и в утвердительных предложениях, в виду чего его отношение к прямому дополнению определяется вин. падежом последнего" /1903,200/.

2. Отрицается действие, но отрицание относительно; вместо действия, которое отрицается, говорящий имеет в виду другое действие (*Он не украл эту лошадь, а купил ее*) или то же действие в другом виде (*Он не продал свой дом, а продаст его в будущем году*) /1903,195,202/. Дополнение выражается в этих случаях всегда вин. падежом.

3. Формально отрицательная частица стоит перед глаголом, но по смыслу отрицается другой член предложения, который получает сильное логическое ударение: *Я не одобряю эту статью; Не выбирай невесту, выбирай сваху; Не бери жену богатую, бери непочатую*. Отрицательному члену предложения иногда дается альтернатива в другом предложении (см. второй и третий примеры выше) или же это известно слушателю и остается невыраженным (первый пример). В этих предложениях встречается только вин. падеж. Для сопоставления этой категории с другими Томсоном приводятся, между прочим, следующие примеры: *Я не взял Ваш зонтик* (3-ья категория): *Не я взял Ваш зонтик* (1-я категория) : *Не взял я Ваш зонтик* (4-я категория) : *Я Вашего зонтика не брал* (5-я категория) /1903, 195,202-205/.

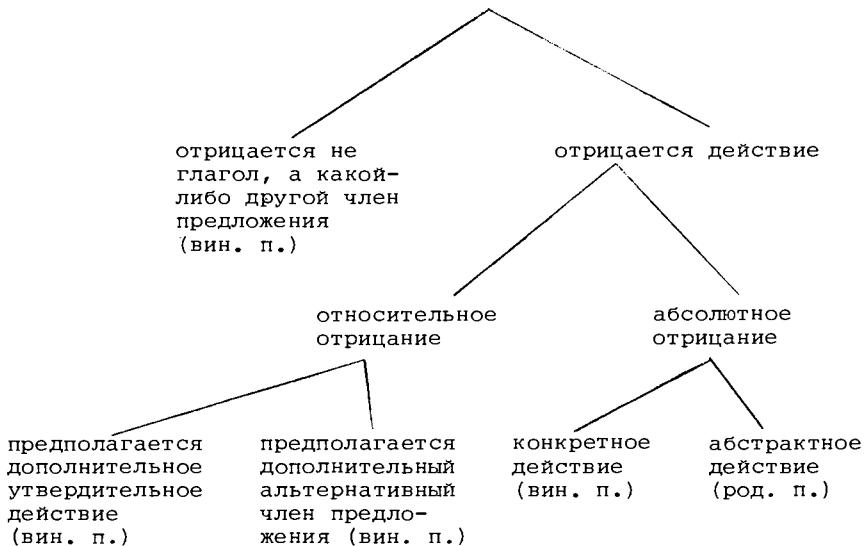
4. Действие отрицается абсолютно; дополнение в вин. падеже. В предложениях этого рода "отвергается конкретное действие, представление о котором входит в состав сильно возбужденного в душе говорящего, и существование или по крайней мере признание которого говорящий предполагает и в душе слушателя, напр.: *Не шей ты мне, матушка, красный сарафан*" /1903,197/.

5. Действие отрицается абсолютно; дополнение в род. падеже. При этом отрицается лишь "возможное в данном случае абстракт-

случаях; и то приходится клать в основание деления часто несущественные признаки. А здесь необходимо считаться одновременно как со значением, так и с внешней формой предложений, в их разновидностях!".

ное действие", например: Так как он не нашел подходящей квартиры, то он поселился в меблированных комнатах /1903, 197/.

Схематически категории отрицательных предложений по Томсону можно изобразить следующим образом:



Разграничение категорий 1-3 приводит уже к определению некоторых случаев выбора падежа при отрицании. Основную массу случаев представляют, однако, категории 4 и 5, в которых наблюдается конкуренция вин. и род. падежей. Рассматривая сущность различия этих категорий, Томсон дает сначала некоторые общие, семантические характеристики для них. "Конкретность" действия в данных предложениях проявляется, между прочим, в том, что "значение грамматического объекта... конкретное, индивидуально определенное" /1903, 222/. В этих случаях "должно сохраняться то отношение действия к объекту, выражаемое вин. падежом, которое существует в соответствующем утвердительном суждении, которому отрицательное противопоставляется" /1903, 210/.

В предложениях же пятой категории "определяется обыкновенно состояние психологического подлежащего (которое может быть как грамматическое подлежащее, так и грамматическое дополнение) та-

ким образом, что при помощи отрицаемого более или менее абстрактного действия отвергается то отношение между представлениями, обозначаемыми грамматическим субъектом и объектом, которое существовало бы, если это возможное действие действительно происходило бы" /1903, 209/. В другом месте /1903, 222-223/ Томсон подробнее объясняет, что обозначает отрицание отношения между подлежащим и дополнением: "Действие в данном случае фикция говорящего, а реальное значение имеют лишь те условия, которые логически вытекают из отсутствия данного действия: Я не брал, не взял, не возьму ваших книг - выражает мое отношение к известным книгам. Он не видел больших городов - определяет напр. известным образом его кругозор, и пр." /1903, 223/.

Томсон обращает внимание также на то, как общие семантические характеристики этих двух типов предложений находят отражение в синтаксических конструкциях разного рода. Он пишет, что наиболее часто вин. падеж употребляется в повелительных отрицательных предложениях /1903, 212/: "Говорящий убежден, что известное конкретное действие совершается или должно совершиться, и высказывает повелительное отрицательное предложение с целью, чтобы данное действие не происходило" /1903, 212/. Из многочисленных примеров, которые автор обычно сопровождает объяснением, упомянем следующие: Не порть, не облей скатерть (например, видя, что слушатель портит скатерть), Не пой этую песню (например, которую ты сейчас поешь или собираешься спеть), Не оставь молодую вдову. Чтобы дать контраст употреблению вин. падежа, Томсон перечисляет и некоторые предложения с род. падежом, например: Не пой этой песни! (т.е. вообще; определяет отношение к песне, известное состояние, желательное по тем или другим причинам), Не покидай земли родной (определяет желательное отношение между слушателем и родиной) /1903, 214-215/.

Согласно Томсону, вин. падеж употребляется при таких же условиях, как в повелительных предложениях, и в предложении языка: Я желаю, чтобы ты не читал этую книгу (ты читаешь или собираешься читать ее), Чтобы ваш сын не смущал бедную девушки. О соответствующих предложениях с род. падежом (Я желаю, чтобы ваш сын не смущал этой девушки и т.д.) Томсон

отмечает, что в них "говорящий допускает возможность действия, наступление которого для него не желательно, а желательно ему то состояние, возможное лишь при отсутствии данного действия" /1903,215/.

В вопросительных предложениях, в которых скрывается утвердительное суждение, употребляется вин. падеж: *Не принести ли стулья, свечи, нож?* (которые говорящий имеет в виду принести), *Не теряешь ли ты время?* (в данном случае: теряешь) /1903,216/. Когда же "лишь допускается возможность известного состояния, обусловленного возможным действием, то и здесь появляется род. падеж": *Не принести ли стульев, свечей, ножей?* (=не нужны ли стулья и т.д.), *Ты не любишь ли другой?* (из этого состояния объяснилось бы отношение ко мне) /1903,217/.

Вин. падеж встречается часто также в предложениях у словия: *Если ты не отдашь книгу, то я на тебя пожалуюсь* (ты должен сейчас отдать);ср.: *Если он не принесет твоей книги, то возьми мою* (если у тебя не будет книги, то ...) /1903,217-218/.

В повествовательных предложениях вин. падеж встречается реже. Обычно при этом отвергается "действие, с уверенностью предполагаемое, ожидаемое или желаемое говорящим или слушателем", например: *Он не увидит свою родину*, *Он еще не купил мою лошадь* /1903,218-219/. Когда в повествовательном предложении появляется род. падеж, речь идет, согласно Томсону, об описании: "весь интерес говорящих сосредоточен на тех условиях, которые логически вытекают из отсутствия фактического действия". Разницу, которая наблюдается здесь между конструкциями четвертой и пятой категорий, Томсон стремится конкретизировать примером: *Я не купил шляпу* : Я не купил шляпу. Первое предложение означает, что я не совершил известного действия, а второе - что у меня нет шляпы, потому что я не купил /1903,220/.

Взгляды Томсона на влияние некоторых других факторов будут представлены ниже.

Классификация отрицательных предложений, приведенная А.И.Томсоном, позволяет нам, кроме тех случаев, которые были отмечены на с. 23-27, еще несколько сузить объект исследования. Из дальнейшего рассмотрения исключены предложения первой и второй томсоновских категорий, а именно:

1. предложения, в которых отрицательная частица стоит не перед глаголом (*Не я придумал эти порядки, Я не очень люблю живопись*)⁴⁶;
2. предложения, в которых, наряду с отрицательным действием, упоминается и действие, которое не отрицается (*Книги по математике он не просматривает, а штудирует*)⁴⁷.

Следует отметить, что отграничение случаев, упомянутых в первом пункте, не приводит к однозначному решению с содержательной точки зрения. Данная, весьма интересная проблема, включающая в себя такие частные вопросы, как "противопоставление контра отрицание", "общее и частное отрицание", "роль пресуппозиций", "сфера действия отрицания", рассматривается со временем Томсона и Пешковского во многих исследованиях: Падучева 1969, 1974, 143-159; Коссек 1973, 57-58; Crockett 1977; Савельева 1977, 59-63; Newman 1978а, 266-267; Nozsicska 1978; Озаровский 1981; Болуславский 1982а, 1982б; Коссек, Костюк 1982; Бондаренко 1983; Димитрова 1984, 43-45; и др. Изучена также возможность перенесения отрицания в определенные придаточные предложения /Кобозева 1976а, 1976б; Horn 1978, 157-159/.

⁴⁶ Эти случаи отмечаются уже Н. Гречем /Gretsch 1848, 274/. Позже они приводятся в списке факторов, обусловливающих исключительное употребление вин. падежа, многими лингвистами /Чернышев 1914, 297; Коут 1960, 30; Davison 1967, 56-57; Розенталь 1971, 251/. В содержательном плане к этим случаям примыкают собственно отрицательные предложения типа *Некому показать работу*. Согласно Грамматике 1980 II, 418/ в таких конструкциях "чаще употребляется вин. падеж": *Негде опубликовать статью, Силу свою применить совершенно не на чем*. В примечании, однако, отмечается, что "возможно употребление и род. падежа; ср.: *Пока вы про сестру не сказали, я все еще про самого себя не думал, что мне аттестат высыпал некому и: Встретил позавчера школьного товарища, был ли когда-то пацанами, а сейчас - генерал, и вся семья погибла, аттестата некому высыпал*".

⁴⁷ Хотя эти предложения представляют собой особый случай отрицания, они иногда упоминаются при рассмотрении факторов, влияющих на выбор падежа /Кулагин 1960, 30; Равич 1971, 262; Толстой 1978, 63; Грамматика 1980 II, 417/. Приводим для обсуждения один пример этого рода, в котором появляется род. падеж: *Я ошибок не вижу, но слышу* /Klenin 1978, 181/.

На основе проведенных исследований очевидным можно считать положение, согласно которому – вопреки мнению авторов многих грамматик – место отрицательной частицы не всегда указывает на характер негации. Не исключены конструкции, в которых *не* стоит перед сказуемым, но относится к какому-либо другому члену предложения (*Я не видел второго акта*); иногда допустимы разные толкования (*Он не ест колбасу утром*). Особенно явно возможность (иногда и обязательность) интерпретации, не соответствующей формальным критериям, проявляется тогда, когда употребляется слово *так* или *такой*, например, *Никто не любит так белый свет, как шахтеры*; *Ни один из фильмов не показал развитие человеческого характера с такой полнотой, как "Чапаев"* /Солоницын 1962, 114/. Еще более сложным делают вопрос такие примеры, в которых частица *не* стоит не перед сказуемым, но придает значение "общего отрицания". Л.В. Савельева /1977, 60/ нашла немало таких конструкций в русских пословицах (*Не мать велела, а сама захотела; Не они поймали, а я им отдал*).

Несмотря на выше отмеченные несоответствия формальной и содержательной сторон отрицания, мы ограничимся в этой работе рассмотрением тех случаев, где отрицательная частица стоит непосредственно перед сказуемым предложения.

1.2. Факторы, влияющие на выбор падежа

Когда перед лингвистом возникает явление языка с определенным варьированием, он не может не задать себе вопрос: каковы те условия, которые сказываются на выборе альтернативных языковых средств. Поэтому не удивительно, что работа, начатая А.И. Томсоном, над изысканием факторов, влияющих на выбор падежа при отрицании, нашла немало последователей. Некоторые авторы /Safarewiczowa 1959, 79-91; Schaller 1978a, 10-32; Green 1979,

161-165⁴⁸; и др./ довольно подробно анализируют существующую литературу. Однако, как правило, обзор работ делается так, что взгляды каждого ученого рассматриваются отдельно. Такой способ изложения является, по нашему мнению, не совсем удачным, если мы хотим получить представление о весомости тех или иных условий при выборе падежа. Значение, придаваемое каждому из факторов разными исследователями, рассматривается, правда в работе /Druien 1973/; однако, сопоставление взглядов проводится в ней несистематично.

Как было отмечено в начале работы, мы считаем, что вопрос об условиях употребления вин. и род. падежей при отрицании далек от завершения и требует дальнейшего исследования. Изучение этой проблемы в настоящий период должно начаться с выдвижения гипотезы о роли разных факторов. Для реализации этой цели необходимо обобщение результатов предыдущих исследований. Даные этой главы послужат основой для сопоставления мнений тех лингвистов, которые занимались этой проблемой. Анализ этого материала послужит базой для суждений методологического характера во второй части настоящей работы.

Представим сначала те работы, которые были подвергнуты нами более подробному анализу. Они разделены на следующие группы:

I. работы, которые основываются на изучении реального языкового материала;

- а. результаты приводятся без указания точных цифр;
- б. результаты приводятся с указанием точных цифр примеров, в которых встречался вин. или род. падеж;

II. работы, которые являются более или менее нормативными по своему характеру;

⁴⁸ Б. Грин /Green 1979, 163-164/ старается также сопоставить результаты в сводной таблице. Хотя для рассмотрения были взяты работы только трех авторов, таблицу пришлось снабдить многими разъяснениями. Нам кажется, что представить все данные, приведенные исследователями, в такой таблице невозможно, поскольку многие факторы понимаются учеными по-разному. Таким образом, остается та возможность, которая осуществлена нами: сопоставить полученные результаты при помощи словесного описания.

III. работы, которые основываются на компетенции носителей языка.

Отметим, что границы категорий не четки. Например, некоторые из работ, помещенных в группу Ia /Дончева 1964; Davison 1967; и др./ имеют и некоторый нормативный оттенок, но поскольку авторы опираются на конкретный материал, эти работы примыкают к группе Ia. Разница между категориями II и III заключается в двух типах "нормативности": работы группы II представляют согласно нашей терминологии, официальную норму, а группы III – коллективную норму. Это различие так же, как и различие между первыми двумя группами, имеет важное принципиальное значение, о котором более подробно будет идти речь в главе 2.1.

В презентации работ внутри каждой группы соблюдается хронологическая последовательность. Особо отмечается и то, каким образом результаты и выводы приводятся в данном труде, а также, по необходимости, и то, как они интерпретируются нами. Последнее замечание важно в связи с тем, что несмотря на стремление передать как можно более точно мнение, высказанное в цитируемой работе, иногда мы были вынуждены, ради простоты и краткости изложения, прибегать к собственным формулировкам.

Группа Ia⁴⁹

Д.И. Буторин 1953: автореферат канд.дис., 13 с.; материал: "выборки, произведенные из многочисленных произведений писателей XIX-XX веков"; выводы сообщаются в различных формулировках.⁵⁰

T.F. Magner 1955: статья в журнале "Word", 11 с; материал: "устная" (пьесы советских писателей за 1945-55 годы) и письменная речь (советская проза и публицистика); выводы даются в виде

⁴⁹ Мы рассмотрели практически все работы, в которых данная проблема освещается достаточно полно. Некоторые исследования, в которых дается сравнительно подробный обзор литературы /Mişan 1969, 1970; Druien 1973, 36-110; Gundel 1974, 248-254/, учтены нами в той мере, в какой в них высказаны интересные собственные мнения.

⁵⁰ В другом месте Буторин /1953, 8/ дает приблизительное представление об объеме материала, говоря "о большом количестве примеров (несколько тысяч)". – В конце автореферата автор обращается к глаголам стремления (*желать*, *хотеть* и т.д.).

списка факторов, обусловливающих употребление вин. падежа в устной речи, а также приводятся некоторые наблюдения над факторами, обусловливающими употребление род. падежа в письменной речи;

Z. Uglitsky 1956: статья в журнале "Slavonic Review", 11 с.; материал: художественная литература XIX и начала XX века (Тургенев, Достоевский, Горький и др.); выводы даются в виде неточных формулировок типа "we see a tendency to use the ... case";

Л.А. Дерибас 1956: статья в журнале "Русский язык в школе", 5 с.; материал собран из художественной литературы нашего и прошлого веков; при оценке важности разных факторов употребляются "квазиквантитативные" параметры типа "редко", "в первую очередь";

А.Ф. Кулагин 1959: статья в "Ученых записках Ульяновского пединститута", 20 с.; материал: художественная литература XIX и XX веков; выводы даны под рубриками "Обязательное или предпочтительное употребление ... в форме ...ого падежа";

И. Коут 1960: статья в журнале "Русский язык в школе"⁵¹, 6 с.; материал: художественная литература, в первую очередь, XX века; выводы представлены с помощью шкалы "норма" (когда исключений или вообще нет, или они носят единичный характер), "почти норма" (когда употребление данного падежа подтверждается большинством примеров);

Chr. Fleckenstein 1961: статья в "Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität", 7 с.; материал: тексты Серафимовича, Паустовского, Обнорского и Хрущева (дополнительный материал из произведений Кантемира, Радищева и Пушкина), всего примеров 352; выводы оформлены с помощью разных квазиквантитативных выражений (при сопоставлении разных авторов приводятся и точные цифры);

Ю.В. Солоницын 1962: статья в сборнике Кировского пединститута, 18 с.; материал: газеты "Правда" и "Комсомольская правда" (за первое полугодие 1960 г.), а также советская художественная литература (Шолохов, Пришвин и др.); выводы - в форме выражений "в подавляющем большинстве", "чаще других" и т.п.; в частности, подробный анализ влияния морфологической структуры слова;

Д.В. Уткин 1963: статья в "Ученых записках Омского пединститута", 12 с.; материал: художественная литература от Пушкина до наших дней, а также газетные тексты; выводы - с помощью квазиквантитативных параметров; вопрос рассматривается с точки зрения синонимики языковых средств⁵²;

⁵¹ Вопрос был до этого рассмотрен автором в более ранней статье /Kout 1956, 1957/.

⁵² На синонимику употребления вин. и род. падежей при отрицании обратил внимание уже Т.Г. Рихтер /1937, 54-55/.

- Л. Дончева 1964: статья в журнале "Русский язык в школе"⁵³, 3 с.; материал: советская художественная литература, а также примеры, составленные автором; выводы даются в общих словесных формулировках;
- R.M. Davison 1967: статья в издании "Studies in the Modern Russian Language", 30 с.; материал: советская проза, написанная между 1944 и 1964 годами, количество проанализированных примеров - 640; после подробного анализа материала автор приходит к иерархической системе правил, подсказывающей (обучающимся русскому языку) выбор падежа при отрицании (о подходе автора более подробно см. с. 124); эта иерархия используется нами так: главные факторы, предшествующие "логическому ударению" (см. с. 112 данной работы), характеризуются нами как "факторы, подсказывающие употребление ...ого падежа", а применительно к дополнительным факторам, которые стоят в иерархии ниже логического ударения, мы употребляем выражение "факторы, подсказывающие в определенных случаях употребление ...ого падежа";
- Р.Д. Равич 1971: статья в юбилейном сборнике Реформатского, 11 с.; иллюстративный материал, видимо, частично взят из научно-технических текстов, частично составлен самим автором; выводы даются в четкой форме в таблице под рубриками "Случай формально обязательной постановки дополнения в ... падеж" и "Случай формально предпочтительной постановки дополнения в ... падеж", цель статьи представить данные для выбора падежа при автоматическом синтезе текстов;
- З.Д. Попова 1973: статья в журнале "Русский язык за рубежом", 4 с.; материал взят из новой советской литературы (Солоухин, Кузьмин, Короткевич и др.); выводы даются с помощью разных формулировок "ставится в ...ом падеже (очень не последовательно)", "... способствует постановке ...ого падежа";
- Граудина и др. 1976: часть обширного исследования, касающегося таких явлений русского языка, в которых встречаются колебания, 4 с.; материалом для словаря послужило "общепринятое современное употребление", отраженное в следующих материалах: художественная проза, газетные тексты (60-70-годы), записи современной разговорной речи и содержание ответов на вопросник по современной русской морфологии; выводы приводятся сначала в общих процентных цифрах, которые основываются на газетных текстах (по этим данным доля вин. падежа в конструкциях типа *не давать разрешение/разрешения* - 27,5%, n=2708; в конструкциях типа *нельзя купить спичек/спички* - 42,2%, n=128; а в конструкциях *не могут создать музея/музей* - 43,4%, n=445); кроме того, приводится обзор различных факторов, оказывающих влияние на выбор падежа, без указания статистических данных.

⁵³Перу автора принадлежат и другие работы по этой тематике: Донченко 1962а, 1962б, 1962в.

Группа Ib⁵⁴

H. Safarewiczowa 1960: две пространные статьи в журнале "Slavia Orientalis", всего 101 с.; материал: отрывки из текстов разных авторов, представляющие и исторические эпохи русского языка (ср. выше); мы взяли из этого материала для анализа тексты советского периода (произведения Ажаева, Николаевой и Рыбакова и номера газеты "Правда" за январь 1955 г.) - всего 866 примеров; точные результаты, приведенные в таблицах, сопровождаются подробными комментариями; данные, касающиеся языка разных авторов, сведены нами в одни цифры;

P.A. Restan 1960: статья в журнале "Scando-Slavica", 20 с.; (статья основывается на результатах магистерской диссертации /Restan 1959/); материал: советская художественная литература (Шолохов, Горький, Катаев, Леонов и др.), разделенная на повествование и диалог, а также номера газеты "Известия" за 1918-1923 и 1959 годы, всего примеров - 2119 (примерно по 500 каждой категории); результаты даются в абсолютных и процентных цифрах (отдельно сопоставляются жанры и писатели), мы приводим данные Рестана (так же, как и данные Корна и Грина), указывая только долю вин. падежа, а также общую сумму примеров (n);

D. Korn 1967: статья в журнале "The Modern Language Review", 11 с.; материал: советская проза, написанная между 1946-1964 годами, (Аксенов, Некрасов, Панова, Солженицын), всего примеров - 3498; результаты приводятся в абсолютных и процентных цифрах, разработка материала, на наш взгляд, иногда не вполне последовательна (видимо, в силу того, что не все примеры подвергались исследованию); отметим также, что Корном опубликована в том же самом году другая статья /Korn 1967a/, содержание которой повторяет сказанное в цитируемой нами работе.

B.D. Green 1979: статья в журнале "The Slavonic and East European Review", 26 с., материал: корпус, собранный группой учебных Contemporary Russian Language Analysis Project (University of Essex), состоящий как из письменных (научные и научно-популярные статьи), так и из устных текстов (записи

⁵⁴Небезынтересно, что работы этой категории состоят практически из исследований, сделанных не в Советском Союзе (ср., однако: Граудина и др. 1976 в категории Ia). Это можно объяснить двояко. С одной стороны, здесь, может быть, сказываются различные лингвистические традиции, хотя необходимо в то же время иметь в виду, что на Западе можно найти и школы, совсем отрицающие статистический подход к изучению языка, например, хомскианство. С другой стороны, на частоту применения количественных подсчетов русистами, живущими вне Советского Союза, может оказывать влияние и тот простой факт, что вне языковой среды нет возможности нюансировать знание языка и его нормы. - В данном обзоре фигурируют все имеющиеся в нашем распоряжении работы, в которых вопрос освещается с помощью статистических данных, кроме работы Maryniak 1959 (статья основывается на магистерской диссертации автора: Maryniak 1956). Исследование было исключено нами по той причине, что использованный в нем материал частично совпал с тем, который анализируется Г. Сафаревич /1960/.

семинаров и разговоров), объем материала в общей сложности - 200000 словоупотреблений, подходящих для изучения дополнения при отрицании, количество предложений - всего 306; результаты даются в абсолютных и процентных цифрах, в связи с малым количеством примеров они часто не позволяют сделать далеко идущих выводов, но, несмотря на это, мы используем все данные ради полноты описания;

К. Хака 1981: магистерская работа, написанная в Хельсинкском университете, 103 с.; материал: художественная литература (пьесы Арбузова и Зорина), публицистика ("Правда") и научно-популярная литература ("Наука и жизнь"), всего рассмотренных примеров - 1307; по отношению к каждому из факторов приводится доля случаев с вин. падежом; полученные результаты сопоставляются с долей род. падежа и с средней долей вин. падежа на всем материале с учетом статистической значимости различий; значимость подсчитана с помощью *t*-критерия.

Группа II⁵⁵

F.M. Borras, R.F. Christian 1959: "Russian Syntax", 2 с.; указания с помощью квазиквантификационных параметров;

Н.Г. Листвинов 1965: "Вопросы стилистики русского языка", 6 с.; указания приводятся в двух группах: "постановка род. падежа обязательна" и "постановку вин. падежа прямого объекта вместо родительного можно рекомендовать";

Д.Э. Розенталь 1971⁵⁶: "Справочник для работников печати", 4 с.; указания с помощью квазиквантификационных параметров;

Грамматика 1980⁵⁷: сначала приводятся некоторые случаи, где употребление род. или вин. падежа обязательно, а затем рассматриваются другие факторы, которые хотя и влияют на выбор падежа, однако, допускают определенную свободу выбора; мы передаем точку зрения Грамматики 1980, как правило, дословно.

Группа III

A. Tsurikov 1967: докт. дис. (The University of Rochester), 205 с.; основательная работа основывается главным образом на результатах проведенного среди русских эмигрантов анкетирования (см. подробнее с. 125-129 этой работы); мы ссылаемся не на анализ отдельных примеров, а на выводы, сделанные в конце работы.

⁵⁵ Из многочисленных работ этой категории были отобраны только некоторые самые интересные (ср. с. 21-22).

⁵⁶ Текст этого издания повторяется дословно в третьем, дополненном издании /1978/. Соответствующая информация содержится в других книгах, в составлении которых участвовал Д.Э. Розенталь /Розенталь 1974, 270-275; Розенталь, Теленкова 1975, 313-317; и др./.

⁵⁷ О подходе Грамматики 1980 к описанию языка см. сноска 123.

A. Timberlake 1975: статья в журнале "Slavic and East-European Journal", 16 с., выводы основываются на мнении четырех носителей языка; примеры представляют неофициальный язык (*the examples ... reflect a considerably less formal register than the literary examples which are typically cited in discussions of the genitive of negation*"); варианты оцениваются по следующей шкале: *normal and preferred* - *no mark, acceptable but not preferred* - *degree sign (°), marginally acceptable - question mark (?)*, *unacceptable - asterisk (*)*, мы будем использовать эти же символы.

Факторы, отмеченные в упомянутых работах, будут рассмотрены в следующей последовательности:

1. Факторы, связанные со сферой действия и со степенью силы отрицания: значение предложения утвердительное, двойное отрижение, выражения типа *чуть не*, усиленное отрижение;
2. Факторы, связанные со структурой и типом предложения и семантическими и синтаксическими свойствами сказуемого: тип предложения, наклонение глагола, вид глагола, (дее) причастие, инфинитив, двойное управление, семантика глагола, устойчивость связи с дополнением;
3. Факторы, связанные с семантикой и формой дополнения, а также с его определенностью: собственные и одушевленные имена, конкретные/отвлеченные имена, разделительно-количественное значение, детерминированность дополнения, определения при дополнении, порядок слов; категория дополнения (существительные на -а, множественное число, местоимения, прилагательное);
4. Факторы, связанные со стилевыми и коммуникативными потребностями: стиль, серия генетивов, случаи с омоформами.

Строгое применение классификации факторов вряд ли возможно, поскольку ученые подразделяют их по-разному. Когда сходные явления при дальнейшем рассмотрении попадают под разные рубрики, мы даем ссылку на соответствующие наблюдения в другом месте обзора. Приводимые примеры взяты из цитируемой литературы; они не предназначены для подробного анализа, а служат вступлением к рассмотрению того или иного фактора.

1. Факторы, связанные со сферой действия и со степенью силы отрицания

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ - УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ
(ср. Вопросительные предложения)

Не теряешь ты время?

Разве не визывает повышенный интерес, что ...

Не означают ли эти позиции ослабления духа пролетарского интернационализма?

группа Ia

Буторин 1953, 11: употребляется исключительно вин. падеж;

Uglitsky 1956, 384: interrogative sentences expressing hesitation, supposition - tendency to use the accusative. "This tendency can be explained not by the fact that the sentences are peculiar to colloquial speech, but rather by their emotional content: the accusative is here used as a means to emphasise the emotional overtones of the thought expressed";

Дерибас 1956, 24: "прямое дополнение в вин. падеже при переходном глаголе с отрицанием употребляется в некоторых вопросительных и восклицательных предложениях, выражаяющих значение обобщения, сомнения, предположения. Частица *не* в этих предложениях также не придает предложению отрицательного смысла";

Кулагин 1959, 98: чаще всего вин. падеж, но также изредка родительный;

Коут 1960, 30: употребление вин. падежа "является нормой";

Солоницын 1962, 111: род. падеж встречается редко;

Попова 1973, 68-69: употребление вин. падежа становится все более привычным; под рубрикой "утвердительное значение" приводятся также предложения типа: Я не удержался, чтобы по вашему совету не задать вопрос; Почему бы вам не отвести один этаж под эксперимент и поселить в нем соседей?; Но только, пожалуйста, не отмахивайтесь, не обрывайте разговор в начале нашей, даже самой щенячьей речи ...; Из коридора в часы занятий они поглядывали через стеклянные двери, не читает ли кто-то из-под парты, боже упаси, приватную книжку...

группа III

Розенталь 1971, 249: вин. падеж обычно употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях, общий смысл которых не имеет характера отрицания.

"Утвердительное значение" в отрицательных предложениях встречается чаще всего при вопросе, но, как показывают приведенные выше примеры З.Д. Поповой, оно допустимо и в других предложениях. Вообще этот фактор дает возможность на принципиальном уровне учсть значение формального и смыслового отрицания при выборе падежа. Под формально выраженной негацией мы понимаем случаи, где налицо частица *не* (или *нельзя*). С содержательной точки зрения отрицание появляется тогда, когда предложение выражает или чистое отрицание, или невозможность, затруднение осуществления чего-нибудь. Так, комбинируя эти два фактора, получим четыре альтернативы:

ФОРМА+	СМЫСЛ+	<i>Он хочет поступить в институт.</i>
ФОРМА+	СМЫСЛ-	<i>Ему будет трудно поступить в институт.</i>
ФОРМА-	СМЫСЛ+	<i>Не хочет ли он поступить в институт?</i>
ФОРМА-	СМЫСЛ-	<i>Он не может поступить в институт.</i>

Представляет общелингвистический интерес вопрос, по какому принципу "язык функционирует" при выборе падежа дополнения: по смысловому или по формальному⁵⁸. Выше мы заметили, что утвердительное значение предложения, по наблюдениям разных исследователей, вызывает почти исключительное употребление вин. падежа. Таким образом, смысловая сторона сильно действует на выбор падежа. Об этом свидетельствуют и примеры, приведенные в Грамматике 1980 /II, 418/, в которых род. падеж встречается (против нормы современного русского языка) в утвердительных предложениях, имеющих смысл отрицания или близкое к нему значение: *Едва*

⁵⁸ В этой связи стоит отметить интересные наблюдения Г. Корбетт /Corbett 1983; особенно таблица на с. 28/ над конкуренцией синтаксических (у нас = формальных) и семантических (смысловых) факторов при согласовании сказуемого с подлежащим. Ср. также рассуждения Ж. Гундел /Gundel 1974, 261–262; 1977, 194–196/ по поводу влияния смысловых факторов на выбор падежа в конструкциях с *чуть не*.

нашла воли в себе, чтобы сесть за зеркало; Впрочем, однозначного ответа на этот вопрос в фильме найти трудно⁵⁹ /ср. также: Ицкович 1982, 49-50/⁶⁰. С другой стороны, в формально отрицательных предложениях с утвердительным значением возможно и употребление род. падежа (см. третий пример в начале этого раздела, а также рассуждения ниже при рассмотрении двойного отрицания).

ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ

Женщина не может не понять музыку.

Никак нельзя не пожалеть это кроткое провинциальное создание.

Нельзя не разделить справедливого возмущения.

Не могу не рассказать и еще одного маленького эпизода.

группа Ia

Uglitsky 1956, 385: "it is also quite easy to understand the accusative in double negatives which make a positive statement";

⁵⁹ Уже Фр. Миклошич /Miklosich 1883, 300/ упоминает об употреблении род. падежа в подобных предложениях: "Der Genitiv steht manchmal, wenn, ohne die Partikel ne, der Sinn der Aussage negativ ist".

⁶⁰ Интересный сопоставительный материал предоставляет здесь финский язык. Как было отмечено (сноска 3), в финском языке при наличии в утвердительном предложении (при определенных условиях) выбора между партитивом и "непартитивом" (номинатив или генетив) в отрицательных предложениях встречается только партитив /см. Vahros 1959, 277/, ср:

Join vettä. (партитив) Я выпил воды.

Join veden. (генетив) Я выпил воду.

En juonut vettä. (партитив) Я не выпил воды.

En juonut vettä. (партитив) Я не выпил воду.

В принципе это правило не имеет исключений. Однако борьба между формальными и семантическими критериями не проходит без последствий и здесь. Осветим коротко этот вопрос, используя символы ФОРМА+/-, СМЫСЛ+/- . Примеры выше пригодны для выяснения случаев ФОРМА+ СМЫСЛ+ и ФОРМА- СМЫСЛ-. Возьмем другие альтернативы (примеры взяты из книги /Hakulinen, Karlsson 1979, 182-183/).

ФОРМА+ СМЫСЛ-

Oletko ottanut viskipulloani?
On vaieka löytää ratkaisua työlisyysongelmaan.
Tuskien kukaan on kuullut tästä mitään.

Ты не брал мою бутылку с виски?
 Трудно найти выход из безработицы.
 Вряд ли кто-либо слышал об этом что-нибудь.

Дерибас 1956, 24: обычно вин. падеж;
 Кулагин 1959, 98: чаще всего вин. падеж, но изредка и род.;
 Солоницын 1962, 112: "Любопытны предложения с двойным отрицанием (т.е. с оборотами *не может не*, *нельзя не*). Здесь ... содержится не отрицание, а утверждение. Поэтому естественно ожидать здесь вин. падеж ... Факты же говорят обратное. Вин. падеж здесь встречается гораздо реже, чем родительный";
 Равич 1971, 257: "Возможность чередования падежей дополнения при таких, утвердительных по смыслу, конструкциях: *нельзя не* = 'необходимо', *не могу не* = 'должен' показывает, что формальное влияние отрицания сильнее, чем семантическое";

группа Ib

Restan 1960, 99: доля вин. падежа 22,2% (n = 27) (ср.: 31% во всем материале);
 Korn 1967, 495: только два примера, из которых один вин.;
 Green 1979, 172: только пять примеров, из которых три вин.;
 Хака 1981, 54-57, 102: вин. 68,4% (n = 15) (ср. 38,2% во всем материале, разница очень существенна);

группа II

Листвинов 1965, 193: "постановку вин. падежа ... можно рекомендовать";
 Розенталь 1971, 250: обычно вин. падеж;
 Грамматика 1980 II, 418: равная возможность употребления вин. и род. падежей: *Не могу не чувствовать симпатию/симпатии;*
Нельзя не любить эти песни/этих песен.

Во всех этих примерах финское предложение является "формально утвердительным", но дополнение ведет себя, как в отрицательных предложениях. В первом предложении пресуппозиция отрицательная или сомневающаяся, а в других встречается слово, имеющее отрицательный оттенок.

ФОРМА-СМЫСЛ+

Eikö meidän pitäisi pystyä luomaan
 joka kielelle oma systeemi ja omat
termit?

Eikö oteta lepohetki?

Нам надо было бы суметь создать
 для каждого языка свою систему
 и свои термины.

Давай сделаем перерыв!

В этих финских предложениях нарушается правило, согласно которому в отрицательном предложении дополнение стоит всегда в партитиве. Причиной этого является, как наглядно показывают русские эквиваленты, утвердительный смысл предложения.

группа III

Tsurikov 1967,182: "The argument that the double negative, i.e., when both verbs are negated, results in the affirmative and the direct object will found in the accusative, does not find any supporting evidence. The transitive verb is not decisive".

Мнения исследователей об употреблении вин. и род. падежей при двойном отрицании расходятся. Однозначного ответа на этот вопрос не могут дать и наши "статистики", цифры которых тоже не совпадают (возможно, вследствие малого количества примеров). Бесспорным фактом, однако, остается мнение Грамматики 1980, согласно которому в этих конструкциях широко употребляется как вин., так и род. падеж /ср. также: Ицкович 1982,43-44/.

Двойное отрицание принимается большинством исследователей как частный случай отрицательных конструкций с утвердительным значением; нередко при этом говорится о "сильном утверждении" /Дерибас 1956,23-24; Листвинов 1965,193; Розенталь 1971,250/. На наш взгляд, значение, так же, как и синтаксическая структура предложений с двойным отрицанием, не однозначно, а требует более подробного рассмотрения. Начнем с семантики. Нам кажется, что, во-первых, общее мнение, которое содержится в приведенной цитате Р.Д. Равича, не совсем правильно: между предложениями Я должен помочь ему и Я не могу не помочь ему или Необходимо переделать план и Нельзя не переделать план можно заметить различие в оттенках значения и поставить знак равенства между ними нельзя. Во-вторых, для русского языка (исключено, что это универсальное явление) кажется неверным правило: негация в предложении, имеющем "отрицательное значение" делает его утвердительным. Сравним предложения Он отверг решение = Он не одобрил решение/решения. Получим: глагол отвергнуть по своему значению отрицателен. Возьмем предложение Он не отверг X. Получится ли: X стоит в вин. падеже, "поскольку отрицается отрицание, т.е. значение утвердительное"? Нет. Возможен и род. падеж (Он не отверг решения). Так, появление род. падежа при двойном отрицании не удивительно или не неожиданно.

Рассмотрим коротко еще структуру предложений с двойным отрицанием. Сопоставим предложения *Он не хотел читать X*, *Он не мог не читать X*, *Он не читал X*. Нетрудно заметить, что в последних двух случаях дополнение подчинено главному, который отрицается. Так, с формальной точки зрения в этих предложениях можно ожидать род. падеж: между ними нет принципиального различия (ср. взгляды Цурикова выше).

ВЫРАЖЕНИЯ ТИПА ЧУТЬ (ЛИ) НЕ

Замок чуть не разломал.

Я чуть не объехал весь земной шар.

группа Ia

Буторин 1953, 10: *едва не*, *чуть не* - явное преобладание вин. падежа;

Uglitsky 1956, 383: "action which is possible, but which has not yet taken place, the accusative of the object is preferred to the genitive";

Дерибас 1956, 24: *чуть*, *ли*, *едва* - чаще употребляется вин. падеж;

Davison 1967, 61: *чуть (ли) не*, *ничуть не*, *едва (ли) не* - фактор, подсказывающий употребление вин. падежа;

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: *пока не* - пять примеров, *чуть не* - пять примеров, в обоих случаях только вин. падеж;

группа II

Borras, Christian 1959, 27: *чуть не*, *едва ли не* - accusative prefer to the genitive;

Листвинов 1965, 193: постановку вин. падежа можно рекомендовать при наличии наречий, ограничивающих отрицательный смысл предложения (в примерах *чуть не* и *едва не*);

Розенталь 1971, 250: *чуть не*, *едва не* - обычно вин. падеж;

Грамматика 1980 II, 418: отрицание входит в состав частицы *едва*

не, чуть не, чуть-чуть не – вин. падеж предпочтается.

группа III

Tsurikov 1967, 185: *чуть не, едва не* – "the direct object remains in the accusative case because these particles preclude the negation".

Как отмечалось выше (с. 17), уже А. Востоков /1831, 256/ обратил внимание на то, что в конструкциях с *едва ли*, *чуть ли* отрицание теряет свою силу. С этим легко согласиться, поскольку во многих языках, в частности в финском, в соответствующих конструкциях отрицание вообще не встречается. По смыслу эти предложения примыкают к случаям со словом *трудно*, о которых шла речь выше (с. 45). Фактическое существование отрицательной частицы могло бы при благоприятных условиях вызвать появление род. падежа, однако в представленном разными исследователями материале нет ни одного такого примера, несмотря на некоторическую формулировку употребления вин. падежа при наличии этого фактора. Может быть, здесь определенную роль играет обстоятельство, которое было учтено в Грамматике 1980. Там рассматриваемые случаи помещены под общей рубрикой "Употребление вин. падежа часто связано с определенностью и конкретностью объекта". Действительно, конструкциям со словами *чуть не, едва не* трудно приписать обобщенное значение, являющееся одним из симптомов употребления род. падежа.

УСИЛЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ

Он не хотел читать никаких книг по этому вопросу.

Ничто не могло остановить ни дыхания Москвы, ни ее мышления, ни вращения станков.

Ушел – не сказался, даже записки не оставил.

Мы не будем здесь приводить ни статистический, ни метеорологический материал.

группа Ia

Magner 1955, 537–538: accusative case seems to be infrequent

("accusative forms do occur in this situation, however, the few examples coming to my attention exhibiting singular nouns of the a-declension, e.g. *Не подпускали к рубильникам никого: ни брата, ни папы, ни маму*");

Дерибас 1956, 24: с частицей *ни*, усиливающее отрицание – почти всегда род. падеж;

Кулагин 1959, 94: "Необходимость употребления род. падежа возрастает, когда в предложении имеются дополнительные усиливающие средства; в частности, такие как усиливательные частицы *и*, *даже и др.*";

Коут 1960, 28: *ни один, и, никакой, ни... ни* – употребление род. падежа является нормой; "род. падеж употребляется и тогда, когда усиление отрицания не выражено словами, но когда оно подсказывается контекстом";

Fleckenstein 1961, 216: "Der Genitiv des Objekts tritt fast ausschliesslich auf, wenn die Verneinung im Satz besonders expressiv ist. Diese Verstärkung der Verneinung wird erreicht durch die Partikel *ни*, durch Verbindungen mit *и* oder durch die Verbindung *не + и*. Der Genitiv steht meist auch dann, wenn die verstärkte Verneinung nur den Kontext ausgedrückt wird";

Уткин 1963, 79: *ни, и, даже* – только род. падеж; также если усиление отрицания не выражается эксплицитно;

Дончева 1964, 98: *никакой, ни один, ни* – употребление род. падежа закономерно, "так как обозначает неопределенное понятие";

Davison 1967, 61: *и, никакой, ни* – фактор, подсказывающий употребление род. падежа;

Равич 1971, 283: *никакой, ничей, ни один, ни... ни* – формально обязательная постановка род. падежа;

Граудина и др. 1976, 35: *никто, ничто, никакой, ничей, ни один, ни... ни* – род. падеж обязателен;

группа Ib

Restan 1960, 101: *никакой, ни, и, ни... ни* – 6% вин. ($n = 225$) (ср. 31% в среднем); в случаях с *никакой* – всегда род.;

Korn 1967, 490: *ни, ни... ни* – 1,8% вин. ($n = 107$);

Green 1979, 179-180: *ни, ни один, никакой* - 23,8% вин. (n = 41) (при *некакой* - всегда род. падеж); *никто, никогда, никак,* *отнюдь/совсем/вообще/совершенно не* - 60% вин. (n = 24) (ср. 29,1% во всем материале);
Хака 1981, 47-50, 102: *некакой, никто и т.д., ни, и, даже* - вин. 28,3% (n = 237) (ср. 38,2% - разница очень существенна);

группа II

Листвинов 1965, 191: усиленное отрицание (в примерах *ни, ни один, ни... ни, никакой*) - постановка род. падежа обязательна;

Розенталь 1971, 248: *ни*, местоимение или наречие, в составе которых имеется указанная частица, - обычно род. падеж;

Грамматика 1980 II, 416-417: *некакой, ничей, ни один, ни еди-
ний, ни малейший, ни... ни, ничего*, словоформа с частицей *ни* - род. падеж обязателен; род. падеж предпочтается, если перед глаголом или непосредственно перед именем есть усилительные частицы *и, даже*;

группа III

Timberlake 1975, 126: *Я не читаю газету.*
?Я не читаю газеты.
**Я не читаю никакую газету.*
Я не читаю никакой газеты.

некакой, ни один, ни - almost always appears in the genitive; "Некакой and other markers of emphatic negation signal the indefinite and nonspecific sense of the noun and emphasize the impossibility of individuating the participant with respect to the event".

"Усиленное отрицание" почти единогласно принимается как фактор, обусловливающий с большой вероятностью употребление род. падежа. Однако, эти предложения стоило бы разделить на две группы. Если "усиление" отрицания стоит перед дополнением, вин. падеж чаще всего невозможен (**Я не знаю никакие языки/ни один язык*, **Я ничего не знаю*), а если усиливающее слово стоит перед другим членом предложения, возможность того, что

дополнение ставится в вин. падеже, сильно возрастает (Я никогда не пью чай без сахара, Никто из нас не писал статью/статьи). То, что появление в предложении слов типа никогда и никто непосредственно не может отражаться на выборе падежа дополнения, станет ясным, если сравним следующие ряды примеров:

Он иногда не учит уроки.
Он часто не учит уроки.
Он никогда не учит уроки.⁶¹

Некоторые не заметили ошибку/ ошибки.
Каждый не заметил ошибку/ ошибки⁶².
Все не заметили ошибку/ ошибки.
Никто не заметил ошибку/ ошибки.

Если признание значения этого фактора при выборе падежа не вызывает возражений, то его сущность требует разъяснения. Сопоставим в этих целях предложения:

Он не читает стихи.
Он совсем не читает стихи.
Он вообще не читает стихи/стихов.
Он не читает никаких стихов.

Он не любит футбол (спортивные игры).
Он совсем/очень не любит футбол (спортивные игры).
Он вообще не любит футбол (спортивных игр).
Он не любит никаких спортивных игр.

На наш взгляд, только в предложениях с совсем/очень не мы

⁶¹ Никогда – семантический эквивалент слову всегда. К такому выводу можно прийти после рассмотрения следующих примеров:

Он опоздал на собрание. ≈ Он не пришел вовремя на собрание.

Он всегда опаздывает на ≈ Он никогда не приходит вовремя на собрание.

Из уравнений следует, что никогда ≈ всегда в отрицательных предложениях. Таким образом, семантически слово никогда не может своей "отрицательностью" оказывать влияние на падеж дополнения. Это, конечно, не исключает возможности, что формальное наличие морфемы ни- в этом слове склоняет выбор в сторону род. падежа. (Подробнее о соотношении выражений все, не все, никто; всюду, не всюду, нигде и т.д. см.: Евгепов 1979.)

⁶² Согласно Т.П. Ломтеву /1971, 111-115/, разница между словами каждый и все заключается в том, что каждый является "квалитативной формой всеобщности", все "квантификаторной формой полной мощности множества" /ср. также: Klenin 1978/.

имеем дело прежде всего с усилением отрицания, а если в предложении употребляется слово *вообще*, и еще более явно – при употреблении местоимения *никакой*, на первый план выдвигается обобщенное значение (ср. взгляды Дончевой и Тимберлейка выше)⁶³. Отчетливой разницы здесь нет, и, видимо, определенную роль играет также семантика глагола, но, во всяком случае, есть основания предполагать, что почти исключительное употребление род. падежа при словах *никакой*, *ни один* скорее связано с обобщенностью значения этих предложений, чем с особой "силой" отрицания⁶⁴.

2. Факторы, связанные с структурой и типом предложения и семантическими и синтаксическими свойствами сказуемого

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ (И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(ср. Значение предложения утвердительное, Инфинитив)

Почему здесь я этого не писал?

А почему не создать родительские комитеты или детские комиссии?

группа Ia

Буторин 1953, 11: если не "риторический вопрос", то род. падеж; Fleckenstein 1961, 218: "man bevorzugt den Akkusativ"; Равич 1971, 264: переходный глагол входит в состав вопросительно-отрицательной фразы – формально предпочтительна постановка вин. падежа;

⁶³ Очевидно, в предложениях *Он вообще не любит футбол* и *Он вообще не любит спортивных игр* можно видеть такое различие: во втором примере вследствие того, что дополнение стоит во мн. числе, обобщенность чувствуется более явно; в первом скорее можно говорить об усиленном отрицании.

⁶⁴ Отметим в этой связи еще одно наблюдение Р.М. Дэвисона. Он /Davisson 1967, 61/ утверждает, что если в предложении употребляется выражение *хотя бы*, дополнение стоит в вин. падеже. В известном смысле эти случаи представляют противоположность обобщенному значению: внимание сосредоточивается на одном конкретном примере, ср.:

Он не решился сделать хотя бы один шаг.
Он не решился сделать ни одного шага.

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: восклицательные предложения – 58,3% вин. (n = 12), вопросительные предложения – 41,7% вин. (n = 24) (ср. 33,9% в среднем);

Restan 1960, 98: вин. 70,4% (n = 54) (ср. 31% в среднем);

Green 1971, 171: из девяти примеров в четырех – вин. падеж;

Haka 1981, 57-60, 102: вин. 68,4% (вопросительные и восклицательные предложения вместе взятые) (ср. 38,2% в среднем, разница очень существенна);

группа III

Tsurikov 1967, 183: "The interrogative form of the negated transitive verb, where such a form is used in its original function, i.e., simple inquiry cannot be considered as influential in the choice of case. If the interrogative form is used to express hesitation, doubt, reproach, suggestion, supposition or is a rhetorical question, the direct object will be found mostly in the accusative";

Timberlake 1975, 129: "It is well known that the interrogative uses the genitive of negation less than the declarative... The event category of status (interrogative vs. declarative) behaves similarly to mood in the genitive of negation. In an interrogative sentence the negation of the event is in doubt. A negated question often presupposes that the positive version of the event is in fact true ... In an interrogative sentence, then, the force of negation is attenuated".

Изучение влияния типа предложения (вопрос, восклицание) на выбор падежа затрудняется тем, что в этих случаях предложение часто имеет особое значение: или его значение становится утвердительным (ср. выше), или оно выражает сомнение, удивление и т.п. В связи с этим преобладание вин. падежа в этих предложениях нельзя считать прямым следствием наличия в них вопроса или восклицания.

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(ср. Инфинитив, Местоимения-существительные)

*Мы не настолько потрясены, чтобы не изучить все факты.**Он ... стал жевать зубами рукав гимнастерки, чтобы не показать перед девушкой своей мужской слабости.*

группа Ia

Буторин 1953,10-11: вин. падеж явно преобладает в придаточных времени, условия и цели;

Коут 1960,31: в конструкциях с союзом *чтобы* или вин., или род. падеж;Солоницын 1962,113: вин. падеж преобладает в придаточных с союзом *чтобы* (не в целевом значении); в придаточных цели с союзом *чтобы* - нет преобладания винительного;

группа Ib

Safarewiczowa 1960,109-126: придаточное предложение с союзом *если* - вин. падеж в пяти примерах из девяти.

Отрицательные придаточные предложения изучены с этой точки зрения пока в недостаточной мере, чтобы можно было на основе этого выдвинуть какие-либо гипотезы о выборе падежа дополнения в них. Очевидно, в этом отношении придаточные предложения образуют гетерогенный класс предложений; выводы могут быть сделаны только по отношению к части из этих предложений.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНение

*Не решайте этот вопрос сами!**Не порть себе здоровье!**Не испытывайте нашего терпения!*

группа Ia

Дерибас 1956,24: "почти всегда" вин. падеж;

Коут 1960,31: или род., или вин. падеж в зависимости от других факторов;

Fleckenstein 1961, 218: "In verneinten Imperativsätze wird der Akkusativ bevorzugt";
 Солоницын 1962, 108: преобладает вин. падеж;
 Дончева 1964, 99: преобладает до известной степени вин. падеж;
 Равич 1971, 264: формально предпочтительная постановка дополнения в вин. падеже;

группа Ib

Safarewiczowa 1960: вин. 40,0% (n = 40) (ср. 33,9% в среднем);
 Restan 1960, 98: вин. 53,7% (n = 41, исключены некоторые устойчивые выражения типа *не обращайте внимания, не морочь голову*) (ср. 31% во всем материале);
 Korn 1967, 490: вин. 40,0% (n = 48);
 Green 1979, 171: только один пример в род. падеже;

группа II

Borras, Christian 1959, 26: accusative very frequently;
 Розенталь 1971, 250: обычно вин. падеж;
 Листвинов 1965, 193: постановку вин. падежа можно рекомендовать при повелительной форме переходного глагола с отрицанием ("После глагола в повелительном наклонении, как правило, следует существительное, обозначающее конкретный объект, что и предопределяет форму вин. падежа");

группа III

Timberlake 1975, 129: "... take the genitive of negation less than the indicative" (ср. Сослагательное наклонение)

Нет, я не потерял очки, сегодня у меня контактные линзы.

?Нет, я не потерял очков, сегодня у меня контактные линзы.

Смотри, не потеряй очки!

**Смотри, не потеряй очков!*

Очевидно, несмотря на мнение большинства исследователей, помешающих этот фактор в число тех, которые обусловливают употребление вин. падежа, скорее всего права И. Коут: само повелительное наклонение вряд ли играет заметную роль при выборе падежа. Как отмечает А.Г. Листвинов (см. выше), дополнение в этих кон-

структурциях чаще всего – конкретное имя, которое к тому же детерминировано ситуацией. Кроме того, предложения этого типа встречаются главным образом в речи разговорной, устной /ср.: Дерибас 1956, 24/ – факт, который тоже может сказываться в употреблении вин. и род. падежей в предложениях, где сказуемое стоит в повелительном наклонении (ср. гл. 2.2.).

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНение

(ср. Придаточные предложения)

Если бы художественное творчество в новых условиях не выявило новых тенденций ...

Green 1979, 172: вин. падеж в трех примерах из двенадцати; Timberlake 1975, 129: "... take the genitive of negation less than the indicative... Both the imperative and the conditional describe potential, nonactual events. When negated, both seem to presuppose that the positive action is a possibility... The force of negation is less strong for them than it is for the indicative".

Об употреблении вин. падежа в отрицательных конструкциях "с условным наклонением" уже у Лермонтова пишет В.П. Сухотин /1953, 225/. Однако, наблюдения Буторина и других исследователей основываются на весьма малом количестве примеров, вследствие чего сделанные выводы требуют еще дополнительного изучения.

ВИД ГЛАГОЛА

*Он не читает стихи.
Он не прочитал те стихи.
Он не допускает ошибок.
Он не допустил ошибок.*

группа Ia

Буторин 1953, 8: "нам не удалось установить зависимости тех или других конструкций от категории вида"; Magner 1955, 535: сов. вид иногда обуславливает употребление

вин. падежа в устной речи;
 Кулагин 1959, 99: "... иногда зависит также от видовой формы глагола" (можно сказать *Я не кушал яблоки* и *Я не кушал яблок*, но только *Я не скучал яблоки*; добавляется, что "влияние видовой формы... не является абсолютным");
 Солоницын 1962, 107: отмечается влияние вида при деепричастиях (см. Деепричастия и причастия);
 Дончева 1964, 99: вид глагола не влияет на выбор падежа;
 Равич 1971, 264–265: сов. вид – формально предпочтительная постановка вин. падежа, нес. вид – формально предпочтительная постановка род. падежа (отмечается, что в первом случае дополнение обычно имеет форму ед. числа, а во втором – множественного);

группа Ib

Restan 1960, 97: сов. вид – вин. падеж 40,1% (n = 859), нес. вид – вин. 25% (n = 1224);
 Korn 1967, 491: сов. вид – вин. 49,2% (n = 191);
 Green 1979, 175: (исключены конструкции с инфинитивом) сов. вид – вин. 30% (n = 70), нес. вид – вин. 21% (n = 72);
 однако, если рассматривать только тексты устной речи, разница сглаживается: сов. вид – вин. 40% (n = 30), нес. вид – вин. 41% (n = 61);
 Хака 1981, 29–35, 102: сов. вид – вин. 48,0% (n = 515), нес. вид – вин. 31,8% (n = 792) (разница существенна);

группа II

Розенталь 1971, 250: вин. падеж обычен при форме сов. вида глагола-сказуемого, указывающей на результативность действия;

группа III

Tsurikov 1967, 181: "We could not find any supporting evidence for the claim that negated transitive verbs of perfective aspect will influence the choice of case";
 Timberlake 1975, 128–129: "Other things being equal, imperfective verbs are more likely to occur with the genitive of negation than perfective verbs":

*Я не стирала скатерть, а просто закрыла пятно салфеткой.
Я не стирала скатерти, а просто закрыла пятно салфеткой.*

*Я не выстирала скатерть, хотя я хотела найти время.
Я не выстирала скатерти, хотя я хотела найти время.*

"With imperfective verb the scope of negation is the whole event, including the object participant. The perfective, however, signals that the event has an end point. With a perfective verb the scope of negation is accordingly the end point of the action, not the whole event... The object of a perfective verb is included in the scope of negation to a lesser extend than the object of an imperfective verb, and it appears in the genitive less often".

При рассмотрении соотношения вида глагола и падежа дополнения при отрицании мы сталкиваемся с большими сложностями. Во-первых, как известно, нельзя считать все значения сов. и нес. вида как одно монолитное целое. Несмотря на то, что на оба вида можно наклеить какой-то общий семантико-категориальный ярлык, на практике они снабжены весьма различными содержательными признаками /см., например: Грамматика 1980 I,604-613/. Характер работы не дает возможности более подробно рассмотреть вопросы русской аспектологии; приведем только ряд примеров, с помощью которых можно показать, сколь различны могут быть случаи, относящиеся к одной категории при учете фактора "вид".

Я не видел этот фильм/этого фильма.

Когда мы вошли, они уже не смотрели телевизор.

По вечерам он журнали/журналов не читает.

Здесь не открыта ли окно?

Мужчина не понимает женщину.

Во-вторых, изучение видовой оппозиции русского глагола вообще, и выяснение влияния этого обстоятельства на выбор падежа при отрицании в частности осложняется тем, что глаголы разделяются с точки зрения их аспектологических характеристик на группы, принципиально отличающиеся друг от друга /см., например: Forsyth 1970, 46-55/. Из этого следует, что рассмотрение всех глаголов как одного гомогенного множества, очевидно, приве-

дет к неправильным обобщениям.

На фоне сказанного наблюдение А. Тимберлейка нельзя считать неправильным, но оно, пожалуй, дает только частичное объяснение данной проблемы. При изучении других глаголов и других значений сов. вида выводы могли бы быть иными. Вообще, соотношение глагольного вида и падежа дополнения – вопрос, который заслуживает особого исследования. Есть основание полагать, что определенные связи здесь вполне возможны. В утвердительных предложениях употребление род. падежа иногда связано с видом глагола (*Он принес воды*) и, например, в финском языке, который не знает вида как категории глагола, падеж дополнения нередко выполняет функцию вида (ср. сноску 3).

ДЕЕПРИЧАСТИЯ И ПРИЧАСТИЯ

Не выпуская Катюши из рук, Н.Н. потянулся к Коле.

Я пишу что-то, уже не слушая шепот Сидорова...

Я прошу всех, не принимающих непосредственное участие в операции...

Не понимая причин появления таких искажений, он просто полагал, что иначе, мол, нельзя.

группа Ia

Magner 1955,540: "Most constant in their association with the genitive case are the negated participles and gerunds, which, save for the past passive participle, are in active use only in the written language... Yet examples of the accusative with such negated verbal forms do occur, though extremely infrequently";

Uglitsky 1956,387: "genitive is more frequently retained in gerundial constructions";

Кулагин 1959,98: деепричастие – в подавляющем большинстве случаев род. падеж;

Коут 1960,30: деепричастие и причастие – употребление род.

падеж является почти нормой;

Fleckenstein 1961,216-217: деепричастие – "ausschliesslich" род. падеж;

Солоницын 1962, 107-108: деепричастие нес. вида - вин. падеж около 8%, деепричастие сов. вида - вин. падеж 25%;
Дончева 1964, 99: "При деепричастии прямое дополнение с отрицанием можно употреблять и в род., и в вин. падежах";
Davison 1967, 62: деепричастие или причастие - фактор, подсказывающий в определенных случаях употребление род. падежа;
Равич 1971, 265: деепричастие - формально предпочтительная постановка род. падежа;

группа I^b

Restan 1960, 100: деепричастие и причастие - вин. падеж 12% (n = 200) (ср. 31% во всем материале);
Korn 1967, 490: деепричастие - вин. падеж 2% (n = 110), причастие - 23,0% (n = 13);
Green 1979, 178: деепричастие - вин. 15,8% (n = 19), причастие - вин. падеж в двух примерах из одиннадцати (ср. 29,1% в среднем);
Хака 1981, 35-38, 102: деепричастие и причастие - вин. 16,3% (n = 92) (ср. в среднем 38,2%, разница очень существенна);

группа II

Розенталь 1971, 249: деепричастие и причастие - обычно род. падеж; Грамматика 1980 II, 417: "Старая книжная норма требовала при глаголе с отрицанием род. падеж... Поэтому форма род. падежа предпочитается в неразговорных контекстах, а именно: а) при причастиях и деепричастиях".

Кроме диссонанса, внесенного Л. Дончевой в общую картину, исследователи единны в явном предпочтении род. падежа в деепричастных и причастных оборотах с отрицанием; в пользу такого взгляда говорят и статистические данные. Однако, этот факт представляет собой типичный пример того случая, когда влияние других факторов, обусловливающих выбор падежа, может привести к неправильным выводам (ср. гл. 2.2.). Возьмем примеры Грамматики 1980:

Измайлова очень не хотелось уходить, не дослушав спора до конца.

Но не встретив на этот раз возражений, Ткачук скоро выдохся и притих в своем углу на заднем сиденье.
В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды.

Во всех этих примерах дополнением является имя отвлеченное – факт, который тоже может быть причиной употребления род. падежа (ср. с. 81). Так, не только принадлежность деепричастных и причастных оборотов к книжному стилю (ср. выше), но и абстрактность дополнения в этих конструкциях может уменьшить долю употребления вин. падежа. Хотя утверждается /Fleckenstein 1961, 217/, что род. падеж зафиксирован и в предложениях, в которых при отрицательном деепричастии дополнением является конкретное имя, но еще не доказано, что именно деепричастный и причастный оборот однозначно обусловливает такой выбор падежа⁶⁵.

ИНФИНТИВ (независимый или зависимый)⁶⁶

Фома не любил слушать музыку.

Нельзя терять чувство призыва.

Жена шла со мной рядом по дороге и старалась не глядеть на небо, чтобы не видеть падающих звезд, которые почему-то пугали ее.

Мы приветствуем сегодня решение Австрийской республики... не допускать на своей территории военных баз.

группа Ia

Magner 1955,540: "Here, too, there is the matter of case selection, but the evidence does not at present warrant any statement more specific than the accusative occurs more frequently";

Дерибас 1956,25: если дополнение зависит не столько от вспомогательного глагола, сколько от относящегося к нему инфинитива – дополнение как в вин., так и в род. падеже;

⁶⁵ Интересна попытка Дж. Гундел /Gundel 1974,265-267/ объяснить употребление род. падежа в этих конструкциях тем, что "the object in a gerundive or participial clause is not likely to be the topic of that clause itself".

⁶⁶ Этот фактор рассматривался весьма подробно уже А.Н. Томсоном /1902,306-315/.

Кулагин 1958, 96-97, 101: "при независимом инфинитиве, который обычно придает высказыванию характер обобщения, прямое дополнение в большинстве случаев... употребляется в род. падеже"; прямое дополнение при инфинитиве, "который сам в свою очередь зависит от... глагола (или другого какого-нибудь вспомогательного слова типа *нельзя*, *невозможно* и т.п.), ... чаще ставится в вин. падеже";

Коут 1960, 30, 31: зависимый инфинитив - возможны оба падежа; односоставное инфинитивное предложение - употребление род. падежа является почти нормой (добавляется: в инфинитивном предложении возможен и вин. падеж, особенно тогда, когда оно не имеет значения неосуществимости действия или категорического запрета);

Солоницын 1962, 112-114: односоставное инфинитивное предложение - нет предпочтения ни одному из падежей (*Всех просьб в одном фельетоне не перечислить, Зарю не погасить*); инфинитивное предложение с вопросительным словом *почему* - почти всегда вин. падеж (*Почему бы не создать специальные отделы? но: Почему бы не сделать исключения?*); инфинитив выполняет функцию подлежащего - преобладает вин. падеж (*Было бы неправильно не замечать недостатки и ошибки в работе, но: Задача - не обмануть ожиданий любителей футбола*);

Уткин 1963, 82: зависимый инфинитив - выбор падежа определяется другими факторами;

Дончева 1964, 99: "при составном сказуемом с отрицанием употребляется и род., и вин. падежи", будущее сложное - ситуация такая же;

Davison 1967, 62: negation is indirect through an infinitive - фактор, подсказывающий в определенных случаях употребление вин. падежа;

Попова 1973, 69: "наличие инфинитива при глаголе с отрицанием ... способствует постановке вин. падежа";

Граудина и др. 1976, 36-38: в конструкциях "*нельзя* + инфинитив + существительное" - вин. падеж 42,2%, "Род. падеж в таких конструкциях чаще употребляется, если при зависимом существительном есть местоименное слово с частицей *ни*, усиливающей отрицание... В род. падеже стоит также обычно заниз-

мающее позицию существительного местоимение... В соответствии с общей тенденцией к вытеснению зависимого вин. падежа в отрицательных конструкциях родительным в печати наблюдается употребление род. падежа и при отсутствии указанных условий... В таких случаях, особенно в зависимости от слов *невозможно*, *не в состоянии*, в строгой нормированной речи предпочтительнее вин. падеж, род. более свойствен не-принужденной разговорной речи"; конструкции типа "*не + спрягаемая форма глагола + инфинитив + существительное*" – вин. падеж 43,4%, "Род. падеж возможен, если спрягаемая форма образована от глагола, обозначающего начало, продолжение или окончание действия..., или от глагола, обозначающего желание, возможность, стремление совершить действие... В связи с общей тенденцией к распространению в отрицательных конструкциях род. падежа в соответствии с винительным утвердительных конструкций, родительный при отрицании встречается и в тех случаях, когда зависимое существительное называет определенный, конкретный предмет (т.е. в случаях, когда в литературном употреблении предпочтается вин. падеж): *Ни в одном из этих специальных случаев полного решения получить также не удалось; Допустимый вес не позволял взять на борт большого количества аккумуляторных батарей*⁶⁷. Такие построения нельзя признать полностью соответствующими литературной норме";

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: вин. падеж 78,0% (n = 150) (ср.

33,9% в среднем);

Restan 1980, 94: вин. падеж 60,1% (n = 534) (ср. 31% в среднем);

Korn 1967, 495: зависимый инфинитив – вин. 86,8% (n = 470)

Green 1979, 177-178: зависимый инфинитив – вин. 51,6% (n =

62); рассматривается также вид вспомогательного глагола и инфинитива, больше всего случаев типа "вспомогательный гла-

⁶⁷ Примеры, приведенные в книге /Граудина и др. 1981/, представляются нами неудачными. "*Полное решение*" и "*большое количество*" вряд ли можно считать "определенными конкретными предметами".

гол нес. вида + инфинитив", в этих конструкциях доля вин. падежа - 39% (n = 23), если инфинитив сов. вида, и 56% (n = 25) - если инфинитив нес. вида;
Хака 1981, 50-53, 102: зависимый инфинитив (неопосредствованное отрицание) - вин. 73,2% (n = 306) (ср. в среднем 38,2%, разница очень существенна);

группа II

Листвинов 1965, 193-194: зависимый инфинитив - "... Из приведенных выше примеров видно, что дополнения, обозначающие конкретные предметы..., стоят в форме вин. падежа, а дополнения, выражющие отвлеченные понятия и обозначающие предметы вообще, ... стоят в форме род. падежа ... приходится учитывать и степень лексической полнозначности глагола, при котором стоит отрицание. Если этот глагол полнознаменательный или близок к полнознаменательному, влияние отрицательной частицы не распространяется за его пределы и выбор формы вин. падежа дополнения становится вполне оправданным. Если же инфинитив примыкает к одному из модальных глаголов, обозначающих возможность, долженствование, способность или неспособность, то, естественно, влияние отрицательной частицы распространяется и на инфинитив, примыкающий к модальному глаголу";

Розенталь 1971, 249, 250: зависимый инфинитив - обычно вин. падеж; инфинитивное предложение, в котором подчеркивается категорический характер отрицания - обычно род. падеж;

Грамматика 1980 II, 418: "При опосредованном влиянии отрицания в современном употреблении вин. падеж нормален... Однако в подобных случаях нормален и род. падеж", "В предложениях со словом *нет* (*не было, не будет*) при распространении неотрицательного компонента инфинитивом переходного глагола употребляется вин. падеж: *Вызывать секретаршу не было никакой нужды...* Сила влияния отрицания проявляется в возможности употребления и в этом случае род. падежа: *Весь год я дописывала, разбирала и отбирала, сейчас все кончено, а нового начинать нет куражу*";

группа III

Tsurikov 1967, 181-182: "In sentences with double-verb construction, when the modal auxiliary verb is negated, the direct object is found in the accusative case if the noun is concrete... The double-verb structure with modal auxiliary in the affirmative and the negation before the transitive verb in the infinitive does not have any influence on the choice of case";

Timberlake 1975, 128: "the object of the infinitive governed by a negated predicate in the final clause is preferable accusative":

*Не думай, что ты все знаешь, ты еще многоего не знаешь.
Все знать невозможно.*

**Не думай, что ты все знаешь, ты еще многоего не знаешь.
Всего знать невозможно.*

Разряд спрягаемого глагола тоже играет определенную роль: "infinitives are more closely linked to modals and auxiliaries than to other governing verbs. The use of the genitive of negation differs accordingly":

*Я не умею писать стихи.
Я не умею писать стихов.*

*Я не обещаю писать стихи.
Я не обещаю писать стихов.*

Этот фактор интересен во многих отношениях. Любопытно, но требует дополнительных исследований наблюдение В.А. Ицковича, согласно которому род. падеж в этих конструкциях вытесняет винительный (ср. сноска 14). С этим связана также противостоящая общей тенденции ситуация по отношению к норме, описанная в книге Граудиной и др. 1976: "излишнее" употребление род. падежа считается ненормативным. Вообще вопрос о "норме" здесь не ясен. С одной стороны, пишется, что нормативное употребление предполагает вин. падеж /см., например: Горбачевич 1978, 209/, но, с другой, насколько нам известно, нигде такая "норма" не зафиксирована (если не считать нормой слова Пушкина, ср. сноска 13) ⁶⁸.

⁶⁸ См. однако формулировку в книге /Воробьев и др. 1975, 79/: "Если дополнение управляемся неопределенной формой, зависимой от личного глагола с отрицанием, то оно ставится в вин. падеже".

Вторым вопросом, который здесь возникает, является фактическое употребление вин. и род. падежей в конструкциях с инфинитивом. Есть основания утверждать, что в этих конструкциях вин. падеж встречается чаще, чем в тех, в которых дополнение подчиняется непосредственно спрягаемому глаголу, но несомненно и то, что род. падеж здесь никак не исключен. При дальнейшем изучении вопроса нужно стремиться к более подробному анализу языкового материала, к выяснению того, в какой мере на выбор падежа влияют особенности предложения с инфинитивом, например, такие моменты, как: является ли инфинитив зависимым или независимым; каков по своей семантике, виду и т.д. глагол, которому подчинен инфинитив. Эти моменты в какой-то мере уже затронуты в литературе (см., например, работы Кулагина, Солоницына, Грина, Листвинова, Тимберлейка)⁶⁹, но требуют еще уточнений.

Небезынтересно также, что в этих предложениях вообще встречается род. падеж, хотя дополнение формально подчинено глаголу без отрицания. В.А. Ицкович /1968, 65/ ищет ответа на эту дилемму в следующих рассуждениях: "Обычно род. падеж вместо винительного появляется здесь при глаголах со значением модальности. Соединения таких глаголов с инфинитивами полнозначных глаголов, ср.: не следует принимать такие работы – не принимайте таких работ; не потрудился сделать все расчеты – не сделал всех расчетов и т.п. Параллелизм, взаимозаменяемость двух названных конструкций, – по-видимому, один из самых сильных факторов, влияющих на распространение сочетаний "не + спрягаемый глагол + инфинитив + род. падеж". Такое сопоставление

⁶⁹ Влияние семантики глагола на силу и сферу действия отрицания при инфинитиве обсуждается, в частности, К. Чвани. Рассматривая так называемые фазисные (согласно автору: аспектные) глаголы (*начать*, *кончить* и т.д.), она пишет /Chvany 1975, 131/: "The relations become more complex under negation, but there is still an assertion about the truth value of the complement that is absent from the complements of "modal" verbs like *хотеть* .., *велеть* ... and the like. *Он хотел работать* ... says nothing about whether the subject ever worked or not, and the negative counterpart *Он не хотел работать* is equally vague about the truth of the complement proposition. The covert assertion in the complements of "aspectual" verbs plays a role in the preference for accusative over genitive". Подробный анализ выбора падежа при модальных глаголах можно найти у В.А. Ицковича /1982, 40-49/.

этих конструкций, несомненно, интересно, но окончательные выводы могут быть сделаны только после того, как будут изучены разные типы предложений с инфинитивом. На основе приведенных в Грамматике 1980 примеров (см. выше), в которых род. падеж встречается и в отдельных предложениях с неглагольным сказуемым (типа *нет смысла делать что-нибудь*) можно полагать, что само наличие в предложении отрицания без формальной или смысловой связи с дополнением может быть при благоприятных условиях достаточной причиной для употребления род. падежа⁷⁰.

ДВА (или больше) ИНФИНТИВА

Он не мог позволить себе начать изучать математику в таком возрасте.

группа Ia

Равич 1971, 261: структурная удаленность дополнения от отрицания, т.е. между отрицанием и переходным глаголом, которому дополнение подчиняется, два или более последовательно связанных глагола – формально обязательная постановка вин. падежа;

группа II

Грамматика 1980 II, 417: если сильноуправляемое имя относится к инфинитиву, отделенному от глагола с отрицанием другим инфинитивом (или инфинитивами) – обязателен вин. падеж;

группа III

Timberlake 1975, 128: "a doubly or multiply embedded infinitive is even less likely than a singly embedded infinitive to take a genitive object":

⁷⁰ Здесь можно опять провести параллель с финским языком. В нем действие отрицания на выбор падежа (ср. сноску 3) не ослабляется, хотя оно формально находится "далеко" от дополнения, ср.:

En halunnut yrittää lukea kirja *kahdessa tunnissa.*

Я не хотел стараться прочитать книгу за два часа.

Halusin yrittää lukea kirjan *kahdessa tunnissa.*

Я хотел постараться прочитать книгу за два часа.

*Я не могу Вам позволить начать писать стихи.
• Я не могу Вас позволить начать писать стихов.*

Если наличие в отрицательном предложении одного инфинитива уменьшает возможность употребления род. падежа, то логическим следствием добавления в предложение других инфинитивов является укрепление позиций вин. падежа до почти стопроцентного употребления. Поскольку конструкции этого рода в текстах сравнительно редки, статистики здесь умалчивают.

ДВОЙНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Это не делает труд писателя более легким.

Мы вправе спрашивать с тех, кто не обеспечил заводы высококачественным оборудованием.

Поэтому, мне кажется, нельзя признать последовательным следующего определения винительного падежа.

группа Ia

Буторин 1953, 10: наличие в предложении, кроме прямого дополнения, другого управляемого слова с полупредикативным значением – один из грамматических признаков отрицательной конструкции с вин. падежом;

Дерибас 1956, 24: всегда вин. падеж "в предикативных конструкциях, представляющих собой бывший оборот с двумя вин. падежами";

Солоницын 1962, 110: при двойном подчинении весьма последовательно употребляется вин. падеж;

Дончева 1964, 98: конструкция типа *Не считаю дело конченным* – употребляется преимущественно вин. падеж;

Davison 1967, 40, 61: конструкция "*не считать* + вин. + твор. падеж" – фактор, обусловливающий употребление вин. падежа;

Равич 1971, 261–262: когда при глаголе с двойной предикцией обе валентности насыщены – формально обязательная постановка вин. падежа (глаголы *считать*, *обеспечивать* и т.д.);

соответственно, если речь идет о несвободном словосочетании, в состав которого входит дополнение (например: *Мы не сможем довести проверку до конца*);

Граудина и др. 1976, 35: "Вин. падеж обязателен, если при глаголе, кроме данного существительного, должно быть еще одно зависимое существительное (или прилагательное)";

группа Ib

Restan 1960, 99: predicative instrumental - вин. 91,7% (n = 12)
(ср. 31% в среднем);

Green 1979, 172: instrumental predicate - всего два примера
и оба - с вин. падежом;

группа II

Borras, Christian 1959, 26: the accusative is always used after a negative verb when the object is qualified by an instrumental predicate;

Листвинов 1956, 193: Постановку вин. падежа ... можно рекомендовать ... при таких предикативных конструкциях, которые обусловливают одновременное отношение какого-либо слова в предложении и к сказуемому, и к дополнению";

Розенталь 1971, 250: в предложении слово, по смыслу относящееся одновременно к прямому дополнению и к сказуемому - обычно вин. падеж;

Грамматика 1980 II, 417: обязательность вин. падежа - если вин. падеж входит в сочетание, организуемое двойной сильной связью;

группа III

Timberlake 1975, 130: secondary complement - "hence the scope of negation is diffused, and the object virtually never appears in the genitive":

Я не смотрю иностранные фильмы.

*Я не смотрю иностранных фильмов.

Я не считаю иностранные фильмы интересными.

*Я не считаю иностранных фильмов интересными.

По нашему мнению, негативные конструкции с двойным управлением в большинстве случаев примыкают к третьей категории Томсона (см. с. 30): формально отрицательная частица стоит перед глаголом, но по существу относится не к нему, а ко второму из

подчиненных ему членов. Ср. Он не считает русский язык трудным ≈ Он считает русский язык нетрудным ≈ Он считает русский язык легким. Соответственно в предложении Мы не можем довести проверку до конца (если логическое ударение "нормальное") отрицается только то, что проверку можно довести до конца, т.е. мы можем довести ее до определенного предела, но не до конца. Это толкование подтверждается тем, что подобные предложения можно распространить утвердительной частью: Он не считает русский язык трудным, а довольно легким, Мы не можем довести проверку до конца, а только до половины. Сказанное делает употребление вин. падежа в этих конструкциях совершенно естественным.⁷¹.

ГЛАГОЛ ИМЕТЬ (и другие близкие к нему по значению глаголы)

Эта политика, подчеркнул он, не имеет реалистической альтернативы.

Какой мастер не мечтает иметь дома станочек, который и места много не занимает.

группа Ia

Буторин 1953,9,11: "во всех предложениях со сказуемым *иметь* прямое дополнение выражается род. падежом";

Magner 1955,531: *иметь* - "without exception genitive case";

Дерибас 1956,23: *иметь* - большей частью с род. падежом;

Кулагин 1959,85: *иметь* вообще не позволяет употреблять дополнение в вин. падеже, однако "в нашей картотеке один пример с вин. падежом: *Не имеет ли он отношение к операции "Горная весна"?*";

Fleckenstein 1961,216: "Bei den Beispielen mit der Verb *иметь* stand das Objekt stets im Genetiv";

⁷¹ Г. Шаллер /Schaller 1978a,106/ употребляет в этой связи термин "partielle Negation". Рассмотрение "деривационной истории" предложения показывает, что речь идет о негации, которая вообще не относится к дополнению. Однако, из этого факта *an sich* не вытекает возможность употребления род. падежа, поскольку при инфинитиве, перед которым частица *не* непосредственно не стоит, это обычно вполне допустимо /ср. также: Gundel 1974,262-264; 1977,197-205/.

Солоницын 1962, 106: *не иметь* – всегда сочетается с родительным, совершенно независимо от семантики существительного и каких-либо других факторов (причиной этого является влияние синонимических предложений со словом *нет*); *получить* – преимущественно род. падеж;

Дончева 1964, 98: *иметь* – всегда род. падеж;

Davison 1967, 6: *иметь* – фактор, подсказывающий употребление род. падежа;

Равич 1971, 263: *иметь* – формально обязательная постановка род. падежа;

Граудина и др. 1976, 35: "род. падеж обязателен..., если существительное зависит от глагола *иметь*";

группа Ib

Restan 1960, 101: *иметь* – вин. 2,6% (n = 155) (ср. 31% в среднем);

Korn 1967, 491: *иметь* – вин. 3% (n = ?);

Green 1979, 185: *иметь* – вин. 9,5% (n = 21); *получать* – в четырех из девяти примеров вин. падеж;

Хака 1981, 40–42, 102: *иметь* – вин. 2,8% (n = 72) (в среднем 38,2%, разница очень существенна);

группа II

Розенталь 1971, 298: *иметь, получать, доставать* и т.п. – обычно род. падеж;

Грамматика 1980 II, 416: "Род. падеж обязателен ... во всех случаях сочетания с глаголом *не иметь*";

группа III

Tsurikov 1967, 180: "The claim that the negated verb *иметь*, as such, automatically converts the direct object to the genitive case is indefensible";

Timberlake 1975, 130: "verbs of existence or possession (*иметь, доставать, получать*) tend to take the genitive of negation more than other semantic classes of verbs".

Глагол *иметь* как сказуемое является одним из самых явных факторов, обуславливающих употребление род. падежа (правда, и

здесь нет такого правила, которое бы не знало исключений). Как отмечает Ю.В. Солоницын (см. выше), это можно легко понять, если учесть смысловую связь с предложениями с *нет*: Они не имеют машины — У них нет машины. Соответствие подобного рода можно усматривать и в предложениях, где употребляется глагол *получать*: Он не получил разрешения... → У него нет разрешения... Такие наблюдения привели некоторых исследователей к заключению, что все случаи выбора падежа можно объяснить с помощью критерия "импликация существования" (см. сноска 3).

ГЛАГОЛЫ, БЕЗ ОТРИЦАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИЕ И ВИН., И РОД. ПАДЕЖАМИ

Он не ждал от нее писем.

Он не ждал девушки.

группа Ia

Дерибас 1956, 23: большей частью род. падеж;

Кулагин 1959, 97: обычно род. падеж;

Коут 1960, 30: употребление род. падежа является почти нормой;

Fleckenstein 1961, 216: "Viele dieser Verben bevorzugen noch immer den Genetiv auch in nicht verneinten Sätzen ... Der Gebrauch des Genitives in verneinten Sätzen wird dadurch natürlich gefördert";

Солоницын 1962, 109: если род. падеж употребляется без отрицания, то он сохраняется и при отрицании (ср. ожидать поезда — не ожидать поезда);

Davison 1967, 48–49, 62: "Certain verbs, e.g. бояться, хотеть, желать, etc., even when used in positive statements, are associated, either invariably or frequently, with the genitive case. When such verbs directly govern an object in a negative construction they always take the genitive case"; автор анализирует и случаи, где данные глаголы употребляются перед инфинитивом и приходит к заключению, что в такой позиции они ведут себя, как любые другие глаголы;

Равич 1971, 265: формально предпочтительная постановка род. падежа;

группа Ib

Green 1979, 183: только восемь примеров, из которых в двух вин. падеж;

группа III

Timberlake 1975, 130: см. Глаголы восприятия.

Эта группа глаголов отличается от других тем, что при них дополнение ставится в род. падеже иногда и в утвердительных предложениях. Это обстоятельство заставляет нас рассматривать употребление падежей при глаголах данной группы в отрицательных предложениях с несколько иных позиций, чем при других глаголах. Вопрос можно поставить следующим образом: напоминают ли условия, обусловливающие выбор падежа при этих глаголах в отрицательных предложениях:

1. те условия, которые наблюдаются при *этих же* глаголах в утвердительных предложениях или
2. те условия, которые наблюдаются при *других* глаголах в отрицательных предложениях или
3. имеют ли они свою специфику.

На этот вопрос имеющиеся данные еще не позволяют ответить.

ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ (*знатъ, помнить, понимать, видеть, слышать и др.*)

Сегодня не узнать польскую столицу.

Не знаю убранной комнаты.

Он не видел этих фильмов.

Он не видел эту женщину.

группа Ia

Буторин 1953, 11: управляют род. падежом;

Дерибас 1956, 23: большей частью род. падеж;

Кулагин 1959, 97: обычно род. падеж;

Коут 1960, 29: употребление род. падежа является почти нормой;

Fleckenstein 1961, 216: bevorzugen das Genetivobjekt;

Солоницын 1962, 105–106: обычно род. падеж;

Davison 1967, 42–44, 62: фактор, обусловливающий употребление род. падежа;

Равич 1971, 265: формально предпочтительна постановка род. падежа;

Граудина и др. 1976, 35: "род. падеж обычно употребляется при глаголах восприятия, мысли";

группа Ib

Restan 1960, 100: вин. 19,8% (n = 288) (ср. 31% в среднем);

Green 1979, 183: вин. 31,1% (n = 45) (29,1% в среднем) (о различии между текстами устными и письменными см. с. 132);

Хака 1981, 38–40, 102: вин. 13,5% (n = 133) (ср. 38,2% в среднем, разница очень существенна);

группа II

Листвинов 1967, 191: "Постановка род. падежа обязательна ... при дополнениях, которые обозначают объекты восприятия, мысли, ожидания, желания";

Розенталь 1971, 248: обычно род. падеж;

Грамматика 1980 II, 417: "Старая книжная норма требовала при глаголе с отрицанием род. падеж ... Поэтому форма род. падежа предпочитается в неразговорных контекстах: ... при глаголах восприятия и мысли";

группа III

Tsurikov 1967, 184: "The direct object in sentences with negated verba sentiendi was more often found in the genitive case, even when the direct object was expressed by a concrete noun";

Timberlake 1975, 130: "verbs of perception or emotion (знатъ, видѣть, слышать, думать, чувствовать, хотеть, ждать) ... tend to take the genitive of negation more than other semantic classes of verbs"⁷².

⁷² При рассмотрении русского языка с синхронных позиций, на наш взгляд, нет оснований отождествлять глаголы группы хотеть, ждать и группы знать, видеть, поскольку в утвердительных предложениях они имеют разные валентностные свойства.

Рассматривая эту группу глаголов, следует сразу отметить, что при них в утвердительных предложениях в древнерусском языке "преобладает род. падеж хотя возможен и винительный" /Борковский 1978, 346/. В связи с этим у этих глаголов есть определенное, историей языка обусловленное пристрастие к род. падежу, которое в современном языке наблюдается только при отрицании. Однако, статистические данные показывают, что вполне "возможен и вин. падеж", и, таким образом, глаголы данной группы принципиально уже не отличаются от других. Только посредством одновременного изучения и свойств объекта в этих предложениях можно было бы выяснить, в какой мере небольшое различие в доле вин. падежа по сравнению с предложениями, включающими другие глаголы, связано именно с семантическими характеристиками сказуемого и какую роль здесь играют свойства дополнения. Возможно, внутри этой группы глаголов также обнаружится некоторая гетерогенность /ср. Schaller 1978a, 94–95/.

ДРУГИЕ ГЛАГОЛЫ

группа Ia

Буторин 1953, 11: "к группе глаголов, управляющих вин. падежом, следует отнести глаголы, выражющие воздействие на волю и чувства человека, например: *веселить, огорчать, заставлять, разбудить и др.*";

Magner 1955, 530: глагол *любить* – фактор, обуславливающий употребление вин. падежа в устной речи /ср.: Gundel 1974, 259/;

Солоницын 1962, 106–107: *миновать; терпеть; переносить, выносить; найти, находить, обнаружить; покидать; носить, надевать, снимать* – преимущественно с род. падежом (некоторые ограничения касательно семантики дополнения) (*не найдешь пустого столика, но: А если не найдешь свое место всю жизнь?*); глаголы, обозначающие физическое воздействие (хотя бы в переносном смысле) – довольно часто вин. падеж (*Нашу веру в коммунизм никто не сломит*);

группа Ib

Korn 1967, 491: любить - вин. 55% (n = ?);

Green 1979, 173, 185: давать "and its compounds" - вин. 23,8% (n = 21); глаголы с приставкой пре- - в четырех из десяти случаев вин. падеж; находить - из девяти случаев в одном вин. падеж.

Семантика глагола может в принципе оказывать влияние на выбор падежа, но одновременно действуют и другие факторы, связанные с семантикой дополнения /ср.: Буторин 1953, 11-12; Рубцова 1975, 313-315/. В целом проведенные исследования не дают повода полагать, что существуют какие-то особые группы глаголов (кроме тех, о которых шла речь выше), играющих определенную роль при выборе падежа дополнения в отрицательных предложениях.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

С точки зрения выбора падежа дополнения устойчивые выражения, при которых встречается отрицание, могут быть разделены на три группы /ср.: Mişan 1969, 70-71; Грамматика 1980 II, 416/:

I. дополнение стоит в род. падеже, сочетание утрачивает без отрицания идиоматичность:

не говоря худого слова

не сводить глаз с кого-чего-н.

не находить себе места

II. дополнение стоит в род. падеже, сочетание имеет и утвердительный вариант⁷³:

не играет роли (ср. играть роль)

не обращает внимания (обратить внимание)

не придает значения (придать значение)

не приносит ущерба (принести ущерб)

⁷³ В Грамматике 1980 /II, 416/ констатируется, что в этих случаях род. падеж встречается и при инфинитиве: не может играть роли, не хочет придавать значения. В примечании отмечается также, что есть некоторые глагольные сочетания, в которых наблюдается колебание в употреблении падежей: не возбуждает жалости/жалость, не принимает необходимых мер/необходимые меры. "В письменной речи в подобных случаях предпочтительнее употребление род. падежа".

III. дополнение стоит в вин. падеже:

не скалить зубы

не вставлять палки в колеса

Устойчивость словосочетаний как один из факторов, влияющих на выбор падежа, рассмотрена многими исследователями /Uglitsky 1956, 384; Кулагин 1959, 93; Коут 1960, 28, 32; Дончева 1964, 98; Равич 1971, 262, 263; Попова 1973, 69; Граудина и др. 1976, 35; Borras, Christian 1959, 27; Розенталь 1971, 249, 250; Gundel 1974, 254, 264-265; Хака 1981, 42-47⁷⁴/ . Сопоставление этих описаний, однако, почти что невозможно, поскольку нет четких критерииев, с помощью которых можно было бы однозначно определить устойчивые словосочетания. В связи с этим мы ограничимся лишь следующей констатацией: во-первых, устойчивость и фразеологический характер некоторых словосочетаний и выражений, безусловно, оказывает влияние на выбор падежа; во-вторых, чаще всего в этих случаях дополнение стоит в род. падеже, но возможен и винительный .

3. Факторы, связанные с семантикой и формой дополнения, а также с его определенностью

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ОДУШЕВЛЕННЫЕ

Он не видел Сони.

... не понимаю я Соню.

Я не люблю Машу.

Никакой Маши не люблю.

⁷⁴ Как легко понять, этот фактор трудно изучать статистически. Так, из исследователей, применяющих количественные методы, только К. Хака /1981, 42-47/ взялась за исследование данного вопроса. При определении "устойчивости" глагольных словосочетаний она прибегала к данным разных словарей. Так, исключив из материала фразеологизмы, она подсчитала долю вин. падежа в устойчивых глагольных словосочетаниях при отрицании. Оказалось, что в этих случаях род. падеж явно предпочтительнее, но употребляется и вин. падеж (23%; n = 342).

Дома Кирилл не застал Веры Николаевны.

Шурочка не увидел дедушку.

группа Ia

Буторин 1953, 12: лицо - явно преобладает вин. падеж;

Дерибас 1956, 23: имена собственные, обозначающие названия лиц - как правило, вин. падеж;

Uglitsky 1956, 380: собственное имя женского рода - "almost complete disappearance of the genitive case; next come the personal substantive in -*a*, -*я* and -*в*, denoting degrees of family relationship; in collective substantives which denote groups of animate object we also see a tendency to use the accusative form of the direct object";

Кулагин 1959, 103: собственные имена первого склонения со значением лица - большей частью вин. падеж;

Коут 1960, 31: собственные имена и названия лица - вин. падеж почти норма;

Fleckenstein 1961, 217: "Der konkrete und determinierte Charakter des Substantivs ist klar, wenn es um eine Person geht. Darum steht in diesen Fällen fast ausschliesslich der Akkusativ";

Дончева 1964, 98-99: имя собственное - "вин. падеж, как правило, не заменяется родительным";

Равич 1971, 264: одушевленное имя собственное, одушевленное субстантивированное прилагательное (типа *раненый, боленая*), существительное, обозначающее группу людей (*полк, народ*) - предпочтительная постановка вин. падежа;

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: имя одушевленное - вин. 84,2%

(n = 38) (ср. 33,9% в среднем); животное - четыре примера, из которых в трех вин. падеж; имя собственное, но не одушевленное - пять примеров, во всех вин. падеж;

Restan 1960, 97: собственное имя - вин. 76,7% (n = 43) (ср. 31% в среднем);

Green 1979, 174: только два примера с одушевленным именем, в обоих - вин. падеж;

группа II

Borras, Christian 1956, 26: "the accusative is usual with feminine nouns... which refer to person, and especially with proper names";

Розенталь 1971, 249: одушевленные существительные, в частности собственные имена лица – обычно вин. падеж;

Грамматика 1980 II, 417: "Употребление вин. падежа часто связано с определенностью и конкретностью объекта. Поэтому вин. падеж предпочтается ... в случае выражения объекта существительным одушевленным или именем собственным";

группа III

Timberlake 1975, 124: "proper nouns are virtually never in the genitive under negation":

Я еще не читала роман Гладкова "Цемент".

Я еще не читала романа Гладкова "Цемент".

Я еще не читала "Цемент".

**Я еще не читала "Цемента".*

"Animate nouns tend to be viewed more as individuals than inanimate nouns and therefore tend to occur in the genitive less often than inanimate nouns":

?Никакую женщину я не вижу!

Никакой женщины я не вижу!

**Никакую машину я не вижу!*

Никакой машины я не вижу!

Существуют явные доказательства того, что употребление одушевленных и собственных имен в вин. падеже существенно превышает долю этого падежа среди дополнений другого рода. В некоторых работах /Флеккенштайн, Тимберлейк, Грамматика 1980/ дается и следующее объяснение этому: такие имена являются, как правило, в высшей степени конкретными и детерминированными (ср. ниже). Если все же иногда эти слова употребляются в род. падеже, следует предположить существование какого-то иного фактора, который сильнее фактора "конкретность и детерминированность".

АБСТРАКТНЫЕ/КОНКРЕТНЫЕ ИМЕНА

(ср. Имена собственные и одушевленные, Детерминированность дополнения)

Гардероб портфели, сумки, свертки не принимает.

Не открывайте дверь лифта, пока не убедитесь, что кабина перед вами ...

Если кабина движется при открытых дверях, не допускайте пользование лифтом и немедленно сообщайте ...

Ценные вещи и деньги сдавать в регистратуру, за несданные деньги и вещи администрация ответственности не несет.

Не бросай якорей!

*Не зажигайте огня и не включайте электроприборы.*⁷⁵

группа Ia

Буторин 1953,12: конкретный предмет – род. или вин.; абстрактный предмет – исключительно род. падеж;

Magner 1955,538: "where formal features are not decisive in establishing the choice of case, the lexical meaning of the nouns and verbs: abstractness vs. concreteness, definiteness vs. indefiniteness, will have to serve as a criterion";

Uglitsky 1956,381,383: "concrete substantives denoting household objects, parts of the human body, things that are close to man or are associated with his daily life usually take the accusative";

Дерибас 1956,22: "Дополнение, выраженное существительным с абстрактным значением, ставится в род. падеже, а дополнение, выраженное существительным с конкретным значением, – в вин. падеже. В связи с этим вин. падеж при переходном глаголе с отрицанием указывает на оттенок конкретности, определенности, тогда как род. падеж употребляется в более обобщенном значении ... но это влияние на употребление формы того или иного падежа нельзя преувеличивать";

⁷⁵ Эти примеры взяты из интересного материала, собранного Г. Шаллером /Schäller 1978a,108-114/ в разных городах Советского Союза (Москва, Ленинград, Ташкент, Самарканд, Бухара, Баку) с табличек, в которых приводятся указания, запрет и т.п.

Кулагин 1959, 95–96: абстрактное имя – обычно род. падеж (исключение очень редки);

Fleckenstein 1961, 217: "Standen Abstrakta fast ausschliesslich im Genetiv, so treten Substantive mit konkreter Bedeutung in der überwiegenden Zahl der Fälle als Akkusativ-Objekt auf, wenn nicht durch bestimmte Bedeutungsnuancen, vor allem partitiven Charakters, die sich aus dem Satzzusammenhang ergeben, der Genetiv hervorgerufen wird";

Солоницын 1962, 100–104: многие названия свойств, качеств, состояний, действий (часто *singularia tantum*; многие на *-ение, -ание, -ость, -ство*) – в подавляющем большинстве случаев род. падеж (Он не портит настроения, но: Он никогда не признает свою ответственность); названия действий, поступков, мероприятий – преимущественно род., но довольно часто и вин. падеж (особенно склонны к вин. падежу некоторые существительные третьего склонения, оканчивающиеся на два согласных, например, *жизнь, мысль, совесть*, а также существительные на *-ия* и некоторые отдельные лексемы, например: *работа, вопрос*) (*Родина не забыла его подвига*, но: *Существующий уровень бурowych работ не обеспечивает загрузку экскаваторов*); названия различных вещей, существительные, обозначающие различные объединения людей, предприятия, географические понятия, произведения искусства, денежные суммы и т.д. – преимущественно вин. падеж, но довольно часто и родительный;

Уткин 1963, 80: конкретные имена – чаще вин. падеж; абстрактные имена – чаще род. падеж;

Davison 1967, 45–46, 62: parts of the body – фактор, обусловливающий употребление род. падежа;

Равич 1971, 264, 265: конкретное имя в ед. числе (глагол часто в сов. виде) – формально предпочтительная постановка вин. падежа; абстрактное или вещественное имя (или конкретное имя во мн. числе) – формально предпочтительная постановка род. падежа;

Попова 1973, 68: конкретный предмет – ставится вин. падеж; (очень не последовательно);

Граудина и др. 1976, 35: "Обычно в род. падеже стоят ... существительные с отвлеченным значением ... Вин. падеж встречает-

ся обычно у существительных с конкретным значением, называющих отдельные предметы, известные говорящему из предыдущего ... Но в подобных случаях возможен и род. падеж";

группа Iб

Safarewiczowa 1960,109-126: (сначала из подсчета исключены: одушевленные и собственные имена, предложения с инфинитивом, восклицательные, вопросительные, побудительные и придаточные предложения) конкретные имена - вин. 21,5% (n = 107); абстрактные имена - вин. 10,8% (n = 315);

Restan 1960,96: concrete, definite nouns - вин. 25,5% (n = 1480) (ср. 31% в среднем);

группа II

Borras, Christian 1959,26: "the accusative is very frequently used ... when the object is a concrete noun denoting a part of the body or a common object in everyday use";

Листвинов 1965,191-192: "Постановка род. падежа обязательна ... при дополнениях, обозначающих отвлеченные понятия"; "Постановку вин. падежа можно рекомендовать ... при дополнениях, имеющих конкретное значение, в частности при дополнениях - собственных именах существительных";

Розенталь 1971,248-249: отвлеченные существительные - обычно род. падеж; конкретный предмет (именно этот предмет, а не вообще какой-то) - обычно вин. падеж;

Грамматика 1980 II,417: Старая книжная норма требовала при глаголе с отрицанием род. падежа ... Поэтому форма род. падежа предпочитается в неразговорных контекстах, а именно ... в том случае, когда объект назван отвлеченным именем;

группа III

Timberlake 1975,124-125: "abstract nouns tend to occur in the genitive more oft than concrete nouns":

"Не слушай его - он не даст тебе хороший совет.
Не слушай его - он не даст тебе хорошего совета.

Не покупай у него, он не честный человек - он не про-
даст тебе хорошее платье.

"Не покупай у него, он не честный человек" - он не про-
даст тебе хорошего платья.

При рассмотрении фактора "конкретность/абстрактность дополнения" еще более уместно, чем при факторе "одушевленные и собственные имена", подчеркнуть следующее: наблюдается определенная, но не очень сильная связь между выбором падежа и этим фактором, однако, с другой стороны, большое число контрпримеров позволяет утверждать, что существует фактор, который явно пре-восходит этот первый по своему удельному весу. Более подробное изучение разных категорий абстрактных и конкретных имен, на чем настаивают некоторые исследователи, могло бы привести к результатам, которые способствовали бы выяснению общих закономерностей выбора падежа.

**ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ (известность, определенность) ДОПОЛНЕНИЯ
(ср. Конкретность/абстрактность)**

В итоге все контрольные, не получившие препарата, животные погибли к 42-му дню ...

... пожилой мужчина, просивший не называть его имени ...

группа Ia

Кулагин 1959,100: конкретное имя, особенно если прямое дополнение обозначает предмет, известный и говорящему и слушающему, или такой, о котором уже шла речь - предпочтение вин. падежу; Коут 1960,31: конкретное имя существительное, обозначающее предмет, о котором уже говорилось - вин. падеж почти норма;

Fleckenstein 1961,217: "Der Akkusativ wird besonders gern benutzt, wenn es sich nicht nur um ein Substantiv mit konkreter Bedeutung handelt, sondern wenn dieses Konkretum auch noch durch die Situation zu einem bestimmten Substantiv wird";

Попова 1973,68: предмет определенный, известный говорящим - ставится вин. падеж (очень непоследовательно);

группа Ib

Хака 1981,66-77, 103: определенное существительное - вин. 54,3% (n = 501); неопределенное существительное - вин. 31,5% (n =

308); абсолютивное употребление – вин. 24,2% (n = 368)⁷⁶;

группа II

Грамматика 1980, II, 418: "Употребление вин. падежа со значением определенного объекта создает противопоставление: вин. падеж для выражения определенного объекта – род. падеж для выражения неопределенного объекта: Он *не получил письмо* (определенное, известное) – Он *не получил письма* (неопределенного, какого-либо). Но употребление род. падежа не всегда и не обязательно указывает на неопределенность объекта. Если вин. падеж при глаголах с отрицанием уже сигнализирует об определенности объекта, то род. падеж обозначает не отсутствие определенности, а безразличие к ней. Это делает возможным употребление род. падежа при глаголах с отрицанием и в том случае, когда в предложении есть слова, указывающие на определенность объекта: Он *не получил твоего письма* ... В таких случаях при отрицании равно возможно употребление род. и вин. падежа: Он *не получил твое письмо/твоего письма* ..."⁷⁷;

группа III

Timberlake 1975, 125, 127: "A definite participant is understood as a uniquely defined individual within a set of individuals which might conceivably be participants in a given event. A definite participant is therefore more individuated than an indefinite participant, and is less likely to be expressed

⁷⁶ При рассмотрении вопроса о влиянии определенности дополнения на выбор падежа К. Хака /1981, 66/ исходит из взглядов М.И. Алексиной /1975, 6-9/, согласно которой существительные можно разделить на две категории: существительные в абсолютном употреблении и существительные в релятивном употреблении. В первом случае существительное является "проявлением общего", во втором же или проявлением "особенного" (неопределенный предмет), или проявлением "единичного" (определенный предмет). Абсолютное употребление свойственно словам абстрактным, но возможны и их переходы в другие категории.

⁷⁷ В Грамматике 1980 /II, 418/ пишется дальше: "Отсюда – возможность употребления род. падежа, обозначающего конкретный предмет: Я уткнулся в подол бабушкиной юбки и не поднимал головы; В какой-то момент я растерялся и не поднял руки". Любопытно отметить, что в обоих примерах дополнением является часть тела в рефлексивном значении. Напомним, что эти случаи упоминаются Р.М. Дэвисоном (см. с. 82) как специальный фактор, обусловливающий употребление род. падежа (несмотря на конкретность и определенность дополнения).

in the genitive"; далее вопрос рассматривается с более широкой точки зрения в свете примеров Я не видел лошадь, Я не видел лошади, в которых разница кроется в дефинитности и индивидуализированности всего с о б ъ т и я: в первом случае речь идет об отдельном, конкретном случае, во втором же - об общей констатации.⁷⁸

Отсутствие артикля в русском языке дало лингвистам повод исследовать, какие другие средства в русском языке способны выражать значения, присущие обычно артиклю /см., например: Vahros 1951/⁷⁹. При этом часто отмечается и возможность употребления вин. и род. падежей для различения детерминированных и не-детерминированных дополнений /Реформатский 1960, 242⁸⁰; Birnbaum 1970, 23; Gladrow 1972, 650-652, 1979, 165-169; Gundel 1974, 247-267; Wexler 1976, 40-44⁸¹; Babby 1980, 154-158/. Несомненно,

⁷⁸ Согласно А. Тимберлейку /Timberlake 1975, 127/ употребление вин. и род. падежей в этих случаях соответствует общим значениям этих падежей, описанным Р. Якобсоном (ср. сноска 33).

⁷⁹ Некоторые авторы прямо сопоставляют употребление падежей при отрицании в русском языке с употреблением артикля в языках, в которых он существует. Так, А. Цуриков /Tsugikov 1967, 57-61, 178/ указывает на следующее соответствие между русским и немецким языками /см. также: Fleckenstein 1961, 217; Schaller 1978а, 102; Gladrow 1979, 165-169; Schaller 1983, 140/:

Я не вижу книгу.

Ich sehe das Buch nicht.

Я не вижу книги.

Ich sehe kein Buch.

Л. Дончева /1962а, 50/ проводит параллель между болгарским и русским языками: "В русских отрицательных предложениях прямое дополнение, выраженное именем существительным в вин. падеже, как правило, переводится на болгарский язык именем существительным с членной формой. В русских отрицательных предложениях прямое дополнение, выраженное именем существительным в род. падеже, как правило, переводится на болгарский язык именем существительным без членной формы" /ср. также Дончева 1962в, 33-40/. Соответствующее сопоставление с английским языком проводится в работе Druien 1973, 112-130.

⁸⁰ А.А. Реформатский /1960, 242/ отмечает, что "в русском языке, где нет артиклей, эти грамматические значения выражаются: 1/ служебным словом один ... 2/ употреблением род. падежа вместо вин. при отрицании ... 3/ интонацией".

⁸¹ П. Векслер /Wexler 1976, 65-66/ заканчивает свою статью на тему "Нелексические средства выражения детерминированности в русском и финском языках" сводной таблицей, в которой на первом месте стоит выбор падежа дополнения при отрицании. Автор, однако, подчеркивает /1976, 41-42/, что в этом вопросе существуют разные "диалекты"; только в одном из четырех возможных "both accusative and genitive are possible and semantically distinct".

можно привести пары отрицательных предложений, в которых в одном дополнение выражается род. падежом, придающим ему детерминированное значение, а во втором – вин. падежом, который, со своей стороны, отражает недетерминированность объекта (несмотря на конкретность имени существительного) (см. пример в цитате из Грамматики 1980 выше). Верно также наблюдение Грамматики 1980, согласно которому вин. падеж можно чаще всего считать "более маркированным" членом оппозиции. Видимо, здесь наблюдается пересечение двух факторов, связанных с выбором падежа: детерминированности дополнения и обобщенности высказывания (см. примеры Тимберлейка). Для дальнейшего изучения можно предложить следующие гипотетические выводы:

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ+	ОБОБЩЕННОСТЬ-	вин. падеж
<i>Он не видел <u>лошадь</u>.</i> (ту конкретную лошадь в той конкретной ситуации)		
ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ+	ОБОБЩЕННОСТЬ+	род. падеж
<i>Он не видел <u>лошади</u>.</i> (той конкретной лошади вообще)		
ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ-	ОБОБЩЕННОСТЬ+	род. падеж
<i>Он никогда не видел <u>лошади</u>.</i> (вообще, "лошадь" как представитель своего вида)		

Таким образом, если под детерминированностью дополнения понимается то, что в референтном плане оно имеет один и только один объект, этот момент, видимо, не может быть решающим при выборе падежа. Вообще, как отмечают некоторые ученые /Vahros 1959, 278; Jakobson 1971, 41; Рубцова 1976б, 227–231; Newman 1978а, 267; Birkenmaier 1979, 137⁸²/, связь между употреблением вин. и род. падежей и детерминированностью дополнения не прямолинейна.

⁸² В. Биркенмайер /Birkenmaier 1979, 138–143/ связывает данный вопрос с разделением *verba afficiendi* и *verba efficiendi* (и соответственно "внутренних" и "внешних" дополнений). Это, со своей стороны, приводит автора к рассуждениям о том, в какой мере "степень существования" референта дополнения решает выбор падежа /ср. также: Schaller 1978а, 107, 130–165/.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ (вещественные имена)

Водки на стол не ставьте!

... следить, чтобы пекарь не воровал муку, яйца, масло и випеченный товар.

группа Ia

Кулагин 1959, 95: употребляется обязательно род. падеж, в противном случае значение будет иным (автор понимает эти случаи широко, включая в них и предложения, в которых дополнением является невещественное имя во мн. числе: не приводил примеров, не принимает мер, не отмечал недостатков);

Коут 1960, 28: партитивный (разделительный) характер дополнения (имена существительные вещественные и собирательные; конкретные во мн. числе; имена отвлеченные) - род. падеж является нормой;

Fleckenstein 1961, 218: "In einigen Fällen stehen jedoch auch Konkreta nach verneintem Verb im Genetiv. Das ist vor allem dann der Fall, wenn das Objekt partitive Bedeutung hat";

Солоницын 1962, 109: род. падеж неопределенного количества встречается довольно часто; при отсутствии неопределенного количественного значения вещественные существительные употребляются чаще в вин. падеже;

Davison 1967, 46-48, 62: "unstressed zero quantity" - фактор, подсказывающий употребление род. падежа;

группа Ib

Restan 1960, 102: the partitive genetivus negationis - "it is natural for the accusative tendency almost never to assert itself when the direct object in a negative clause has a clear partitive character" (упоминается также, что в материале встретился только один пример с вин. падежом; общее число примеров не указывается);

группа II

Листвинов 1965, 191: "Постановка род. падежа обязательна ... при количественно-разделительном значении дополнения, особенно ярко выступающем тогда, когда слова мужского рода с

нулевой флексией в им. падеже оканчиваются в род. падеже на -у и -ю";

Розенталь 1971, 248: разделительно-количественное значение – обычно род. падеж;

группа III

Tsurikov 1967, 176–177: "The direct object is always found in the genitive case ... when the noun is used in the partitive sense ... If the same noun is found in the accusative case, the partitive meaning is lost and the noun refers to a particular kind of product, or specified amount ... The direct object expressed by an unmodified inanimate noun in the plural is found in the accusative case if some specification, especially the amount, is known from the context, and in the genitive case if such information is lacking. In the latter case, such usage can be compared with the usage of genetivus partitivus";

Timberlake 1975, 125: "mass nouns (with or without the partitive sense) tend to occur in the genitive more often than count nouns": "Шоколад не хочешь?
Шоколада не хочешь?
Галстук не хочешь?
?Галстука не хочешь?

Настоящее обстоятельство, которое является частным случаем детерминированности дополнения, можно рассматривать с двух точек зрения: каких слов касается разделительно-количественное значение в отрицательных предложениях и в каком падеже стоят вещественные имена при отрицании? Начнем ответ на первый вопрос с цитаты из работы Ю.В. Солоницына /1962, 110/: "Об употреблении родительного при неопределенном количественном характере дополнения говорится в ряде работ ... Но авторы, видимо, нечетко отграничивают родительный неопределенного количества от обычного родительного при отрицании. Это видно из приводимых ими примеров: ... Не знает дат, не сделал вичислений ... В этих примерах дополнение не имеет неопределенного количественного характера. Вне отрицания род. падеж здесь невозможен". Солоницын, конечно, прав в том, что в этих случаях употребле-

ние род. падежа ограничивается отрицательными предложениями. Но это, по нашему мнению, еще не исключает возможности того, что знакомое нам по утвердительным предложениям явление распространяется в отрицательных предложениях и на такие слова, которые при отсутствии отрицания могут стоять только в вин. падеже. Назвать такое употребление "разделительно-количественным", "неопределенно-количественным" значением или каким-либо другим термином не суть важно, это уже вопрос чисто терминологического характера⁸³. Нам представляется более важным сам факт, что в отрицательных предложениях род. падеж употребляется в значении, близком тому значению, которое в утвердительных предложениях могут иметь вещественные имена⁸⁴.

Второй вопрос аналогичен тому, который рассматривался при анализе глаголов группы *ждать* (с. 73). Напомним разные альтернативы: 1/ вин. и род. падежи употребляются одинаковым образом в утвердительных и отрицательных предложениях; 2/ употребление падежей в отрицательных предложениях у этих слов не отличается от того, каким оно является у других слов; 3/ род. падеж встречается в отрицательных предложениях чаще, чем в утвердительных, но не согласно тем правилам, которым подчиняются другие случаи. Как мы видели выше, А. Тимберлейк предполагает, что вещественным именам вообще свойственно стоять в род. падеже в отрица-

⁸³ Возьмем опять пример из финского языка: партитивное значение объекта возможно не только при вещественным именах, но и во мн. числе при конкретных:

Ostimme monenlaisia tavaroita: Мы купили товары всякого рода:
olutta, kyniä, kirjoja, ruuh- пива, карандаши, книги, полотенца
keitä jne. и т.д.

Ср.
Ostimme jo tarvitsemattomat kirjat. Мы уже купили нужные нам книги.

⁸⁴ Здесь необходимо упомянуть интересную статью Э. Клинин. Ученый подходит к случаям, которые у нас помещены под условной рубрикой "разделительно-количественное значение", с более широкой точки зрения, рассматривая вместе с этими конструкциями и такие, в которых встречаются разные кванторы (*кто-нибудь, что-то, весь, многие* и т.д.). Клинин /Klein 1978, 180/ завершает статью заключением: "It is clear that quantified objects in negated VPs are sometimes genitive marked and sometimes not. In a quantificational environment, genitive marking tends to condition a partitive or specific interpretation; and, conversely, partitive forms occur as objects of negated VPs where denial is of verb or object quantification".

тельных предложениях и без разделительно-количественного значения, которое является условием для употребления род. падежа в утвердительных предложениях. И. Вахрос /Vahros 1959, 277/, наоборот, отмечает, что без значения партитивности вещественные имена часто стоят в отрицательных предложениях в вин. падеже: *Я не выпил молоко* (см. также мнение Ю.В. Солоницына выше). Такое наблюдение совершенно верно. Употребление вин. падежа иногда даже возможно, как это ни странно, и в тех случаях, в которых конкретные имена обычно стоят в род. падеже. А.И. Томсон /1902, 364/⁸⁵ пишет по этому поводу так: "Предметные имена с абстрактным (точнее: обобщенным, А.М.) значением являются в этих случаях, т.е. как объект при отрицаемом глаголе, исключительно в род. падеже ... Вин. падеж при вещественных именах объясняется, по-видимому, стремлением избегать род. падежа, с которым при вещественных именах в утвердительных предложениях связывается особого рода конкретность, и это значение всплывает в большей или меньшей степени и в отрицательных предложениях"⁸⁶.

⁸⁵ Внимания заслуживает вся концепция А.И. Томсона об употреблении вещественных имен в отрицательных предложениях, которая изложена в менее известной его работе "К синтаксису и семасиологии русского языка" /1902, 361-364; ср.: Богданова 1911/. Общий тон этой концепции соответствует третьей изложенной альтернативе: употребление падежей при вещественных именах в отрицательных предложениях не сходно ни с употреблением падежей при этих словах в утвердительном предложении, ни с употреблением падежей при других словах в отрицательных предложениях. Томсон, однако, не довольствовался такой общей концепцией, а подверг анализу различные специальные значения этих слов. Основные моменты концепции Томсона заключаются в следующем:

1. в утвердительном предложении - вин. падеж и имя обозначает "известную пространственно ограниченную массу вещества, тогда при отрицании - вин. падеж, если глагол имеет конкретное значение (*Молочница не принесла ваше молоко*, которое она должна была принести); род. падеж, если у глагола "абстрактное" значение (*Молочница вашего молока не принесла*, т.е. молока нет);
2. в утвердительном предложении вин. падеж и имя имеет "конкретное, неопределенное значение, притом обозначает пространственно ограниченную массу вещества", тогда при отрицании род. падеж (*Она воды не кипятит*);
3. в утвердительном предложении род. падеж и имя имеет абстрактное значение, при котором "вещество представляется неограниченным пространственно", тогда при отрицании род. падеж (*Не давай ему бумаги*);
4. в утвердительном предложении вин. падеж и имя имеет абстрактное значение, тогда при отрицании "кроме родительного, по-видимому, и вин. падеж" (*Они масло не едят, Такая примесь муки не портит*).

⁸⁶ А.И. Томсон /1902, 364/ отмечает в этой связи, что подобное явление наблюдается и при отвлеченных именах. Когда они имеют обобщенное значение, замечается у них - в отличие от конкретных имен - безразличное отношение к падежу объекта: *Человек никогда не теряет надежду/надежды*.

НАЛИЧИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

группа Ia

Uglitsky 1956, 383: "The accusative with negative verbs is most frequently qualified by an adjective or a pronoun";

Дерибас 1956, 25: часто вин. падеж, "когда дополнение распространяется несколькими определениями";

Кулагин 1959, 104: "в случае наличия большого количества определений при прямом дополнении последнее, из стилистических соображений, ... обычно употребляется в вин. падеже";

Fleckenstein 1961, 217: "Die Bestimmtheit des Objekts wird sehr sichtbar, wenn vor das Objekt ein Pronomen (Demonstrativ- oder Possessiv-) tritt. In solchen Fällen tritt dann auch, wie zu erwarten, fast ausschliesslich der Akkusativ auf ... Wenn das Objekt durch mehrere Attributen oder andere Satzteile vom Verb getrennt ist, wird der Akkusativ bevorzugt";

Солоницын 1962, 113: у дополнения несколько определений – преобладает вин. падеж;

Равич 1971, 264: наличие в группе зависимых от дополнения более трех последовательно связанных словоформ в род. падеже⁸⁷, наличие придаточного с союзным словом *который* – формально предпочтительная постановка вин. падежа (χ^2 не определяет абсолютные значения вероятности появления координат, Он не прочитал статью, которую отложили для него друзья);

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109–126: существительное с определением – вин. падеж 35,0% (n = 307) (ср. 33,9% в среднем);

группа II

Розенталь 1971, 259: несколько определений – обычно вин. падеж;

Грамматика 1980 II, 417: "Употребление вин. падежа часто связано с определенностью и конкретностью объекта. Поэтому вин. падеж предпочтается ... при наличии в предложении местоимений, указывающих на определенность объекта ... Определен-

⁸⁷ Этот же фактор рассматривается с другой точки зрения ниже (с. 107–108).

ность объекта может выражаться придаточным предложением с союзным словом *который*;

группа III

Tsurikov 1967, 180: "The direct object modified by an adjective, especially by a demonstrative or possessive adjective, becomes more concrete and is found in the accusative case"; Timberlake 1975, 126: "A noun which is modified by an adjective, pronominal or possessive adjective, genitive, or prepositional phrase is characterized more explicitly, and is more individuated, than a noun which is not modified; nouns with modifiers are typically, although not necessarily, definite. A noun with modifier is less likely to be in the genitive":

Я газет не читаю, а узнаю новости по телевизору.

Я долговые статьи не читаю.

Те или иные определения (серия прилагательных, указательные или притяжательные местоимения) перед дополнением, так же, как и конструкции с род. падежом или союзным словом *который* после дополнения, безусловно, делают его значение более конкретным и детерминированным и дают, таким образом, меньшие возможностей для обобщенного употребления. Однако, сравнение двух примеров, взятых из Грамматики 1980, наглядно показывает трудность изучения этого фактора: с одной стороны, наличие местоимения увеличивает определенность дополнения и тем самым оправдывает употребление вин. падежа (Эту песню не задушишь, не убьешь.), но, с другой стороны, в этих же конструкциях наблюдается свободная вариация вин. и род. падежей (Она не купила этот журнал/этого журнала.). Может быть, наличие перед дополнением уточняющего определения, на самом деле, дает большие свободы для выбора падежа: на определенность или детерминированность дополнения уже не надо указывать падежной формой, поскольку она уже выражается точно и однозначно.

При обсуждении вопроса о влиянии цепи определений перед дополнением на выбор его падежа нужно иметь в виду, помимо детерминированности дополнения, и другое обстоятельство, а именно: формальное расстояние между дополнением и отрицательной частицей. Может быть, отдаленность выражения отрицания от объекта

действия каким-то (конечно, не решающим) образом оказывается на выборе падежа.

При взвешивании влияния настоящего фактора на выбор падежа необходимо учитывать еще один момент. Дело не в том, что наличие определений при существительном не гарантирует конкретность и детерминированность и, напротив, существительное без определения может оказаться весьма определенным. Ср., например, парно следующие примеры:

*Я сегодня не видел Наташу.
Я раньше не видел черной коровы.
Я еще не читал письмо.
Я уже не читал твоих писем.*

ПОРЯДОК СЛОВ (инверсия, топикализация дополнения)

*Шелест платья ее я уже, наконец, не могу выносить.
Я фильм не смотрел.
В жизни я этого продукта не употреблял.*

группа Ia

Magner 1955, 535: фактор, обусловливающий употребление вин. падежа в устной речи;

Uglitsky 1956, 383: "the accusative with negative verb ... is also often connected with inversion";

Дерибас 1956, 25: "если прямое дополнение стоит перед глаголом с отрицанием, тогда вин. падеж предпочтается";

Кулагин 1959, 103: "влияние порядка слов на форму выражения прямого дополнения очень незначительно";

Fleckenstein 1961, 218: "wenn das Objekt vor dem verneinten Verb steht, ist der Akkusativ häufiger";

Попова 1973, 69: положение существительного перед глаголом способствует постановке вин. падежа;

Граудина и др. 1976, 36: "употреблению вин. падежа способствует препозиция зависимого существительного";

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: инверсия - вин. 38,8% (n = 201) (ср.

33,9% в среднем);

Restan 1960, 99: дополнение до сказуемого - вин. 35,2% (n = 603);
дополнение за сказуемым - вин. 40,5% (n = 2173);

Green 1979, 179: инверсия - вин. 46,3% (n = 67) (ср. 29,1% в
среднем);

Xака 1981, 82-84, 103: инверсия - вин. 41,1% (n = 280) (ср. 38,2%
в среднем; разница не существенна);

группа II

Листвинов 1965, 192: "Постановку вин. падежа ... можно рекомендовать ... при инверсионном порядке слов";

Розенталь 1971, 299: вин. падеж - нередко при инверсии дополнения;

группа III

Tsurikov 1967, 183: "One of the most important features is the inverted word-order. But this syntactic feature still remains an auxiliary one and might be decisive in complex 'borderline' cases";

Timberlake 1975, 126: "An object which is topicalized and expressed in sentence-initial position is contextually and syntactically individuated. It is less likely to occur in the genitive than an object which is in normal object position":

*Я не вижу никакую женщину.
Я не вижу никакой женщины.

?Никакую женщину я не вижу!
Никакой женщины я не вижу!

Необходимо сразу отметить, что инверсионный порядок слов - вопреки мнению большинства исследователей - не играет при выборе падежа дополнения почти никакой роли. Статистические данные, основывающиеся на достаточно большом количестве примеров, подтверждают наблюдение А.Ф. Кулагина: значение этого фактора "очень незначительно". Тем не менее любопытно посмотреть, как разные лингвисты объясняют "влияние" порядка слов на выбор падежа. Здесь можно различить две "школы".

Проиллюстрируем взгляд на этот вопрос одной из "школ" следующей цитатой /Пешковский 1938,278/: "Хотя в памятниках употребляется при отрицании исключительно родительный, однако со- мнительно, чтобы живой язык мог провести когда-либо такое ис- ключительное употребление: ведь при постановке существительно- го перед глаголом говорящий может не держать еще в уме при произнесении существительного глагола с отрицанием, и тогда падеж неизбежно будет винительный". Эта точка зрения получила потом и поддержку /Magner 1955,536; Листвинов 1965,192; Попова 1973,69; Папп 1977,479/ и критику /Korn 1967,496; Timberlake 1975,126/. Такая интерпретация оправдывается, на наш взгляд, крайне редко. Если сравнить этот случай с такими, в которых глагол требует определенного падежа (*бояться чего?, мешать чему?, интересоваться чем?*), то станет очевидным, что говорящий должен обычно, порождая начало высказывания, предвидеть, какой глагол будет употреблен. Правда, небольшое различие между этими случаями можно заметить. Как известно, в спонтанной устной речи иногда получается так, что говорящий начинает высказывание с одной структуры, а кончает его другой, т.е. возникает анаколуф внутри простого предложения. В том случае, если начало и конец предложения никак не совместимы, говорящий должен начать свою реплику снова, например: Этот метод... этим методом я заинтересовался недавно. При наличии вариантов языковых средств мы, как правило, можем не начинать высказывание снова, если употребленная форма (хотя, может быть, не самая удачная) не совсем неправильная, например: Этот метод ... мы раньше не применяли. Напомним, однако, что примеры, которыми в литературе "доказывают" предпочтение вин. падежа при инверсионном порядке слов, не представляют настолько разговорную спонтанную речь, чтобы упомянутый момент мог каким-то образом воздействовать.

Другое объяснение для "предпочтения" вин. падежа при инверсии исследователи ищут в детерминированности дополнения и логическом ударении на нем /Tsurikov 1967,148; см. также гл. 1.3/. Рассмотрим с этой точки зрения разные ответные реплики на вопрос *Ты купил шляпу?:*

Никакой шляпы я не купил.

Шляпу я не купил, а ...

Я не купил шляпу, а ...

Оказывается, что 1/ предглагольная позиция дополнения, его "тематизация", не обязательно означает, что оно детерминировано; 2/ логическое ударение может падать на дополнение как при инверсионном, так и при обычном порядке слов. Следовательно, связать инверсию прямо с этими моментами нельзя.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА -A

(ср. Имена собственные и одушевленные, Абстрактные/конкретные имена)

... 10 руб. суточных, не считая квартиру и продовольствия.

... своей новой квартиры в многоэтажном здании не украшали можжевеловыми ветками.

группа Ia

Magner 1955, 535: фактор, обусловливающий употребление вин. падежа в устной речи;

Davison 1967, 62: фактор, подсказывающий в определенных случаях употребление вин. падежа;

группа Ib

Restan 1960, 95: существительные на -а в ед. числе - вин. 47,6% (n = 418); другие слова в ед. числе - вин. 24,9% (n = 963);

Korn 1967, 492-493: доли вин. падежа у слов разных родов в ед. числе: мужской ~ 20,3%, женский - 63,0%, средний ~ 29,2%⁸⁸;

88

В своих рассуждениях по этому поводу Д. Корн /Korn 1967, 291-292/ приходит к учету ударения существительных. При этом игнорирование некоторых фактов русской акцентологии вызывает неправильные выводы. У слов женского рода переход ударения с основы в род. падеже ед. числа на окончание в им. падеже мн. числа совершенно невозможен, в то время как широко распространен тот же сдвиг с окончанием на основу. У слов среднего рода наблюдается (в основном у слов с односложной основой) тот и другой переход ударения /см. более подробно: Мустайки 1980, 222-223/.

Green 1979, 180–183: доли вин. падежа у слов разных родов в ед. числе: мужской – 36% (n = 72), женский – 35% (n = 75), средний – 16% (n = 51);

Хака 1981, 62–65, 103: слова на *-a* в ед. числе – вин. 56,1% (n = 223) (ср. 38,2% в среднем, разница очень существенна);

группа III

Tsurikov 1967, 176: "The argument that the feminine grammatical gender is a decisive feature for the choice of case or that nouns ending in *-a* or *-ja* are more often found in the accusative rather than in the genitive case, is based either on incorrect formulation or misconception";

Timberlake 1975, 131: "Among the different types of paradigms, second-declension singular nouns are less likely than other singular declensional types ... to take the genitive of negation": Я газету не выписываю.

Я журнала не выписываю.

Изучение влияния этого фактора имеет давние традиции. Известная статья А.И. Томсона /1903/, которая послужила примером для всех последующих, начинается как раз с его рассмотрения. Томсон ссылается на наблюдение Э. Бернекера /1904, 386/, который незадолго до этого написал: "Das Objekt im negierten Satz steht noch heute im Russischen, wie seit Urzeiten, im Genitiv. Doch begegnen hin und wieder Ausnahmen; ungemein selten im Maskulin ... aber sehr viel häufiger beim Feminin"⁸⁹. Томсон /1903, 193/ не принимает взгляд Бернекера, а констатирует, что "нельзя согласиться с тем, чтобы употребление такого вин. падежа находилось в зависимости от того или другого склонения"⁹⁰. Причину неправильных выводов по этому вопросу Томсон

⁸⁹ Объяснение Э. Бернекера /Berneker 1904, 386/ для пристрастия слов на *-a* к вин. падежу любопытно, но вряд ли верно. Он исходит из выражений типа Я видел мужа и жену, мальчика и девочку, под влиянием которых при отрицании сохраняется вин. падеж: Я не видел ни мужа, ни жену. Отсюда такое употребление формы вин. падежа могло распространиться и на слова, обозначающие неодушевленные предметы: Я не одобрял этую статью.

⁹⁰ Несколько позже /1903, 194/ Томсон выражает свое мнение о морфологической аналогии вообще: "Я думаю, что и в данном случае как во многих других, объяснение посредством морфологической аналогии есть лишь временное *ultimum refugium*, которое при ближайшем рассмотрении должно уступить свое место другому объяснению".

видит в наличии большого количества одушевленных существительных среди слов на -а.

Как показывает обзор литературы, многие современные исследователи все еще убеждены в значении этого фактора. Статистические данные не могут здесь быть надежными показателями, поскольку одушевленные имена, как правило, не исключены из числа слов на -а (их ведь нет в числе слов мужского морфологического рода). Нам кажется, что мы должны пока удовлетвориться только гипотезой о влиянии этого фактора; она, возможно, правильна, но не верифицирована.

В качестве причины того, что слова на -а образуют здесь, как можно полагать, специальную группу слов, нередко выдвигают необходимость избежать омоформ /Дерибас 1956, 23; Равич 1971, 262/ (ср. с. 108-111 этой работы). Действительно, совершенно логично предположить, что совпадение формы род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа у этих слов (*комнаты*) толкает говорящего, стремящегося к однозначности высказывания, к употреблению вин. падежа. Однако, против такого объяснения можно привести ряд аргументов /ср. Timberlake 1975, 131/. Во-первых, омоформы встречаются не только у слов на -а (ср. *кресла*, *здания*; *двери*). Во-вторых, в речи существительные нередко появляются вместе с прилагательными, показывающими употребляемый падеж (ср. *интересной книги*, *интересные книги*). В-третьих, существительные на -а с различным ударением (*руки* - *руки*) склонны стоять в ед. числе в вин. падеже, как и те слова, у которых и ударения совпадают.

Поскольку А. Тимберлейк, однако, убежден в том, что словам на -а более свойственно употребление в вин. падеже при отрицании, чем словам других категорий (см. выше), он вынужден искать другие причины этому явлению. Он /Timberlake 1975, 131/ отмечает, что у слов на -а парадигма ед. числа различает формы всех трех, им., род. и вин., падежей, в то время как у других слов формы вин. падежа совпадают или с формами им., или с формами род. падежа. "For this reason, second-declension nouns are

more explicitly characterized as a morphological system and are therefore less appropriate than the other declensions as a context for the genitive of negation"⁹¹. По нашему мнению, при рассмотрении этого вопроса следовало бы принять во внимание также порядок слов. Возможно, что в случае инверсии при употреблении слов мужского и среднего морфологического рода появляется стремление с помощью формы род. падежа сразу показать, что данный член предложения является дополнением, а не подлежащим⁹². Вообще, если интерпретация Тимберлейка верна, то это же явление должно было бы иметь место и при выборе падежа дополнения в утвердительных предложениях при глаголах группы *ждать*.

ЧИСЛО

Они разлучились и не вынесли разлуки.

Знаете, Валя, я этот день никогда не забуду ...

Но таких больших потерь зерна при его перевозке еще не видел ...

Все это можно было бы посчитать веселой лесной сказкой, если бы работники комитета народного контроля СССР не вскрывали упомянутые здесь факты.

группа Ia

Буторин 1953,8: падеж не зависит от числа объекта;
 Magner 1955,536: "plural nouns do appear in the accusative case in this construction but relatively seldom as compared with singular nouns";

⁹¹ А. Тимберлейк /Timberlake 1975,132/ стремится увидеть здесь более универсальную тенденцию: "This distinction between nominative and accusative forms is then a morphological analogue to the semantic parameter of individuation; the more explicitly a noun is characterized - either on the semantic or morphological level - the less appropriate it is as a context for the genitive of negation".

⁹² Й. Карлссон /Karlsson 1977/ приводит примеры, в которых при инверсионном порядке слов дополнение ставится в финском языке в партитиве вопреки общим правилам употребления этого падежа. Он объясняет их так: говорящий хочет партитивом сразу показать, что первый член предложения - дополнение.

Солоницын 1962, 104-105: ед. число - вин. 37%, мн. число - 23%;
 только род. падеж, если ед. число употребляется в значении
 мн. числа (*Никто не запомнил в селе такого хоровода*);
 Fleckenstein 1961, 217: "Abschliesslich sei für den Gebrauch
 des Genetivs noch darauf hinweisen, dass im Plural der Ge-
 netiv gern, wenn nicht sogar bevorzugt benutzt wird";

группа Ib

Restan 1960, 97: ед. число - вин. 32,4% (n = 1381); мн. число -
 вин. 29,9% (n = 489);
 Korn 1967, 494: мн. число - вин. 29,3% (ед. число ?);
 Green 1979, 161: ед. число - вин. 30% (n = 198); мн. число -
 вин. 25% (n = 84);
 Хака 1981, 60-62, 103: ед. число - вин. 38,8% (n = 837); мн.
 число - вин. 39,7% (n = 340) (разница не существенна);

группа III

Tsurikov 1967, 177: "Many linguists claim that nouns in the plu-
 ral are found more often in the genitive case than in the
 accusative case. This seems, again, to be based on a wrong
 formulation of the problem ...";
 Timberlake 1975, 125: "A plural participant is less individuated
 than a singular participant and therefore tends to be used
 in the genitive more often":

Я не нашел цветы.
 Я не нашел цветов.
 Я не нашел цветок.
 ?Я не нашел цветка.

Число упоминается как фактор, влияющий на выбор падежа, уже
 А.И. Томсоном /1903, 221-222/. Говоря об употреблении вин. па-
 дежа, он отмечает, что прямое дополнение тогда "почти всегда в
 ед. числе. Причина этому кроется не столько в том, что во мн.
 числе названия одушевленных существ имеют во всех склонениях
 в вин. падеже окончания род. падежа, так что по форме объекта
 нельзя отличать предложений четвертого вида от таковых пятого
 вида, как особенно в том, что обыкновенно действие не представ-
 ляется в достаточной степени конкретным, как скоро оно пере-

ходит на многие, хотя и конкретные объекты, обозначаемые мн. числом прямого дополнения". Наблюдение Томсона кажется верным, ср. Он спортивных игр не любит, Он футбол не любит. Однако, статистические данные не соответствуют нашим ожиданиям, ибо они или не показывают никакой разницы, или только очень незначительную. Очевидно, несовпадение форм ед. и мн. чисел в отношении употребления падежей при отрицании касается только какого-то специального их значения, а в других разницы нет⁹³.

МЕСТОИМЕНИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Этого сделать они не могут.
Это никогда не учтешь.

Не подобает честным революционерам обходить молчанием того, что ...
... не отрицают они и то, что ...

Другой гражданин писать знает, а прочесть, чего написал, не может.
... самое главное, что не выразить никакими цифрами.
... внимание, которого я не заслужил.
... ответил С. с той спокойной логикой, которую в нем особенно не любил вечно спешивший Б.

группа Ia

Буторин 1953, 9, 13: это, то, все, что - и род. и вин. падеж; который - чаще вин. падеж; какой - чаще род. падеж; ничто - только род. падеж;

Uglitsky 1956, 383, 386-387: это - admits the accusative form only as an exception for special emphasis; то - rare instances in the accusative; все - rarer still in the accusative; который - in comparison with other pronouns frequently in the accusative case; что - usually takes the form of the geni-

⁹³ Финский язык дает нам в этом случае следующую параллель: в ед. числе употребление партитива при некоторых глаголах, когда дополнением является имя конкретное, придает предложению значение процесса:

Ostimme kirjaa ... (Когда) мы покупали книгу ...

Во мн. числе партитив возможен и без этого значения; тогда дополнение понимается как неопределенное, ср.

Ostimme kirjoja. (парт.) Мы купили (некоторые) книги.

Ostimme kirjat. (не парт.) Мы купили (те) книги.

tive; что-нибудь – either of the two cases (when the speaker has something comparatively definite in his mind in using this word, he resorts to the accusative form);

Кулагин 1959, 94: местоимение – большей частью род. падеж;

Коут 1960, 29: это, то, какой, который, такой, что, все – употребление род. падежа является почти нормой;

Солоницын 1962, 114–115: это, то, такое – в подавляющем большинстве случаев род. падеж; все, который – часто встречаются и в вин. падеже, "особенно в тех случаях, когда они обозначают конкретные предметы";

Равич 1971, 263: ничто – формально обязательная постановка род. падежа (если, однако, "синтаксически связано со сравнительным оборотом так ... как, возможен вин. падеж: Ничто я не люблю так сильно, как ...")

Davison 1967, 44–45, 62: это – фактор, подсказывающий употребление род. падежа;

Граудина и др. 1976, 35: "обычно в род. падеже стоят местоименные слова";

группа Ib

Restan 1960, 102–103: это – вин. 9% (n = 85); то – 15% (n = 27); что 23% (n = 31); который – 52% (n = 21) (ср. весь материал 31%);

Green 1979, 173: это – в пяти из 12 примеров вин.; то – в одном из четырех вин.; все – один в вин.; что – ни в одном из семи нет вин.; который – в шести из восьми вин. падеж;

группа III

Tsurikov 1967, 178–179: который – "mostly in the accusative case"; что – the accusative "when referring to the antecedent *to*", the genitive in other instances; что-то, что-нибудь – "are found in the accusative case when the function expresses definiteness"; *том* – mostly the accusative; это – mostly in the genitive "except in sentences with double verb"; такой – is found in the accusative case;

Выражение дополнения местоимением нельзя считать одним общим фактором при выборе падежа, а необходимо рассматривать, во-

первых, атрибутивные местоимения (см. Наличие определений, с. 92–94) и местоимения-существительные отдельно. Во-вторых, монолитности в этом отношении не находим и внутри второй категории (см. статистические данные выше). Изучение связи между употребляемым местоимением и выбором падежа требует, таким образом, учета специфики каждого местоимения.

Употребление некоторых местоимений в отрицательных предложениях вызывает ряд вопросов. Сравним предложения:

Этого я не знаю.

Эту песню я не знаю.

Оба высказывания могут служить ответной репликой на один и тот же вопрос *О чём он поет?* и с содержательной точки зрения значения предложений фактически совпадают, но тем не менее в одном из них предпочтается род. падеж, а в другом – винительный. Имеет ли местоимение-существительное *это* в этих случаях настолько обобщенное значение, что употребление род. падежа становится "оправданным", или речь идет о причине чисто морфологической: краткость и форма местоимения вызывает склонность к употреблению род. падежа? Этот вопрос еще ждет ответа⁹⁴. Любопытно также вообще отметить употребление указательных местоимений в род. падеже, хотя они по своему назначению как раз индивидуализируют рассматриваемый предмет.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Последнего нельзя сказать про большинство исполнителей.
... против лиц, не исполняющих вышеизложенное.

группа Ia

Uglitsky 1956, 387: substantivised abstract adjectives of neuter gender take the genitive form (*Стараясь не замечать окорби-*

⁹⁴ A. Цуриков /Tsurikov 1967, 81/ объясняет появление местоимения *это* в род. падеже в отличие от других местоимений следующим образом: "The neuter pronoun *это* is more an indefinite pronoun than a demonstrative pronoun ... *Это* usually refers to an abstract noun like *положение, дело, мнение*".

тельного, но: *Почему же вы не можете повторить только что подчеркнутое в действительности*); postpositive feminine adjectives qualifying a personal pronoun admit the use of the accusative (*Не целуй меня, усталую*; также со словом *один*: Я вас ... одну такую не отпущу);

Дончева 1964, 98: субстантивированные прилагательные среднего рода – чаще всего род. падеж;

Равич 1971 см. Имена собственные, одушевленные;

группа Ib

Safarewiczowa 1960, 109-126: прилагательное – вин. 13,3% (n = 17); числительное – в четырех случаях из пяти вин. падеж;

Restan 1960, 103: субстантивированные абстрактные прилагательные среднего рода – вин. 13% (n = 24) (ср. 31% в среднем).

Отметим в данной связи интересное сходство с местоимением это: доля употребления вин. падежа приблизительно одна и та же, формально окончания совпадают. Г. Корбетт /Corbett 1979, 9-10/ обращает внимание, рассматривая эти случаи (а также местоимение то), не на одинаковость форм, а на то, что предпочтительное употребление род. падежа намекает на связь с именами отвлеченными.

4. Факторы, связанные со стилевыми и коммуникативными потребностями

СТИЛЬ (в широком смысле: вид и жанр текста, ситуация общения)

группа Ia

Uglitsky 1956, 378: "Among Soviet writers we see a definite tendency to use the accusative with negative verbs. The same can be said of the scientific and publicistic writing of our time. In newspapers however the use of the accusative with negative verbs is exceptional";

Коут 1960, 32: "Вин. падеж больше употребляется в народном⁹⁵ и разговорном языке (и вообще в устной речи)";

группа Ib

Restan 1960, 105: повествовательная проза - вин. 28,1% (n = 588); диалоги - вин. 36,4% (n = 520); газеты - вин. 21,7% (n = 507) (1918-1923 годы), 38,3% (n = 504) (1959 год);

Green 1979, 169: письменный материал - вин. 20,7% (n = 184); устный материал - вин. 41,8% (n = 122);

Хака 1981, 23-29, 102: публицистический стиль - 39,1% (n = 489); научно-популярный - 40,4% (n = 470); разговорный стиль художественной литературы - 33,9% (n = 348);

группа II

Розенталь 1971, 250-251: конструкции с род. падежом характерны для книжной речи, конструкции с вин. падежом - для речи разговорной;

группа III

Tsurikov 1967, 185: "On many occasions during our personal interviews when the informants chose the sentence with the direct object in the accusative case, they commented on the other choice as being possibly an older, bookish or even pedantic form";

Timberlake 1975, 132: "The genitive ... is stylistically relatively more formal (in the range from neutral to formal to oldfashioned to archaic) than the accusative (in the range from substandard to colloquial to neutral)";

Исследователи единогласно отмечают, что вин. падеж более употребителен в разговорной речи, чем в книжных стилях. Это касается как современного состояния русского языка, так и его прошлого (см. с. 11). Данные о выборе падежа дополнения при отрицании в разных жанрах письменного книжного языка не дают возможности сделать выводы о тех или иных различиях между ними.

⁹⁵ Об употреблении вин. падежа при отрицании в диалектах см.: Собинникова 1955; ср. также: Лавровский 1852, 102; и нашу сноска 11.

ИДИОЛЕКТ⁹⁶

(ср. с. 15)

Safarewiczowa 1960, 109-123: доля вин. падежа

Ажаев	37%	(n = 445)
Рыбаков	35%	(n = 129)
Николаева	27%	(n = 160)

Restan 1960, 105:

	повествование	диалоги	вместе	взятые
	n	n	n	n
Эренбург	18% (57)	21% (68)	19% (125)	
Шолохов	11% (38)	67% (12)	24% (50)	
Катаев	18% (96)	36% (112)	27% (208)	
А. Толстой	25% (20)	29% (28)	27% (48)	
Симонов	25% (121)	33% (86)	28% (207)	
Л. Леонов		30% (87)	30% (87)	
Горький	24% (50)	63% (24)	36% (74)	
Зощенко	31% (71)	53% (49)	40% (120)	
Корнейчук		40% (25)	40% (25)	
Паустовский	48% (135)	48% (29)	48% (164)	

Хака 1981, 28, 102:

Арбузов	39,9%	(n = 188)
Зорин	26,9%	(n = 160)

Сопоставление языка разных писателей дает следующие результаты: во-первых, склонность к употреблению вин. падежа сильно варьирует, во-вторых, у одного и того же писателя доля случаев употребления вин. падежа может быть в диалогической речи иной, чем в повествовании /ср. также: Рихтер 1937, 54-55; Дончева 1962в, 27/.

СТИЛЬ (в узком смысле: контекстуальные моменты)

(ср. Те или иные определения)

группа Ia

Uglitsky 1956, 385: "Sometimes the use of the accusative and of

⁹⁶ Индивидуальные различия в языке разных авторов отмечаются уже в старославянских текстах /Večerka 1958, 123/. Вообще при сравнении языка двух или более авторов следует запомнить слова А. Цурикова /Tsurikov 1967, 175/: "A comparison between two writers, based only on one work of each writer, leads to questionable conclusions because of the different topic and content of each story ... A comparison of two more different works of the same two writers could eventually show considerable different results".

the genitive respectively is dictated by the purely formal demands of style: one or other is employed to avoid tedious repetition of grammatical forms used in compliance in the exigencies of the rhythm and syntax";

Дерибас 1956, 25: "Если в предложении скапляется несколько род. падежей, хотя и разных по значению, то род. падеж при переходном глаголе с отрицанием часто заменяется вин. падежом, так как нагромождение род. падежей затрудняло бы восприятие смысла предложения";

Кулагин 1959, 104: если рядом с прямым дополнением имеется еще какое-нибудь существительное в род. падеже, то дополнение обычно ставится в форме вин. падежа (тем самым мы избегаем неблагозвучия и затруднения в восприятии смысла предложения *И здесь, чтобы не задевать честь дами, дарившей его своим вниманием, он ...*); вин. падеж употребляется также, если род. падеж оказывается сходным по звучанию с твор. падежом слов, стоящих рядом с дополнением (*Ее любовь к сыну была подобна безумию, смешала, пугала меня своей силой, которую я не могу назвать иначе, как яростной силой*).

Изучение влияния подобных стилистических моментов на выбор падежа весьма затруднительно. Подходящие для исследования случаи встречаются в речи довольно редко, и обычно выбор падежа можно объяснить и другими факторами без обращения к стилистике (см. два последних примера Кулагина). О том, как такие вопросы можно изучать, речь будет идти ниже.

ИЗБЕЖАНИЕ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ (омоформы)

Сводку не слышали?

Я однажды ... решетку не оторвал с окна ...

группа Ia

Дерибас 1956, 23: "Чтобы избежать совпадения одинаково звучащих, но разных по значению падежных форм, при переходном глаголе с отрицанием вместо род. падежа может употребляться вин. падеж";

Кулагин 1959, 89-90, 92, 103-104: вин. падеж вместо родительного нередко объясняется необходимостью избежать грамматической омонимии (*Помогать надо людям крепким, здоровым, чтобы они зря силу не тратили*); чтобы избежать грамматической омонимии иногда (хотя и значительно реже) приходится употреблять, наоборот, родительный вместо винительного (*Старуха что-то шамкала, топчась возле меня, но я не слышал ее приветствий*);

Уткин 1963, 79: почти исключается род. падеж в словосочетаниях, где без винительного возникает нежелательная омонимия форм (*Не купил книгу*);

Равич 1971, 262: существительные (в ед. числе), имеющие омонимичные формы род. падежа ед. числа и им.-вин. падежа мн. числа – нормально обязательная постановка вин. падежа (*Я не читал газету, но: Я не читают газеты*).

группа III

Tsurikov 1967, 185: "An attempt to avoid homonymy might be an important factor for the choice of either of the two cases"; Timberlake 1975, 131: "There are ... several facts which show that this special behavior is not based on a desire to avoid ambiguity" (см. Слова на -*a*).

T. Магнер /Magnier 1955, 539/ исследовал случаи с омоформами несколько иначе, показывая носителям языка двусмысленные предложения *Ты бумаги не принес?*, *Он песни не поет* и спрашивая, как они их понимают. Оказалось, что по-разному. Анализируя этот результат, а также мнения, изложенные выше, мы должны иметь в виду следующие моменты:

1. формы типа *комнаты* легко заменяются вин. падежом, возможно, не в связи с необходимостью избежания двусмысленности, а в силу специфики слов на -*a* (ср. с. 97-100);
2. то, что часто говорят *Я не читаю газету*, но: *Я не читают газет*, может вызываться и тем, что во мн. числе в таких случаях дополнение "разделимо", а в ед. числе – нет (ср. с. 101-102);
3. с точки зрения правильности передачи информации между собеседниками при употреблении формы, имеющей две функции в параллгме слова, иногда вообще не существует опасности: например,

у А.Ф. Кулагина двусмысленная форма *силы* не вызывает затруднения или недоразумения⁹⁷, поскольку фактически безразлично, понимается она как ед. или мн. число.

Мы не хотим сказать, что не существует случаев, когда форма того или иного падежа выбирается прежде всего для того, чтобы избежать омоформенности, но доказать это можно только после тщательных исследований. Система склонения русских существительных представляет для изучения этого фактора нужные альтернативы. В склонении существительных можно при этом выделить следующие группы:

1. существительные, относящиеся к словам на *-а* и имеющие омонимические формы;
2. существительные, имеющие омонимические формы, но не относящиеся к словам на *-а* (слова среднего морфологического рода);
3. существительные, не имеющие омонимических форм и не относящиеся к словам на *-а* (слова женского рода на *-ь* и слова мужского морфологического рода).

Изучив достаточно большой материал, можно, по крайней мере в теории, прийти к заключениям согласно следующей шкале (X_1 = результаты, касающиеся случаев типа 1, и т.д.):

если $X_1 = X_2 = X_3$, то ни фактор "*-а*", ни фактор "омоформы" недействительны;

если $X_1 = X_2 \neq X_3$, то фактор "*-а*" недействителен, но фактор "омоформы" действителен;

если $X_1 \neq X_2 = X_3$, то фактор "*-а*" действителен, но фактор "омоформы" недействителен;

если $X_1 \neq X_2 \neq X_3$, то и фактор "*-а*", и фактор "омоформы" действительны.

⁹⁷ Здесь же находим конкретную иллюстрацию: *В примере Кулагина двусмысленная форма не вызывала бы затруднения или недоразумения*. Спрашивается: 1/ можем ли мы понять предложение двояко? 2/ если да, имеет ли какое-то значение с содержательной точки зрения то, как мы предложение толкуем? 3/ когда автор текста пишет такую фразу, обращает ли он внимание на наличие двух значений у определенных форм? 4/ играет ли здесь какую-либо роль тот факт, как предложение порождается, письменно или устно?

Заключения основываются на том предположении, что между названными группами существительных нет других различий, которые могли бы оказывать влияние на выбор падежа.

1.3. Попытки объяснить выбор падежа при отрицании воздействием одного универсального фактора

В работах А.И. Томсона мы отметили определенное стремление изыскать общие, постоянно действующие законы, определяющие выбор падежа в отрицательных предложениях. Такую попытку нельзя считать ненужной или нецелесообразной; согласно общим правилам научных исследований, универсальные объяснения, покрывающие максимальное число описываемых случаев того или иного явления, ценнее, чем те, которые касаются только отдельных, единичных случаев. Мы, наверное, не ошибаемся, утверждая, что лингвистика входит в число тех наук, которые ставят перед собой задачу выявить все более универсальные закономерности в объекте исследования – в языке. Рассмотрим коротко основные работы, авторы которых пытались дать универсальное объяснение употреблению вин. и род. падежей в отрицательных предложениях.

Упорнее всех на универсальности обнаруженного фактора настаивает В. Морисон /Morison 1964/⁹⁸. "What is asserted here is

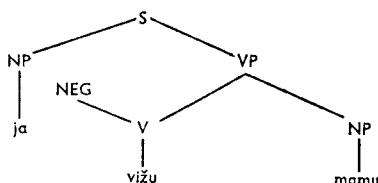
⁹⁸

В. Морисон /1964, 292/ претендует на "свежесть" своих взглядов: "The ideas presented here have not, so far as the present writer is aware, been set out elsewhere ..., so that to this extent they are 'original' ". Такое предположение явная ошибка. Начиная с А.И. Томсона /1903, 202/, многие лингвисты /Magner 1955, 583; Финкель, Баженов 1960, 487; Restan 1960, 110-111; Уткин 1963, 85; и др./ обращали внимание на связь логического ударения и выбора формы дополнения при отрицании. Любопытно отметить, что автор совершенно убежден в объяснительной силе этого фактора /Morison 1964, 296/: "It must now be admitted that, while something like 99 out of every hundred, or even 999 out of every thousand, examples are immediately explicable in the way set out above, every now and then there occurs one which requires further consideration". Отклонения от этого правила Морисон объясняет, между прочим, тем, что "русские иногда могут допускать ошибки".

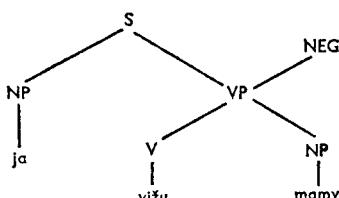
that all the instances in their classification easily fall under the same all-embracing 'rule'"⁹⁹. Это правило основывается на месте логического ударения. Морисон иллюстрирует его следующим примером. Английское предложение *I did not see Maša* имеет два значения, которые появляются в русских переводах: *I did not see Maša* (хотя, может быть, видел Наташу) = Я не видел *Mashi*; *I did not see Maša* (хотя, пожалуй, слышал, как она взбежала по лестнице) = Я не видел *Mashu*. Далее автор приводит некоторые другие примеры в поддержку этого взгляда. Трактовка Морисона принята и дополнена Д. Вардом /Ward 1965, 211–220/; ее достоинства и недостатки хорошо выявлены Р. Дэвисоном /Davisson 1967, 35–42; ср. также: Beresford 1968, 27, 30; Gundel 1974, 271–272/.

Р.Д. Кайл /Keil 1971/ считает решающим фактором при выборе падежа дополнения сферу действия отрицания. Если отрицается и действие, выражаемое глаголом, и объект действия, употребляется род. падеж, а если отрицается только действие, а объект понимается как наличествующий, употребляется вин. падеж. Особен-но явно точка зрения говорящего на наличие объекта проявляется в таких парах предложений: *Ты не слышишь мой голос : Я не слышу твоего голоса*. В других же случаях говорящий показывает выбо-

⁹⁹ Т. Петтерсон /Pettersson 1972, 112/ толкует трактовку Кайла следующим образом: структура предложения *Я не вижу маму* такова



а предложение *Я не вижу мамы* можно изобразить так:



ром падежа свое отношение к объекту действия: Я не хочу писать стихи : Я не хочу писать стихов.

Г. Шаллер /Schaller 1978a, 155-158; ср. также: Schaller 1978b/ дает в своей весьма содержательной монографии, между прочим, обобщающее описание действующих факторов, напоминающее трактовку Кайла, но в то же время и уточняющее ее. Описание Шаллера строится на следующих критериях:

1/ наличествует ли денотат, выражаемый дополнением, для субъекта действия объективно, субъективно или никак, 2/ наличествует ли денотат, выражаемый дополнением, для говорящего объективно, субъективно или никак, 3/ в какой мере дополнение детерминировано и определено. Комбинируя эти критерии, Шаллер получил десять случаев, в трех из которых встречается вин. падеж, а в остальных - родительный¹⁰⁰.

Следующие две работы представляют попытку использовать актуальное членение при изучении выбора падежа. А. Фукс /Fuchs 1973, 83-85/ констатирует, что род. падеж дополнения "интегрирует" члены (негация + глагол + дополнение) в одно целое, презентующее "новую единицу информации". Если же только часть этой конструкции создает "новое" в предложении, а остальная часть "данное", употребляется вин. падеж.

И.В. Толстой /1978/ строит свое описание на пяти типах предложений: общениформативные, частноинформационные, общеверификативные, частноверификативные и контрастно-утвердительные.

"Вин. падеж дополнения используется обычно в общеверификативных и контрастно-утвердительных высказываниях. Объект, как и субъект действия, образует тему высказывания, а само действие всегда является в данных актуально-сintаксических типах высказывания ремой".

¹⁰⁰ В трех случаях, в которых дополнение стоит в вин. падеже, денотат дополнения является для субъекта "объективно или субъективно экзистирующим и детерминированным". В отличие от этого в предложениях с дополнением в род. падеже денотат дополнения является для субъекта предложения и/или говорящего субъективно и/или объективно незэкзистирующим и/или недетерминированным.

В задачу настоящей работы не входит более детальный анализ названных трактовок. Напомним только, что в исследованиях такого рода кроется много подводных камней. Дело в том, что интенсивные поиски мощного универсального фактора легко ослабляют наблюдательность ученого: закономерность "обнаруживается" и там, где она фактически отсутствует¹⁰¹. Таким образом, принять или не принять эти концепции мы можем только после тщательного анализа и проверки языкового материала.

¹⁰¹"Объяснения" могут не совпадать с "причинами", ср. гл. 2.3.

2. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ДАННОГО ВОПРОСА

В этой главе будут изложены некоторые общие замечания по поводу исследований, описанных в предыдущей главе. При этом нами будет затронут ряд методологических принципов, характерных вообще для лингвистики как науки. Излагая свои позиции, мы не претендуем на их новизну. Наоборот, наши взгляды на эти вопросы не противоречат общей лингвистической традиции и отчасти уходят своими корнями далеко в историю языкознания. Однако, необходимо обратить внимание на эти проблемы, поскольку здесь – как не редко бывает в науке – долгое существование и общее признание каких-либо теоретических положений отнюдь не означает, что они обязательно получают дальнейшее применение в конкретных исследованиях.

2.1. Плоскости языка

При изучении таких явлений языка, в которых наблюдается известное варьирование, мы непременно сталкиваемся со следующими вопросами: Как исследователь определяет критерии правильности примеров, которые приводятся им? Откуда он должен и может брать материал для исследования? Должен ли лингвист описывать язык таким, каков он есть, или давать рекомендации для того, как его употреблять? На эти вопросы можно дать и даются разные ответы, о чем свидетельствуют и разные подходы у исследователей, изучавших выбор падежа дополнения при отрицании (см. гл. 1.2.). Чтобы дискуссия вокруг факторов, играющих ту или иную роль в этой проблеме, была разумной и плодотворной, нам следует эксплицитно ответить на вопросы подобного рода. В связи с этим коснемся основных пунктов нашей концепции о плоскостях языка¹⁰².

¹⁰² Здесь будут затронуты только самые существенные моменты, связанные с этой проблематикой (более подробно об этом см.: Мустайоки 1980, 11–44). Наш взгляд на этот, один из самых фундаментальных вопросов лингвистики является своего рода синтезом концепций ряда ученых, в частности де Соссюра, Щербы, Косериу, Хомского, Хаймса, Андреева и Зиндера, Пиотровского и Турыгиной, Звегинцева. Больше всего наша трактовка напоминает ту, которая представлена П.С. Алексеевым /1977/.

Мы исходим из того, что язык имеет две "формы существования": с одной стороны, он наличествует в реально наблюдаемом виде в употреблении, в готовых речевых продуктах, произведенных носителями языка; во-вторых, язык живет в скрытом виде и в сознании индивидуумов, владеющих данным языком как родным. Назовем язык как продукт РЕЧЬЮ¹⁰³, а язык вне употребления, как потенция, компетенция – ЯЗЫКОМ. Надо сразу отметить, что ЯЗЫК и РЕЧЬ теснейшим образом связаны друг с другом: без ЯЗЫКА не может быть РЕЧИ, и в то же время РЕЧЬ оказывает определенное влияние на ЯЗЫК¹⁰⁴. Но можно считать верным и то положение, согласно которому РЕЧЬ и ЯЗЫК нельзя отождествлять и они представляют разные объекты лингвистического интереса (см. ниже).

Перейдем к определению этих двух плоскостей языка. При этом сначала разъясним некоторые понятия, а потом дадим ответы на ряд вопросов в рамках данной проблематики.

Говоря об изучении ЯЗЫКА, будем называть нормой множество тех языковых единиц, которые сами носители языка считают грамматически правильными. Если иметь в виду всех носителей языка¹⁰⁵ как одно целое, можно употребить термин "коллективная норма", а если подчеркивается, что речь идет о взглядах одного индивидуума на правильность языка, употребляется термин "индивидуальная норма".

¹⁰³ Термины РЕЧЬ и ЯЗЫК будут писаться прописными буквами в тех случаях, когда подчеркивается дихотомия ЯЗЫК – РЕЧЬ. Опыт показывает, что несмотря на особую важность этой оппозиции в лингвистических исследованиях, нередко представляется целесообразным говорить о "языке" или о "речи" без данного особыго терминологического противопоставления. Язык как лингвистический объект имеет столько разных аспектов, что дихотомия "ЯЗЫК – РЕЧЬ" составляет только одну из многих возможностей определить позицию исследователя.

¹⁰⁴ Ср. слова Э. Косериу /1963, 157/: "Язык существует только в речи индивидуумов, а речь всегда предполагает какой-то конкретный язык". В другом месте он пишет /1963, 158/: "Язык дан в речи, в то время как речь не дана в языке". Интересна также формулировка Ф. Паппа /1977, 5/: "Текст является продуктом языка. Язык – это орудие, с помощью которого создаются тексты!".

¹⁰⁵ Термин "носитель языка" не однозначен. Здесь нет места для глубокого анализа этого понятия; отметим только, что мы понимаем его шире, чем, например, авторы книги "Русский язык по данным массового обследования" /Крысин 1974, 17/.

То, что порождено носителями языка в определенное время¹⁰⁶ в реальных ситуациях коммуникации составляет речевой материал¹⁰⁷, статистическое обобщение которого можно называть узусом. Этими терминами пользуются на плоскости РЕЧИ. При необходимости показать, что имеется в виду узус какого-либо отдельного носителя языка, прибегаем к термину "идиоузус".

Отличается ли узус от нормы? Еще Л.В. Щербой /1974,36/ было отмечено, что употребление языка людьми и их представление о его норме различны (чему они сами обычно удивляются). А.И. Томсон (см. сноска 6) писал о том, как мы иногда выступаем против таких языковых форм, которые нами самими употребляются в живой речи. Действительно, наша РЕЧЬ часто имеет черты, которые мы не признаем как соответствующие нашим представлениям о грамматической правильности данного языка.

Рассмотрение этого вопроса несколько осложняется тем, что устная форма РЕЧИ, как правило, сильнее отличается от нормы, чем письменный ее вариант¹⁰⁸. Однако, письменная РЕЧЬ в ситуациях, в которых предполагается употребление нормированного языка, тоже может не совпадать с идионормой данного носителя языка.

Такие случаи можно объяснить, в частности, следующими моментами:

1. допускается нарочитая "ошибка";
а. поскольку пишущий намеренно прибегает не к тому речевому варианту, который его собственное языковое чутье принимает как правильный, а к тому, который рекомендуется норматив-

¹⁰⁶ Временные границы "современного" русского языка - тоже предмет споров. Мы исходим из того положения, что при изучении современного русского следует стремиться к "крайней его свежести" /см.: Мустайоки 1980, 46-48/.

¹⁰⁷ Мы предпочитаем термин "речевой материал" (термину "языковой материал",ср: Щерба 1974,24), поскольку мы имеем дело с плоскостью РЕЧЬ.

¹⁰⁸ Мы, люди, имеем иногда потребность показать свои знания "последнего крика" нормы, хотя наше собственное языковое чутье подсказало бы нам другое.

- ными грамматиками (ср. выше) ¹⁰⁹;
6. поскольку в стилистических целях отклонение от коллективной нормы ¹¹⁰ целесообразно;
 2. допускается случайная ошибка в силу того, что пишущий не обращает достаточного внимания на то, как он пишет ¹¹¹.

Напомним еще, что и тогда, когда РЕЧЬ отдельного носителя языка не содержит таких погрешностей, о которых шла речь выше, она все равно отражает только его личную идионорму.

Выяснив, что РЕЧЬ (в частности, узус) отличается от ЯЗЫКА (в частности, нормы), мы должны еще коснуться вопроса, какая из этих плоскостей является главным объектом лингвистических исследований. С одной стороны, ЯЗЫК можно считать первичным членом дихотомии и, таким образом, он больше привлекает внимание лингвистов, но с другой стороны, только РЕЧЬ подлежит непосредственному изучению и объективным наблюдениям. На наш взгляд, лингвист может и должен направлять свой научный интерес и на РЕЧЬ, и на ЯЗЫК, только всегда определенно зная и представляя, что именно он стремится описать.

Что описывается в нормативных грамматиках, узус или норма? Говоря о норме языка, нужно определить, какое место в концепции занимает "нормативное" описание языка. Назовем ту разновидность нормы, которая дается в нормативных грамматиках как рекомендация для употребления языка, официальной нормой.

¹⁰⁹ В стилистических целях разумно отклоняться только от коллективной нормы, поскольку стилистический эффект достигается лишь тогда, когда читатель узнает ненормативность употребляемой языковой единицы.

¹¹⁰ Вспомним о своих школьных сочинениях. Ошибки, допущенные нами, противоречили не только тем указаниям, которые были даны учителем, но иногда и созданному уже в нашем сознании языковому чутью. Конечно, взрослый пишет не так, как школьник, но кто из нас может утверждать, что завершил школу изучения родного языка!

¹¹¹ Вопрос о значении узуса (статистического изучения речевого материала) в составлении нормативных указаний широко обсуждается в литературе. Сошлемся только на мнения двух крупных авторитетов: Горбачевич 1978, 48–52; Скворцов 1980, 11.

м о и. О ее связи с узусом пишет С.И. Ожегов /1955, 14/, указывая на то, что "распространенной и часто повторяющейся в языке может быть ... и ошибка". Это, безусловно, так: то, как люди говорят, не прямо отражается в официальной норме (и наоборот), хотя нормализаторы языка и принимают узус как один из учитываемых факторов¹¹². В свете всего сказанного, наблюдения исследователей над расхождениями между употреблением языка и тем, что предлагается в нормативных грамматиках, вполне объяснимы и в принципе такое положение дел не обязательно является поводом для критики, если оно не носит искусственного характера.

Описывается ли нормативными грамматиками – если это не узус – коллективная норма? И здесь наблюдается определенное соотношение, но нет эквивалентности¹¹³. Нормализаторы языка имеют "право" отклоняться также от коллективного мнения носителей языка о правильности языковых единиц, если этого требует целесообразное управление развитием языка¹¹⁴. Авторы нормативных грамматик мо-

¹¹² Обычно понятие нормы связывают только с письменной речью. Однако, разговорный вариант литературного языка (который появляется чаще всего в устной речи) тоже имеет свою норму и, таким образом, ее можно рассматривать с нормативных позиций (см., например, работы группы лингвистов под руководством Е. А. Земской). По нашей терминологии – это изучение контекстуальной нормы /Мустайоки 1980, 24, 33/.

¹¹³ Соотношение узуса, коллективной формы и официальной нормы попарно взаимно – каждый член тройки оказывает определенное влияние на два других:



При составлении официальной нормы учитывается и коллективная норма, и узус. Указания нормативных пособий оказывают, со своей стороны, влияние на то, какие языковые единицы считаются носителями языка правильными, и на то, как люди говорят. Коллективная норма отражается, естественно, в узусе, который не может не влиять на коллективную норму.

¹¹⁴ Если языковые единицы, претендующие на право принадлежности к официальной норме, противоречат системе языка (о системе более подробно см.: Мустайоки 1980, 29–33), нормализаторы долго не признают их гражданство в качестве официальной нормы. Например, если бы выражения, в которых при отсутствии формального показателя отрицания дополнение ставится в род. падеже, признавались бы большинством носителей языка как правильные, в нормативных грамматиках, наверное, их правильность не признали бы, поскольку система русского языка не знает такой конструкции.

гут и бессознательно не принимать коллективную норму, поскольку последняя мало изучена, в связи с трудоемкостью такой работы. Таким образом, в нормативных грамматиках описывается не узус и не коллективная норма.

Является ли нормативный подход к изучению языка "научным"? Выше мы выяснили принципиальное различие между официальной нормой и узусом, с одной стороны, и между официальной и коллективной нормами, с другой. Когда мы исследуем коллективную норму или узус, мы имеем дескриптивный, ненормативный подход: мы описываем язык или с точки зрения его грамматической правильности, основываясь на мнении его носителей, или с точки зрения употребления языка в таком виде, как он реально существует в РЕЧИ. А когда в нормативных грамматиках и словарях пишется о явлениях какого-либо языка, подход совершенно иной: даются указания, рекомендации, советы, требования, как следует говорить. Можно ли такой подход считать научным? На наш взгляд, ответ будет утвердительным¹¹⁵. Разница между этими подходами не в их научности, а в их назначении: дескриптивист не имеет прямой утилитарной цели, а у прескриптивиста наблюдается явная практическая направленность¹¹⁶. Самое главное здесь то, что и автор грамматики, и его читатель осознает, какой текст он пишет или читает: "чистое" ли описание или предписание для правильного употребления языка. Отметим еще, что поскольку определение официальной нормы – привилегия маленькой группы лингвистов-носителей языка, мы не будем касаться этой стороны языковых исследований; мы поставили перед собой цель изучить только выбор падежа дополнения при отрицании с чисто описательных по-

¹¹⁵ Поставить этот вопрос нужно в связи с тем, что, например, в западной лингвистической традиции весьма часто подчеркивается описательный характер лингвистических исследований и прескрипция языковых правил считается не делом лингвистов /см., например: Karlsson 1976, 12/.

¹¹⁶ Таким образом, определение официальной нормы можно считать одной из отраслей прикладной лингвистики, если понимать этот термин широко как совокупность всей научной деятельности, в которой результаты лингвистических исследований применяются в каких-либо практических целях (обучение языкам, машинный перевод, лечение афатиков и т.д.) /ср.: Mustajoki 1983, 521–522/.

зиций. (Напомним, что данная работа является лишь первым шагом на пути к поставленной цели.)

Как можно изучать узус? Лингвистическое изучение располагает двумя главными способами приобретения сведений о языке: наблюдение и эксперимент¹¹⁷. На плоскости РЕЧИ термин "наблюдение" имеет, на первый взгляд, весьма точное содержание: на основе анализа речевого материала делаются выводы по отношению к узусу. На практике при исследованиях такого рода мы сталкиваемся, однако, с существенными трудностями в результате того, что РЕЧЬ в целом является очень гетерогенной. Кроме двух главных разновидностей, письменной и устной, РЕЧЬ разбивается на целый ряд стилей, подъязыков, регистров, которые сильно отличаются друг от друга. Следовательно, при описании узуса нужно точно определить, какой специальный "подузус" имеется в виду. Вообще при применении статистических методов в языковедческих исследованиях коренным вопросом становится ограничение генеральной совокупности: если целью является обобщить результаты вне пределов изученного материала, нужно осознать, на какие типы текстов они могут быть распространены.

Хотя при изучении узуса наблюдение можно считать первичным исследовательским приемом, но иногда целесообразно прибегать и к экспериментам¹¹⁸. Это необходимо, в частности, тогда, когда изучается такое явление языка, которое встречается в РЕЧИ крайне редко. Реально не существует возможности собрать рече-

¹¹⁷ Как правильно отмечает Ю.Н. Карапулов /1981, 135/, эксперимент - несмотря на то, что ему еще Л.В. Щербай было отведено достойное место в языковедческих исследованиях - все еще мало применяется в лингвистике. Здесь можно констатировать, что использование экспериментов не исключено и при определении официальной нормы. В этом случае информанты должны состоять из авторитетных носителей языка (крупных пингвилистов и признанных писателей).

¹¹⁸ Сошлемся на упомянутую в предшествующей сноской статью Карапулова /1981/. В ней весьма удачно описываются возможности использования эксперимента при исследовании разных плоскостей языка. Если не учитывать различия в терминологии (у Карапулова "щербовские" термины), наш подход к этому вопросу во многом совпадает со взглядами Карапулова. Отметим, однако, что с такой глубиной, какая свойственна статье Карапулова, мы здесь не может вникнуть в вопрос применения экспериментов в языкоznании.

вой материал нужного объема и будет более рациональным составить и провести эксперимент. В таком эксперименте носителям языка задаются или письменные вопросы типа *Как Вы сказали бы ...*, или их заставляют высказаться в определенной языковой ситуации. Следует отметить, что эксперимент всегда является только косвенным приемом изучения узуса и, следовательно, его результаты нельзя считать настолько надежными, насколько надежными получаются результаты, основывающиеся на непосредственном наблюдении речевого материала.

Как можно изучать (коллективную) норму? Если на плоскости РЕЧИ первичным приемом изучения является наблюдение, то на плоскости ЯЗЫКА таким следует считать эксперимент. Если согласиться с тем, что норма представляет мнение носителей языка о правильности языковых единиц, к другому выводу мы прийти не можем – несмотря на то, что реальное положение дел совсем иное. Это можно объяснить, во-первых, тем, что лингвисты в практических исследованиях зачастую не различают достаточно четко плоскости ЯЗЫК и РЕЧЬ, и, во-вторых, тем, что изучать норму экспериментально сравнительно трудоемкая работа (если не учитывать интроспекцию, ср. ниже). Какую форму должен иметь эксперимент, с помощью которого можно выяснить фактическое положение нормы? По нашему глубокому убеждению, это может быть своего рода анкетирование, при котором достаточно большому количеству носителей языка задаются вопросы типа *Как, по Вашему мнению, правильно ...? Считаете ли Вы следующую фразу грамматически правильной?* и т.д. (ср. вопросы в изучении узуса).

В большинстве лингвистических работ стараются описать – хотя это обычно не выражено эксплицитно – именно коллективную норму. Как ни странно, эти работы обычно основываются на наблюдениях над речевым материалом. Возникшее явное противоречие требует разъяснения. Одна причина подобной ситуации была уже отмечена выше: изучать норму с помощью языковых экспериментов весьма трудно. Однако еще важнее, видимо, то обстоятельство, что широко распространено представление, согласно которому тщательно

отобранный речевой материал (у признанных писателей¹¹⁹) представляет нам достаточно надежный источник для выводов по отношению к норме. Как мы подчеркивали выше, такое предположение неверно с теоретической точки зрения¹²⁰. Однако, нельзя отрицать и того факта, что разница между речевым материалом и стоящей за ним языковой компетенцией, т.е. представлением о правильности единиц языка, иногда не очень значительна¹²¹.

В вопросе об источниках лингвистических исследований представляет интерес роль самого исследователя и его языкового чутья. Может ли он сам сочинять "правильные" предложения или проверять и исправлять отобранные из речевого материала примеры¹²²? На наш взгляд, выводы, сделанные на основе языкового чутья исследователя могут быть столь же объективными, как и выводы, опирающиеся на речевой материал, порожденный кем-либо из носителей языка, пусть даже и очень образованным.

Укажем на основные моменты при ответе на последний вопрос.

Главной целью лингвистических исследований считается описание нормы языка, но непосредственному наблюдению подлежит только речевой материал, представляющий иную плоскость языка, чем

¹¹⁹ Современное состояние определения нормы и роль признанных писателей в этом вопросе хорошо раскрывается П.М. Алексеевым /1977, 44/. Рассматривая "вопрос о способах оценки правильности, образцовости тех или иных средств языкового выражения", он констатирует: "На ... вопрос могут ответить исследования авторитетных источников", к которым, несомненно, по-прежнему относятся письменные (печатные) тексты признанных писателей, а также изучение письменной речи образованных носителей языка, массовые обследования реального употребления языка и изучение языка газет, журналов, писем, научных текстов". Хотя автор имеет в виду, видимо, официальную норму, его точка зрения отражает и мнение многих лингвистов о способах описания коллективной нормы.

¹²⁰ На этом, на наш взгляд, неверном положении основывается и решение пользоваться при составлении некоторых частотных словарей тщательно с нормативной точки зрения отобранным материалом /ср.: Мустайоки 1982/.

¹²¹ Предлагается и такая возможность, что речевой материал "исправляется" перед тем, как пользоваться им в изучении нормы. Дж. Лайонс /Lyons 1972, 58-61/ излагает мнение, согласно которому в этом процессе можно различать три фазы: регуляризацию, стандартизацию и деконтекстуализацию.

¹²² См., например, дискуссию между Н.Ю. Шведовой /1970/ и Ю.Д. Апресяном /1970/ по поводу первичности или вторичности сочиненных исследователем и подобранных из литературы примеров.

норма. В этой дилемме необходимо искать и находить другие пути, способы и приемы изучения нормы. Первый выход из положения – это прибегнуть к лингвистическим экспериментам, анкетированию, которые надежнее всего отражают действительное мнение носителей языка о его правильности. Менее надежны, но более популярны изучение речевого материала и интроспективный эксперимент. Возможно, вернее всего к истине приводит комбинированное использование всех этих исследовательских приемов.

2.2. Что "описывается" в исследованиях, посвященных изучению падежа дополнения, и что в них "доказывается"?

После выявления главных моментов концепции о плоскостях языка мы можем, уже имея достаточную теоретическую базу, рассмотреть характер тех исследований, в которых описывается выбор падежа дополнения при отрицании.

Группа II. Начнем с трудов, связанных с официальной нормой. Согласно определению, это работы, в которых даются рекомендации для правильного употребления языка. Самым ярким примером работ этой категории можно считать разные справочники типа "Как правильно говорить?" /Листвинов 1965, Розенталь 1971 и др./. Книги, носящие название "Грамматика русского языка", чаще всего тоже описывают язык с нормативных позиций¹²³. Любопытный подход находим в работе Р. Дэвисона /Davison 1967/. Как было сказано на с. 39, в ней приводятся указания и даже иерархическая система правил, но в то же время выводы непосредст-

¹²³Чаще всего в грамматиках эксплицитно не указывается, имеют ли они нормативный или описательный характер. Исключение составляет в этом смысле Грамматика 1980, в предисловии к которой /1980I, 3/ точно выражается подход авторов: "Издаваемая сейчас "Русская грамматика" является описательной и нормативной. Она ставит своей задачей совместить научное описание грамматического строя современного русского литературного языка с нормативными рекомендациями и оценками". Несмотря на мнение авторов о двойственности их подхода Грамматику 1980 можно считать скорее всего нормативной.

венно основываются на отобранном речевом материале и, таким образом, отражают и узус¹²⁴. Промежуточную позицию занимают также некоторые статьи /Попова 1973 и др./, в которых, правда, пишется о том, как обычно вин. и род. падежи употребляются в этих конструкциях, но изложение можно понимать и как совет и рекомендацию.

Согласно нашему принципу (см. с. 120), мы не будем касаться вопроса о том, как составить официальную норму выражения дополнения при отрицании; работы, связанные с официальной нормой, включены в рассмотрение с целью дать сопоставительный материал ненормативным работам. В качестве общего наблюдения можно констатировать, что современные нормативные рекомендации хорошо согласуются с узусом, представленным в художественной литературе и в газетах. Маленькие отклонения можно объяснить скорее всего тем, что результаты статистических исследований не всегда имелись в распоряжении авторов нормативных пособий¹²⁵.

Группа III в обзоре литературы представлена двумя работами, в которых исследователь явно поставил перед собой задачу – дать информацию и о коллективной норме. Рассмотрим подробнее эти труды с точки зрения их методологического подхода.

Диссертация А. Цурикова /Tsurikov 1967/ основывается главным образом на проведенном им анкетировании¹²⁶, в котором участво-

¹²⁴ Работа /Граудина и др. 1976/ содержит элементы трех подходов: на основе статистического анализа газетных текстов дается точная информация об узусе; приводятся наблюдения над употреблением вин. и род. падежей в разных конкретных случаях с таким уклоном, который связывает описание с коллективной нормой; даются рекомендации для нормативно правильного употребления языка.

¹²⁵ Напомним: рекомендации официальной нормы нельзя считать неправильными только на том основании, что они не совпадают с узусом (см. с. 119).

¹²⁶ Кроме того, автор пользовался как дополнительным материалом литературными примерами. В этой связи интересно заметить, что Цуриков дает в своей диссертации и нормативные рекомендации, например, обсуждая предложения (а) *Он так и не успел докончить начатое им дело*, (б) *Он так и не успел докончить начатого им дела*, /Tsurikov 1967, 89/ констатирует: "In our opinion, the only acceptable is form 'b'!". Такие оценки мы встречаем неоднократно /1967, 62, 64, 80, 85 и т.д./. Если бы автор высказывал свое мнение о правильности предложений в качестве одного из "информантов", это было бы понятно,

вало 263¹²⁷ информанта — русских, эмигрировавших в США, ФРГ и Канаду. Информантам был выслан вопросник, который содержал 104 русских предложения в двух вариантах, с вин. и род. падежом, например:

- а Она грамматику совсем не знает.
- б Она грамматики совсем не знает.

Информантов просили дать оценку каждому предложению по следующей шкале:

1. a is the form you hear more often.
2. b is the form you hear more often.
3. a is the form you see written more often.
4. b is the form you see written more often.
5. a is more acceptable to you (you would use it yourself).
6. b is more acceptable to you (you would use it yourself).
7. You hear and see both forms equally often.
8. Both forms are acceptable to you but have some differences in meaning (you would use both forms yourself under different circumstances)

Answer the following questions only if you have checked
7 or 8.

9. a has a notion of definiteness.
10. b has a notion of definiteness.

Кроме того, информантам были заданы некоторые вопросы, касающиеся их личности. (Говорите ли вы по-русски дома в настоящее время? Какими другими языками вы владеете? Преподаете ли вы русский язык?¹²⁸ и т.д.)

но он излагает оценку как последнее, решающее слово. Тогда возникает вопрос, к кому эта информативная рекомендация обращена: определяет ли Цуриков норму только эмигрантов или всех носителей русского языка??

¹²⁷ Вопросник был выслан по почте 800 русским эмигрантам; заполненных вопросников было возвращено 215. Кроме того, исследователь поставил этот же эксперимент среди 48 "native Russians in the community of Richmond, Maine". В вопроснике этой группы были дополнительно включены некоторые предложения, отсутствующие в первом вопроснике.

¹²⁸ В выводах своей работы Цуриков /Tsurikov 1967, 171-172/ отмечает определенную разницу в ответах преподавателей по сравнению с ответами представителей других профессий: "A significant fact is represented in the responses of those 95 persons who identified themselves as teachers of Russian. Whenever

По своему подходу работа Цурикова весьма любопытна. Можно лишь приветствовать его идею использовать анкетирование в изучении данного вопроса. Интересные рассуждения стоят и за его решением рассматривать употребление и правильность той или иной падежной формы с разных точек зрения и дать широкую шкалу для ответов. Однако, необходимо отметить и существенные недостатки в методических основах этой работы. Изложим, на наш взгляд, самые важные из них:

1. Информанты не могут представлять "типичного", "среднего" носителя современного русского языка. В языковом вопросе, который показывает определенное варьирование и изменение в течение последних десятилетий, взгляды людей, живущих вне основной языковой среды, могут не совпадать со взглядами "настоящих" носителей языка. У большинства информантов даже родной язык был не русский (характерно, что инструкция к анкете по русскому языкудается на английском языке!). В связи с этим результаты исследования могут быть в лучшем случае приняты только как материал для сопоставления взглядов эмигрантов и русских, живущих в Советском Союзе, на этот вопрос.
2. Хотя в принципе совершенно правильно и интересно стремление выяснить употребление данных форм отдельно в устной и письменной речи, а также их правильность и приемлемость, это вызывает определенные трудности в проведении анкетирования и в толковании его результатов. Дело, во-первых, в том, что информантам весьма трудно различать все эти стороны вопроса (это выявится при рассмотрении результатов); возможно также, что эксплицитное сопоставление разных речевых ситуаций может вызвать потребность искусственно различать употребление падежей в них. Боль-

the number for the choice of sentences with the direct object in the genitive case exceeded 95, 85 to 90 of the answers came from teachers. When the number for the choice of the genitive was lower than 95, the percentage of teachers among those who favored this choice was between 95 per cent and 100 per cent. Such subjective inclination in judgment can be explained by the formal education of teachers, grammar books used through the present time and, finally, a prescriptive rather than descriptive conception of grammatical rules". (Здесь нельзя не обратить внимания на неточность изложения Цурикова: вместо того, чтобы дать точные цифры о доле вин. падежа в ответах преподавателей и лиц других профессий, он прибегает к достаточно туманным выражениям.)

шая шкала в ответах может и утомить информантов, вследствие чего последние пункты будут неаккуратно заполнены (такой вывод напрашивается при анализе ответов). Во-вторых, интерпретация статистических данных становится менее показательной при использовании широкой шкалы.

3. Наконец, привлекает внимание – как легко можно понять после главы 2.1. – недостаточный учет плоскостного характера языка. Если мы хотим выяснить, какая форма употребляется носителями языка, лучше всего изучать сам речевой материал, порожденный ими, поскольку люди не знают точно, как они на самом деле говорят. Собственно, лишь в пятом и шестом вопросах содержится элемент, соединяющий данное исследование с изучением коллективной нормы, но и в них, наряду с "приемлемостью" той или иной падежной формы, обращается внимание и на идиоузус информанта.

Рассмотрим еще (забыв о названных недостатках) ту процедуру, которая приводит исследователя к выводам. Возьмем предложения, на основе которых был решен вопрос о влиянии фактора "число" /1967, 46–55/:

Почему они абажуры/абажуров не повесили?

Как же это вы, до сих пор розыски/розысков не организовали?

Он все еще не составил списки/списков учащихся.

К сожалению, они не приняли все необходимые меры/всех необходимых мер.

Не покупайте такие дорогие вещи/таких дорогих вещей.

Гардероб не принимает на хранение чемоданы, сумки, свертки, продукты/чемоданов, сумок, свертков, продуктов.

Я свои победы/своих побед так не афишировал.

Спрашивается: можно ли, используя ответы, полученные от информантов на основе этих предложений, выяснить и доказать влияние этого фактора. Мы считаем, что в конечном счете такого вывода сделать нельзя, независимо от того, какими оказались ответы информантов. Как будет рассмотрено ниже более подробно (с. 131), в каждом предложении действуют одновременно разные факторы, так что убедиться в преобладающем значении одного из них, та-

ким образом, невозможно: мы не знаем 1/ вызвано ли употребление обнаруженного падежа именно этим фактором, и 2/ появился ли бы этот же падеж в данном предложении и без этого фактора (в рассматриваемом случае: если бы дополнением было существительное в ед. числе).

Если мы хотим доказать влияние отдельных факторов, нужен специальный исследовательский прием. Подобный прием продемонстрирован в статье А. Тимберлейка /Timberlake 1975/. Его материал состоит из предложений-пар, в которых всегда два варианта одной и той же конструкции - с рассматриваемым фактором и без него, например:

Никакую женщину/никакой женщины я не вижу!

Никакую машину/никакой машины я не вижу!

Ни одну книгу/ни одной книги я не прочитал за все лето.

Ни одну книгу/ни одной книги не прочитал за все лето?

На наш взгляд, именно посредством такого приема можно в принципе доказать влияние того или иного фактора на выбор падежа дополнения. Однако, работа Тимберлейка отличается, в свою очередь, недостатками, которые снижают значение полученных результатов. Назовем основные из них¹²⁹:

1. Информантов в исследовании было всего четверо. Не указано, каково их отношение к русскому языку, являются ли они "настоящими" носителями русского языка или эмигрантами. Во всяком случае такое маленькое количество информантов явно недостаточно. Мы провели в виде пробы соответствующий эксперимент среди пяти носителей русского языка, советских преподавателей в Хельсинском университете. Оказалось, что их представление о правильности приведенных предложений не только не совпадает с результатами Тимберлейка, но и среди ответов разных преподавателей

¹²⁹ Говоря о недостатках работы Тимберлейка, можно было бы привести его предложения, которые отличаются определенной искусственностью. Например, фраза /Галстук/ не хочешь? кажется многим носителям языка - несмотря на выбранный падеж - какой-то неестественной. Однако, таких претензий очень трудно избежать, поскольку мнения людей об "искусственности" изолированных предложений сильно расходятся.

можно было отметить существенные расхождения¹³⁰. Таким образом, результаты такого рода исследования будут надежными лишь в том случае, если заметно увеличить число информантов.

2. Когда выясняется мнение носителей языка о правильности языковых форм с помощью эксперимента, важно, в каком виде задается вопрос информантам, что следовало бы указать и в изложении результатов, однако эта информация, существенная для анализа ответов, отсутствует в работе.

3. В статье Тимберлейка влияние каждого фактора регулярно рассматривается на основе одной пары примеров. Этого явно недостаточно, поскольку в этом предложении может встретиться какое-либо специальное обстоятельство, которое или уменьшит или увеличит значение изучаемого фактора. Например, влияние фактора "ед./мн. число" демонстрируется на примере:

Я не нашел цветы.
 Я не нашел цветов.
 Я не нашел цветок.
 ?Я не нашел цветка.

В этой паре *цветок* - *цветы* соотношение ед. и мн. чисел нерегулярно в связи со специальным суффиксом в ед. числе. Это замечание, конечно, не означает, что вывод должен был бы быть обязательно неправильным, но такая пара примеров и не доказывает роль анализируемого фактора.

Группа Ia. Работы этой группы являются наиболее показательными для самого ординарного типа лингвистических исследований: выводы в соответствии с указаниями авторов основываются на анализе отобранных из речевого материала примеров, но создается впечатление, что исследователь стремится описать не узус, а норму. Чаще всего из этого вытекает то, что их результаты отражают частично узус и частично норму. Вообще успех такого рода исследований решающим образом зависит от личных качеств ученого, от его умения обобщать факты, находить в изучаемом материале важное, существенное.

¹³⁰ Любопытно отметить, что больше всего разногласий наблюдается в оценках предложений, связанных с омоформенностью (*Я не читаю газету/газеты, Я газету/газеты не выписываю*). Очевидно, в этих случаях отсутствие контекста смущает информантов больше, чем в других.

Группа Ib. Если работы группы Ia содержат явно субъективный элемент, можно было бы предположить, что исследователи группы Ib со своим статистическим подходом могут продемонстрировать нам объективную, количественными характеристиками доказанную истину о влиянии разных факторов. К сожалению, это не так. Во-первых, статистические исследования не лишены субъективизма. Мы узнали (с. 107), что частота употребления вин. и род. падежей в разных идиоузусах может колебаться. Следовательно то, какие выборки включены в изучаемый материал, сказывается и на конечных результатах. Во-вторых, доказательная сила цифр в этом вопросе невелика. Объясним почему. Выше (в частности, при рассмотрении некоторых факторов в главе 1.2.) было мимоходом указано на то, что разные факторы действуют в предложении не изолированно, а связанно друг с другом, и таким образом невозможно сказать, каким фактором обусловлен в конце концов выбор падежа. Приведем пример (см. также пример на с. 61-62).

*Мать не с о в е т о в а л а своей дочери читать
приключенческие повести.*

Редактор не у д о с у ж и л с я прочитать передовицу.

*Студент не м о г найти правильного решения задачи.
Я долго, долго не м о г отвести взора от неподвижной,
немой двери.*

Примеры, как видим, мало что могут доказать, поскольку дополнения в сопоставляемых предложениях не одинаковы по степени конкретности.

Таких примеров можно найти в литературе десятки. Еще более опасным такого рода "доказательство" становится тогда, когда прибегают к помощи статистических данных. Возьмем один конкретный пример. Б. Грин /Green 1979, 170/ пишет: "The second point of interest is that the overall figure of 29,1% accusative frequency masks sharp differences in the accusative frequency in the written examples on the one hand, and the spoken examples on the other, that is 20,7% and 41,8% respectively. The figure for spoken examples is almost exactly twice that of the written ones and confirms the intuitive judgements of linguists about the greater frequency of the accusative case in spoken texts".

Несколько позже /1979, 183-184/ Грин продолжает свои рассуждения, констатируя, что при *verba sentiendi* доля вин. падежа в устной речи 54% (n = 24), а в письменной только 5% (n = 21). Рассмотрев еще более подробно употребление глаголов *знать* и *видеть*, Грин в заключение /1979, 186/ пишет: "Another interesting aspect of the study is the contrasting behavior of the *verba sentiendi* and the Other Verb Categories. In the case of the *verba sentiendi* there were marked changes in accusative frequency of direct object of the negated members of this category between the spoken and written texts".

Как относиться к результатам и выводам Грина? Безусловно, они интересны. Возможно, они и правильны, но все равно не убедительны. Высокая доля вин. падежа в устных текстах по сравнению с письменными не обязательно обусловлена стилистическими моментами. Не исключена возможность, что какой-то фактор, влияющий на выбор падежа, связан и с видом употребления языка. Претендует на это, например, фактор "конкретность, детерминированность дополнения". В устной речи то, о чем мы говорим, зачастую более точно определено (ситуацией или как-то иначе), чем в письменной речи. Это касается и глагола *видеть*. Он может иметь при себе или весьма конкретный объект (*тот дом*), или же абстрактное существительное (*не вижу никакого смысла, выхода и т.д.*)¹³¹.

Остается заключить, что статистические данные в таком виде, в каком они представлены, например, в работах Рестана и Грина, пригодны для выдвижения гипотез о влиянии разных факторов, но не пригодны для доказательства их реального значения при выборе падежа.

Разными исследователями /Буторин 1953, 9; Magner 1955, 538; Fleckenstein 1961, 215, 218; Солоницын 1962, 115; и др./ отмече-

¹³¹ При глаголе *знать* тоже возможны и абстрактные, и конкретные дополнения. Кроме того, он часто употребляется с местоимением-существительным *это*, которое склонно стоять в род. падеже (ср. с. 102-104).

на конкуренция факторов в этих конструкциях, но нигде не высказано ясных предложений для элиминирования этой трудности. Можем ли мы удовлетвориться тем, что используя комплексный подход, постараемся учесть одновременно влияние многих факторов? Такого рода исследования, если они тщательно проведены, бесспорно, помогут осветить данный вопрос, но с другой стороны, понятно также желание попытаться подойти к решению данной проблемы, используя какой-либо более точный метод.

Единственной, кем кое-что сделано в этом направлении, очевидно, можно считать Г. Сафаревич /Safarewiczowa 1959, 1960/, которая в своих таблицах использует такой прием, при котором происходит разделение случаев при рассмотрении каждого фактора на части на основе двух дополнительных факторов (инверсии и определения при дополнении). Вместе с тем, она до того, как взять на рассмотрение фактор "конкретность/абстрактность", исключает ряд других факторов (одушевленные имена, вопросительные предложения, предложения с инфинитивом и т.д.).

На наш взгляд, развивая прием Сафаревич, возможно при наличии большого количества примеров (скажем, 10 000) и при помощи ЭВМ сосредоточить внимание на каждом факторе при одновременном учете других. (О том, как элиминировать значение других факторов при изучении нормы, см. с. 129).

2.3. "Признаки", "причины" и "объяснения"

Совокупность языковых продуктов, порожденных носителями языка составляет один из членов дихотомии "ЯЗЫК-РЕЧЬ", однако, при учете другого аспекта¹³² явления "язык", языковой продукт выступает как член иной оппозиции: он противостоит языку

¹³²0 разных аспектах изучения языка см. Комлев 1969, 33-53.

как порождение РЕЧИ, как выражение определенных мыслей¹³³. В первом случае перед лингвистом стоит порожденный речевой материал, особенности которого он должен описать. Во втором случае мы видим говорящего в какой-то речевой ситуации, где он хочет что-то сказать: исходным пунктом является его интенции, смысл, которому он намерен дать языковой облик.

Нам кажется, что в изучении выбора падежа дополнения в отрицательных предложениях указанное разграничение сможет прояснить дебри влияющих факторов. Если мы изучаем язык как продукт, мы заинтересованы найти те внешние факторы, на основе которых можно было бы определить выбор падежа. Хотя этот подход в принципе соответствует восприятию сообщения, т.е. позиции слушающего, его можно иллюстрировать и порождением языка особого рода. Так работает компьютер, порождая текст: при выборе нужной падежной формы он должен опираться, разумеется, с помощью заданной программы, на определенные критерии, подсказывающие ему правильный падеж. Таким же образом работает, кстати говоря, и

¹³³ Та точка зрения на изучение языка, которая нами здесь сопоставляется с рассмотрением готового речевого материала, является опять-таки синтезом ряда концепций. Назовем основные из них. Во-первых, наша точка зрения напоминает трактовку, согласно которой язык понимается как деятельность и процесс (Гумбольдт, Щерба) или речевой акт (Андреев, Зиндер). Во-вторых, она имеет связь с рассмотрением языка как синтеза, имеющего своим начальным пунктом не форму, а смысл, в отличие от рассмотрения языка как анализа (Щерба, Мельчук, Папп и др.). Синтез соответствует порождению речи, говорению, а анализ восприятию, распознаванию речи /ср.: Mathesius 1926,198; Папп 1977,438-439/. Любопытен и факт, что хотя владение языком понимается прежде всего как умение говорить и роль говорящего в лингвистических концепциях центральна, описание языка лингвистами, как правило, идет "от формы к смыслу", что, как мы видели, отражает позицию слушающего. - Отметим еще, что мы специально не включили рассмотрение языка как процесса в "плоскостную" концепцию языка на горизонтальной оси вместе с ЯЗЫКОМ и РЕЧЬЮ (ср. Щербу, Андреева, Зиндера), а, на наш взгляд, лучше создать для этой точки зрения свою ось:

язык как процесс



язык как компетенция
ЯЗЫК



язык как продукт
РЕЧЬ

мозг человека, говорящего на неродном языке, если бы он был объектом сугубо сознательного метода обучения¹³⁴.

Конкретно выраженные факторы, узнаваемые при анализе речевого продукта, мы будем называть признаками. Они могут быть разделены по шкале "формальные - семантические", например, на следующие группы¹³⁵:

1. формальные (узнаваемые по форме, но не имеющие явной семантической интерпретации): принадлежность дополнения к словам на -а, устойчивость словосочетания и т.д.;
2. формально-семантические (узнаваемые по форме, но имеющие и семантическую интерпретацию): вид глагола, семантические группы глаголов, число дополнения, двойное управление, тип предложения, наклонение, порядок слов и т.д.;
3. семантические (не узнаваемые по форме): конкретность дополнения, логическое ударение, утвердительное значение предложения.

Признаками первой и второй групп машина может оперировать при порождении падежной формы, если ей даны сведения для распознавания нужных языковых форм; признаками третьей группы она не может пользоваться, если в ее распоряжении нет при каждом слове или предложении указания на то, какие семантические характеристики ему свойственны¹³⁶. Для наблюдателя речевого материала-человека признаки, имеющие формальный облик, тоже более

¹³⁴ Несколько слов об обучении правильному выбору падежа дополнения при отрицании. На наш взгляд, это явление входит в число таких, при обучении которым сознательное усвоение всех возможных факторов весьма затруднительно и нерационально. Таким образом, представленная Р. Дэвисоном /Davisson 1967/ система правил для порождения правильного падежа дополнения, не имеет практического применения в обучении (ценной эта попытка является с точки зрения ненаправленного изучения языка). Более подходящим здесь мы считаем такой прием, когда с помощью примеров и упражнений у учеников стараются выработать интуитивное чутье, подсказывающее правильный падеж /ср.: Мустайоки 1980, 283; Hirtle 1981/.

¹³⁵ Различать группы иногда трудно, например: входит ли признак "(дее) причастный оборот" в формальные признаки или он имеет и семантическое содержание?

¹³⁶ Признак "логическое ударение" представляет, естественно, особый случай; в устной речи он в принципе узнаваем по формальным показателям.

удобны, поскольку они могут быть определены однозначно¹³⁷.

Когда язык рассматривается как процесс порождения РЕЧИ в нормальном случае (т. е., когда человек говорит на своем родном языке), мы как лингвисты ставим себя на место говорящего в ситуацию коммуникации и спрашиваем: Что он хочет сказать? Какие языковые возможности он имеет для выражения своих мыслей, интенций? Какие формальные разграничения уменьшают свободу выбора между альтернативными языковыми средствами? При таком рассмотрении выбор падежа получает определенную семантическую функцию.

Подобный подход в изучении языка наблюдается в чистом виде лишь в том случае, если все описание какого-либо языка строится на этом принципе, т.е. происходит в направлении "от смысла к форме". Соблюдать строго этот подход весьма трудно и, насколько нам известно, полной так составленной "грамматики" ни для одного языка не существует. Тем не менее, любопытно узнать, как пришлось бы учитывать выбор падежа при отрицании в такой гипотетической грамматике русского языка. Очевидно, этот вопрос был бы затронут, в частности, в главах "Выражение детерминированности", "Выражение обобщенности", "Выражение отрицания определенной степени", "Выражение темы высказывания". Те факторы, которые при таком подходе определяют выбор того или иного падежа, можно назвать *причинами*.

Как было уже отмечено выше, описание языка как процесса на современной стадии лингвистики вызывает огромные, хочется сказать, даже непосильные трудности. В связи с этим нужно выделить еще один промежуточный уровень рассмотрения языка: язык рассматривается как порожденный продукт, но подход одновременно и функционален, т.е. на этом уровне выясняется, почему была выбрана обнаруженная языковая форма. Факторы, влияющие на

¹³⁷ Параллель с машиной здесь вообще нельзя понимать как такую, при которой стремились бы построить систему порождения правильных падежных форм для машинной обработки языка; таким образом можно просто, легко и конкретно охарактеризовать степень формальности признаков.

выбор падежа, при изучении языка с этих позиций будем называть объяснениями.

Таким образом, объяснения и признаки сходны в том, что и те, и другие можно обнаружить при рассмотрении речевого продукта. Четкой границы между ними нет, особенно часто семантические признаки напоминают объяснения (ср. и ниже). Объяснения и причины также имеют, несмотря на несовпадение уровня рассмотрения, общее: это то, что они характеризуют функциональную сторону языка. Собственно, если наши рассуждения правильны, они должны быть эквивалентными.

Представим для дальнейших проверок и дискуссии систему объяснений при выборе падежа дополнений в отрицательных предложениях:

1. Семантические объяснения. Один пучок объяснений составляют близкие друг к другу оси детерминированности и конкретности, которые в случае плюсовой оценки влияют в сторону употребления род. падежа, а в противоположном случае (недетерминированность, обобщенность, абстрактность) - в сторону вин. падежа. Другим семантическим объяснением следует считать силу отрицания на шкале "от его практического отсутствия несмотря на формальные признаки до подчеркивания и усиления отрицания". Это включает и "сферу отрицания". Возможно, существуют и другие семантические объяснения.

2. Коммуникативные объяснения. Этот тип представляется предполагаемым требованием различать омонимичные формы при выборе падежа. И коммуникативная, и семантическая (сила отрицания) стороны содержатся в том случае, когда выбор падежа обусловлен желанием показать, относится ли отрицание ко всему действию, дополнению и т.д.

3. Стилистические объяснения. Это, во-первых, стилистика в широком смысле: ситуация коммуникации сама по себе или потребность говорящего или пишущего с помощью выбора падежа показать стилистическую окраску высказывания. Во-вторых, это контекстуальные обстоятельства (ряд генетиков, цепь однаковых определений), которые иногда претендуют на объяснение выбора падежа.

4. Языковые объяснения. Иногда выбор падежа не может быть объяснен ни одним из названных моментов. Тогда нужно искать объяснения в самом языке. Конвенция, языковая традиция порой детерминирует выбор падежа по принципу: так говорилось раньше, почему же не говорить так и теперь. Следует отметить, что языковые объяснения иногда примыкают к семантическим объяснениям (ср. признаки).

Поскольку можно дать разные объяснения, естественно, что ни одно из них не может быть универсальным, покрывающим все случаи. При конкуренции между объяснениями одни оказываются более сильными, чем другие; факт, который должен быть учтен при описании этого явления¹³⁸.

Соотношение между объяснениями и признаками требует еще уточнения. Одно объяснение нередко может быть представлено многими признаками, например, с силой отрицания связью, между прочим, следующие признаки: "утвердительный смысл предложения", "усиленное отрицание", "два инфинитива", "двойное отрицание" и т.д. Один признак, со своей стороны, может относиться к двум или более объяснениям, например, "логическое ударение", очевидно, следует связать и с детерминированностью дополнения, и с направленностью отрицания на определенный член предложения (коммуникативно-семантическое объяснение, ср. выше).

Языковые объяснения представляют особый случай среди объяснений; они являются одновременно и признаками. Сравним их с другими признаками. Допустим, что слова на -а склонны стоять в вин. падеже чаще, чем другие слова. Учитывая это, мы можем утверждать, что в предложении *Я не выписываю эту газету* признак "принадлежность дополнения к словам на -а" является одновременно и одним из объяснений к употреблению вин. падежа, т.е. говорящий или пишущий (конечно, интуитивно) прибег к этой фор-

¹³⁸ Не только объяснения, но и признаки отличаются друг от друга по силе. В некоторых работах этот факт был взят как критерий классификации признаков /например: Коут 1960, Равич 1971, Грамматика 1980/.

ме, в частности, в силу того, что дополнением было слово данной категории.

Другое дело, если взять такой признак, как, скажем, "усиленное отрицание" в предложении *Он не читает никаких книг*. Было бы (по крайней мере, по нашему мнению) неправильно и нелогично утверждать, что одной из причин-объяснений употребления род. падежа здесь является местоимение с приставкой *ни-* перед дополнением. Более логично истолковать употребление падежа следующим образом: объяснением (или одним из них) для появления род. падежа является обобщенность значения и/или усиление отрицания, т.е. эта падежная форма была выбрана, в частности, в силу данных причин; а внешним показателем этого в предложении является приставка *ни-*.

В исследовательской стратегии признаки и объяснения занимают то исходное, то конечное положение. Задача лингвистики при изучении этого вопроса заключается, во-первых, в том, чтобы выявить, какие объяснения репрезентуются через обнаруженные в предложении признаки, и во-вторых, в том, чтобы найти конкретные признаки, представляющие возможные объяснения.

В этой связи следует отметить, что при изыскании признаков, которые представляли бы какие-либо объяснения, можно пользоваться и "квазипризнаками". Это один из типов интроспективных экспериментов, с помощью которых можно уточнить значение предложения¹³⁹. Приведем пример. Чтобы узнать, имеет ли предложение *Он не любит стихов* обобщенное значение, можно попробовать вставить в предложение слово *вообще*. Если значения первоначального и нового предложений совпадают, можно принять гипотезу об обобщенности значения исходного предложения. Через посредство подобного рода квазипризнаков можно отчасти "формализовать", в частности, семантические объяснения и таким образом получить более точную основу для выводов.

¹³⁹ О таких экспериментах пишет, например, Ю.Д. Апресян /1966, 150 и сл./.

Нам кажется, что, используя понятия "признак" и "объяснение", можно дать более точное содержание дискуссии о признаках, обусловливающих употребление вин. и род. падежей в отрицательных предложениях¹⁴⁰. Поскольку, согласно нашему убеждению, изучение данного вопроса находится еще на такой стадии, на которой часть основных предположений о влиянии ряда факторов еще требует доказательства, мы взяли в эксперименте, описываемом в следующей главе, на рассмотрение только некоторые "признаки", представляющие более конкретный и элементарный уровень изучения, чем "объяснения".

¹⁴⁰ Мы не хотим сказать, что здесь впервые различаются "признаки" и "объяснения". Разными исследователями при рассмотрении признаков приводятся и объяснения разного рода /см., например: Tsurikov 1971; Fleckenstein 1971, Грамматика 1980/. Однако, нам кажется, что приведенное более последовательное разграничение этих двух подходов к изучению данного вопроса делает возможным более плодотворный обмен мнениями о значении разных факторов. Следует также отметить, что говоря о "причинах" и "объяснениях", мы приближаемся к идеям Пражской школы лингвистов, для которой была (и есть?) особенно дорога функциональная сторона ЯЗЫКА-РЕЧИ (см. интересные рассуждения по этому поводу в статье: Звегинцев 1977).

3. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

3.1. Цель эксперимента

Проведенный нами эксперимент имел следующие цели:

I. Тестировать разработанную нами систему проведения такого эксперимента, т.е. выяснить, можно ли таким образом получить достаточно точные сведения о значении отдельных признаков при выборе падежа дополнения с точки зрения коллективной нормы современного русского языка.

II. Предварительно выяснить значение некоторых признаков. Изученные признаки были сгруппированы следующим образом:

1. два признака, подсказывающих, согласно Грамматике 1980, обязательное употребление род. падежа: глагол иметь как склоняемое, усиленное отрицание;

2. два признака, подсказывающих, согласно Грамматике 1980, обязательное употребление вин. падежа: двойное управление, конструкции с двумя инфинитивами;

3. два признака, показывающих, согласно Грамматике 1980, явную склонность к употреблению род. падежа: (дее) причастный оборот, отвлеченное имя как дополнение;

4. два признака, показывающих, согласно Грамматике 1980, явную склонность к употреблению вин. падежа: придаточное со словом который после дополнения, одушевленное имя как дополнение;

5. два признака, которые не называются в Грамматике 1980 в числе факторов, влияющих на выбор падежа дополнения: вид глагола, еще перед частицей *не*¹⁴¹.

III. Изучить выбор падежа дополнения в предложениях, где имеется два признака, один из которых должен обуславливать употребление род. падежа, другой – употребление вин. падежа.

¹⁴¹ Один из этих признаков, "вид глагола", упоминается в ряде работ (см. с. 57-59); другой же, "еще перед частицей *не*", представляется нами как потенциальный фактор, влияющий на выбор падежа, возможно, на основе того, что слово *еще* в принципе должно в известной мере действовать на силу отрицания и таким образом и на возможность употребления род. и вин. падежей.

3.2. Вопросник эксперимента

Принципы составления вопросника основаны на идеях, которые отчасти встречаются у Цурикова и Тимберлейка, отчасти созданы нами. Для изучения каждого признака нами было отобрано десять предложений. Большинство из них взято прямо или в слегка модифицированном виде из литературы; некоторые составлены нами. Все предложения проверены "настоящим"¹⁴² носителем русского языка. В общей сложности вопросник состоит, таким образом, из ста предложений.

Каждое предложение представлено в двух вариантах, один из которых содержит изучаемый признак, другой нет. Варианты, лишенные признака, по возможности (конечно, они должны были быть естественными) близки по своей структуре к предложению, где имеется такой признак. Вот некоторые примеры:

признак: глагол иметь

Я не имею /разрешение/ управлять этой машиной.	Я не получил /разрешение/ управлять этой машиной.
---	--

признак: два инфинитива

Не стоит старатся сяд до стать /билеты/.	Не стоит доставать билеты/.
---	--------------------------------

признак: ... который

Я еще не пробовал /торт/, который ты нам подарил.	Я еще не пробовал /торт/.
---	---------------------------

признак: совершенный вид

Здесь нельзя перейти улица/.	Здесь нельзя перейти улица/.
---------------------------------	---------------------------------

На наш взгляд, параллельная презентация предложений с каким-либо признаком и без него легко приводит к тому, что информант начинает сознательно искать и обдумывать факторы, обусловливающие выбор падежа. Чтобы избежать неточностей, связанных с

¹⁴²"Настоящий" носитель языка означает здесь: советский преподаватель, работающий в Хельсинкском университете.

этим, мы использовали специальный прием: информанты были разделены на две группы, и каждое предложение встречалось в вопроснике одной группы с признаком, а в вопроснике другой - без признака.

Но если бы в подобном случае информанты обеих групп не были достаточно едины в своих взглядах и если бы информанты одной группы были более склонны предпочесть один из падежей, чем информанты другой группы, результаты оказались бы все же ненадежными. Чтобы элиминировать такую возможность, мы разделили предложения по двум вопросникам так, что в вопроснике А каждый признак был в пяти предложениях, а в пяти его не было; в вопроснике Б таким же образом, но наоборот.

Далее. Предложения с тем или иным признаком были разбросаны по всему вопроснику опять-таки так, чтобы информант не угадал, какой именно фактор изучается. Так, к признаку "глагол иметь" относились предложения 1., 11., 21., 31., 41. и т.д., к признаку "усиленное отрицание" - предложения 2., 12., 22., 32., 42. и т.д.

Проиллюстрируем на конкретном примере расположение предложений в двух вопросниках. Возьмем предложения, которые предназначены для изучения четвертого признака "конструкции с двумя инфинитивами".

вопросник А

4. Он не хочет на чихать писать /стихи/.

14. Я не просил его передать /это письмо/, так как он не заходил к нам.

24. Мы не хотели мешать ему соблюдать /осторожность/ в работе.

34. Не стоим до самавата /билеты/.

вопросник Б

4. Он не хочет писать /стихи/.

14. Я не мог просить его передать /это письмо/, так как он не заходил к нам.

24. Мы не мешали ему соблюдать /осторожность/ в работе.

34. Не стоим стоять /билеты/.

Следовательно, два инфинитива встречаются в вопроснике А в предложениях под номерами 44., 64., 84., а в вопроснике Б - в предложениях 54., 74., 94..

В приведенных примерах интересующее нас дополнение поставлено для простоты между двумя косыми черточками, в настоящем же вопроснике оно всегда дано в следующем виде:

В конце концов она не дала результаты.
результатов.

Поскольку во всех предложениях вин. падеж давался сверху, а род. падеж снизу, в случае омоформенности, падеж, который имелся в виду, не был указан:

Мы не намерены дать привилегии никакой группе людей.
привилегий

К вопроснику прилагалась инструкция следующего содержания:

Как известно, прямое дополнение при глаголе с отрицанием может стоять в винительном и родительном падеже. Проводимый эксперимент направлен на выяснение некоторых явлений, связанных с данным вопросом. Предложенная анкета содержит сто отрицательных предложений русского языка. В каждом из них вам предлагается два варианта для формы дополнения: один в винительном падеже, другой в родительном падеже. Ваша задача заключается в том, чтобы вы подчеркивали в каждом предложении тот вариант, который вы считаете правильным. Если по вашему мнению оба варианта правильны, подчеркивайте их оба. Просим отвечать аккуратно, однако, долго не задумываясь над каждым предложением.

Как видно из инструкции, информантам предлагалось для ответа три варианта: вин. падеж, род. падеж или оба. Мы считаем, что такая шкала соответствует нашим требованиям: уменьшение вариантов до двух сделало бы выбор падежа слишком категоричным, а увеличение ступеней в шкале (ср. шкалу Цурикова выше) затруднило бы статистическую обработку результатов. Следует обратить внимание также на формулировку задания, которая отражает наше положение о плоскостях языка (см. гл. 2.1.).

3.3. Проведение эксперимента

Эксперимент был проведен в МГУ в апреле 1981 года¹⁴³. Использование студентов в качестве информантов имеет некоторые преимущества. Во-первых, они представляют и настоящих, и, в известном смысле, также будущих носителей языка. Во-вторых, им такого рода эксперименты не кажутся странными, и они легко усваивают правила заполнения вопросника, что уменьшает возможность ошибочного заполнения анкет. В-третьих, собрать студентов для эксперимента довольно просто по сравнению с другими группами населения.

В первом варианте эксперимента (вопросник А) участвовало 40, а во втором - 52 студента. Информантами были студенты-филологи (не русисты). К такому решению мы пришли в связи с тем, что филологам легко понять задачу эксперимента; русисты были исключены в силу того, что информанты должны представлять не специалистов по русскому языку, а "нормальных" носителей языка.

Эксперимент проводился в начале обычных лекций; информанты не были заранее предупреждены о нем. В начале эксперимента инструкция была прочитана нами вслух; испытуемые имели возможность задавать вопросы по поводу технического проведения эксперимента. Темп заполнения вопросника не был определен. Большинство информантов заполнили его за полчаса.

3.4. Общие наблюдения

Вопросники были заполнены весьма аккуратно. Это видно, между прочим, из ответов на "очевидные" случаи (например, предложения 32., 43., и 44. в вопроснике А). О том, что информанты сумели достаточно хорошо сосредоточиться на каждом предложении отдельно, невзирая на выбор падежа в предыдущем предложении,

¹⁴³Поездка в Москву была осуществлена на основе договора между МГУ и Хельсинкским университетом об обмене специалистами.

свидетельствует, в частности, реакция на предложения 82.и 83. в вопроснике А: в первом из них все информанты приняли род. падеж, во втором - винительный.

Обе группы информантов оказались сравнительно одинаковыми в своих взглядах на выбор падежа. Это видно из следующих цифр (обозначение типа 58-16-26 указывает: 58% вин. падеж, 16% вин. и род., 26% род.):

группа А 62,1-11,3-26,7 (стандартные девиации σ 12,5-10,3-11,5)
 группа Б 58,4-15,5-26,1 (σ - 13,0-12,2-12,4)

В заключение этой главы приведем некоторые предложения, представляющие "крайности" разного рода. Они представляют определенный интерес, хотя следует иметь в виду, что статистические данные, касающиеся отдельных предложений, менее надежны, чем те, которые характеризуют совокупность однородных предложений.

Предложения, в которых единогласно был принят вин. падеж (100-0-0):

38. Учителя не хотел сажать /Нина/ на первый ряд.
43. /Ее работа/ нельзя было принять за диссертацию.
44. Он не мог начать составлять /доклад/.
48. Он не был в силах унести /холодильник/.
83. Было невозможно объединить /все группы/.
93. /Эта рукопись/ нельзя расшифровать.

Предложения, в которых единогласно был принят род. падеж (0-0-100):

17. Хорошее начало работы не дает /половы/, которые позво- лили бы нам успокоиться.
32. Он не делал /никакие попытки/ выйти из положения.
82. Мои товарищи, к моему огорчению, не прислали мне /ни одно письмо/.

Предложения, в которых было больше всего ответов А/G:

21. Они не взяли /деньги/ с собой. (8-59-33)
26. Мы не скрывали /свои взгляды/. (6-52-42)
69. Я не сделаю /открытие/, если скажу, что ... (12-42-46)
50. Тогда он еще не знал /моя сестра/. (49-41-10)

Предложения, которые с признаком и без признака больше всего отличались друг от друга:

62. Не трогай /ни одна газета/, сказала Н. сердитым голосом. (19-17-63)

Не трогай /газета/, сказала Н. сердитым голосом. (92,5-5-2,5)

11. Не иметь /жена/ - значит жить трудно. (13-17-69)

Не любить /жена/ - значит жить трудно. (85-12,5-2,5)

92. В этом сезоне Н. не играл /ни одна роль/. (0-5-95)

В этом сезоне Н. не играл /роль/ Олега. (62-21-17)

52. Я не взял у Саши /никакие новые книги/. (2,5-5-92,5)

Я не взял у Саши /новые книги/. (49-35-16)

23. При его характере не удивительно, что он не считает ни /один фильм/ интересным. (80-5-15)

При его характере не удивительно, что он не смотрел ни /один фильм/. (8-17-7,5)

3.5. Результаты эксперимента

Результаты эксперимента даются в сводных таблицах. Число информантов, принявших вин. падеж (A), вин. или род. падеж (A/G) или род. падеж (G), приводится в процентных долях¹⁴⁴. Общая сумма ответов указывается в столбце n . Оценка t_a в первой группе информантов ≤ 40 и во второй ≤ 52 (ответы были даны информантами сравнительно последовательно без пропусков, так что эта цифра обычно равна 40 или 52). После данных, относящихся к предложению с изучаемым признаком и без него, эти цифры сопоставляются с помощью t -критерия. Оценка t_a характеризует разницу между долями A . Но поскольку доля A является комплементом долей A/G и G вместе взятых, t_a показывает разницу в отношениях к отрицанию род. падежа в этих предложениях. Соответственно

¹⁴⁴ Одно уточнение: в связи с тем, что процентные доли часто оказывались (при числе информантов - 40) равны 2,5 или 7,5 (соответственно 12,5 или 17,5 и т.д.), мы решили вопреки обычной манере сохранять эти точные данные и не округлять их до целых. Следовательно, например, цифра 3 охватывает числа от 2,500...1 до 3,499..., но не включает число 2,5.

t_g показывает степень различия в отношениях к отрицанию вин. падежа. Оценки t можно (если $n_1 + n_2 \geq 90$) толковать следующим образом: $1,99 \leq t \leq 2,63$ – разница почти существенная; $2,63 \leq t \leq 3,40$ – разница существенная; $3,40 \leq t$ – разница очень существенная.

Комментарии к таблице 1:

1. Признак "глагол *иметь* как сказуемое" очень существенно и последовательно увеличивает возможность появления род. падежа в предложении. Но его нельзя считать признаком, обязательно обусловливающим употребление род. падежа.

2. Доля род. падежа меньше всего (ниже трех четвертей) тогда, когда дополнением является имя одушевленное (11., 61.) или имя конкретное (1., 91.), как легко понять. Стоит отметить, что эти предложения, несмотря на конкретность дополнения, могут иметь обобщенное значение (см. особенно 11.).

3. В большинстве случаев сказуемым предложения без данного признака был глагол, близкий по значению к глаголу *иметь*. Так, можно составить следующий ряд: *Я не получил ...* → *Я не имею ...* → *У меня нет ...* Соответственно доля род. падежа увеличивается:

Я не получил /разрешение/ ... (10-27,5-62,5)

Я не имею /разрешение/ ... (4-12-85)

У меня нет /разрешение/ ... (0-0-100) (предположение)

Отметим еще, что предложения типа *Я не получил/приобрел/достал ...*, кроме того, что они лишены обратной связи с предложением *Я не имею ...*, обычно выражают более конкретное действие, чем их пары (см., например: 61.).

4. Любопытную пару составляют предложения 51. и 81., у которых общая структура предложения, степень абстрактности дополнения, а также доли падежей в ответах практически совпадают, но значения предложений без признака противоположны: *Я не получил ...* ≈ *Я не имею ...*, но: *Я не потерял ...* ≈ *Я имею ...* Таким образом, кажется, что объяснение "импликация на существование" /ср.: Dahl 1969, 44; Dahl, Karlsson 1976b, 47/ не может, по крайней мере одно, решать выбор падежа.

1. Глагол иметь какказуемое
1. Они все еще не имеют /машина/.
Они все еще не купили /машина/.
11. Не иметь /жена/ – значит жить трудно.
Не любить /жене/ – значит жить трудно.
 21. Она не имеет /деньги/ с собой.
Она не взяла /деньги/ с собой.
 31. По всей вероятности, это не имеет /влияние/ на ход событий.
По всей вероятности, это не оказывает /влияние/ на ход с.
 41. О таких делах мы не имели /разговор/.
О таких делах мы не вели /разговор/.
 51. Я не имею /разрешение/ управлять этой машиной.
Я не получил /разрешение/ управлять этой машиной.
 61. Они не имеют /собака/, хотя дети очень хотели бы.
Они не приобрели /собака/, хотя дети очень хотели бы.
 71. Мы не имеем /достаточные данные/ для завершения работы.
Мы не получили /достаточные данные/ для завершения работы.
 81. Я не имею /желание/ делать все это один.
Я не потерял /желание/ делать все это один.
 91. Он еще не имеет /нужные для своей работы словари/.
Он еще не купил /нужные для своей работы словари/.

	с признаком			без признака			t_a	t_{β}		
	A	A/G	G	n	A	A/G	G	n		
	25	5	70	40	71	19	10	52	4,9	7,2
	13	17	69	52	85	12,5	2,5	40	9,8	9,7
	0	7,5	92,5	40	8	59	33	51	2,1	7,6
	4	6	90	52	13	15	72	39	1,5	2,2
	5	0	95	40	40	29	31	52	4,6	8,8
	4	12	85	52	10	27,5	62,5	40	1,1	2,5
	25	27,5	47,5	40	82	12	6	51	6,5	4,8
	4	4	92	51	2,5	0	97,5	40	-0,4	1,2
	3	5	92	38	19	17	63	52	2,6	3,6
	13	25	62	52	49	33	18	39	3,9	4,8
Всего	9	11	79	457	39	23	38	456	11,3	13,8

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

2. Усиленное отрицание

2. Если не принимать /никакие меры/, сможет случиться все что угодно. Если не принимать /необходимые меры/, сможет случиться все что угодно.
12. Она еще не знает /ни одна девушка/ из этого дома.
22. Родители не принимали во внимание /никакие интересы/ подростка.
32. Он не делал /никакие попытки/ выйти из положения.
42. В течение всего семестра мы не делали /ни один опыт/ по физике.
52. Я не взял у Саши /никакие новые книги/.
- Я не взял у Саши /новые книги/.
62. Не прогай /ни одна газета/, - сказала Наташа сердитым тоном. Не прогай газета, - сказала Наташа сердитым голосом.
72. В этом году профессор Лебедев не читал /ни одна лекция/. В этом году профессор Лебедев не читал лекции.
82. Мои товарищи, к своему оторчению, не пристали мне /ни одно письмо/. Мои товарищи, к моему оторчению, не пристали мне письмо.
92. В этом сезоне Никитин не играл /ни одна роль/. В этом сезоне Никитин не играл роль Олега.

	с признаком						без признака					
	A	A/G	G	γ_i	A	A/G	G	γ_i	t_a	t_g		
2	4	94	52	30	20	50	40	4,0	5,1			
17,5	12,5	70	40	88	2	10	50	9,3	7,1			
37	2	62	52	80	10	10	40	4,7	6,3			
0	0	100	39	4	15	81	52	1,5	3,5			
0	4	96	52	7,5	27,5	65	40	1,8	3,9			
2,5	5	92,5	40	49	35	16	51	6,3	11,6			
19	17	63	52	92,5	5	2,5	40	10,7	8,5			
2,5	2,5	95	40	17	35	48	52	2,5	6,1			
0	0	100	51	26	13	62	39	3,7	4,9			
0	5	95	39	62	21	17	52	9,2	12,4			
9	5	86	457	45	19	36	456	13,4	18,0			

3. Двойное управление 146

3. Уверен, что это не будет доставлять /затруднение/ участнику конгресса.
13. После этого уже нельзя будет наносить /данные/ на схему. После этого уже нельзя будет привести /новые данные/.
23. При его характере не удивительно, что он не считает ни /один фильм/ интересным.
- При его характере не удивительно, что он не смотрел ни /один фильм/.
33. Я не могу перевести /этот текст/ на русский язык.
- я не могу читать /этот текст/.
43. /Её работа/ нельзя принять за диссертацию.
- /Её работа/ нельзя исправить.
53. Все удивились тому, что он не начал /своя речь/ анекдотом.
- За недостатком средств они не начали /строительство/.
63. Нельзя было отделить /желток/ от белка.
- Нельзя было выделить /желток/.
73. Такие мероприятия еще не делают /искусство/ достоянием народа.
- Можно сказать, что в то время он еще не любил /искусство/.
83. Было невозможно поместить /все группы/ в одну гостиницу.
- Было невозможно объединить /все группы/.
93. /Эта рукопись/ нельзя относить к тому времени.
- /Эта рукопись/ нельзя расшифровать.

Всего	С признаком			без признака			
	A	M/G	G	A	M/G	G	
87	5	8	39	22	6	71	49
77,5	10	12,5	40	33	33	35	52
80	5	15	40	8	17	75	52
92	6	2	52	82,5	10	7,5	40
100	0	0	40	92	4	4	51
88	8	4	52	47,5	32,5	20	40
95	3	3	39	88	4	8	51
86	10	4	51	17,5	17,5	40	2,3
97	3	0	39	100	0	0	52
94	2	4	52	100	0	0	39
90	5	5	444	63	12	25	466
							10,2
							8,9

146. "Двойное управление" понимается нами здесь широко: достаточно только, чтобы второе второе "дополнение" было необходимо для полноты семантического содержания предложения.

4. Конструкции с двумя инфинитивами

4. Конструкции с двумя инфинитивами	С признаком							без признака						
	A	A/G	G	n	A	A/G	G	n	t _a	t _g				
4. Он не хочет начинать писать /мемуары/.	95	2,5	2,5	40	63	15	21	52	4,2	3,0				
Он не хочет писать его передать /это письмо/, так как он не	90	4	6	52	90	2,5	7,5	40	0,0	0,3				
заходил к нам.														
14. Я не мог прошить его передать /это письмо/, так как он не ...	97,5	0	2,5	40	96	0	4	52	0,4	0,4				
я не просил его передать /это письмо/, так как он не ...	98	2	0	52	80	7,5	12,5	40	2,7	2,4				
заходил к нам.														
24. Мы не хотели мешать ему соблюдать /осторожность/ в работе.	100	0	0	40	90	6	4	52	2,4	1,5				
Мы не мешали ему соблюдать /осторожность/ в работе.	87	4	10	52	80	10	10	40	0,9	0,0				
34. Не стоит стараться достать /билеты/.	84	3	13	38	66	23	11	47	2,0	-0,3				
Не стоит доставать /билеты/.	75	22	4	51	95	2,5	2,5	40	-2,9	-0,4				
44. Он не мог начать составлять /доклад/.	95	3	3	39	92	8	0	52	0,6	-1,1				
Он не начал составлять /доклад/.	39	6	55	49	15	8	97	39	2,7	5,5				
54. Ему не приходилось привыкать делить /счастье/ с другими.	84	3	13	38	66	23	11	47	2,0	-0,3				
Ему не приходилось делить /счастье/ с другими.	75	22	4	51	95	2,5	2,5	40	-2,9	-0,4				
64. Он не хотел стараться иметь /возможность/ на осуществление	95	3	3	39	92	8	0	52	0,6	-1,1				
плана.	39	6	55	49	15	8	97	39	2,7	5,5				
74. Он не старался иметь /возможность/ на осуществление плана.	85	5	10	453	78	8	14	454	2,7	1,9				
Он не старался иметь /возможность/ на осуществление плана.														
84. Я не собираюсь помогать ему выполнить /свои обязанности/.	95	3	3	39	92	8	0	52	0,6	-1,1				
Я не собираюсь выполнять /свои обязанности/.	39	6	55	49	15	8	97	39	2,7	5,5				
94. Я не хочу заставлять его решить /ни одна задача/.	95	3	3	39	92	8	0	52	0,6	-1,1				
Я не хочу заставлять его решить /ни одна задача/.	39	6	55	49	15	8	97	39	2,7	5,5				
Всего	85	5	10	453	78	8	14	454	2,7	1,9				

РЕЗУЛЬТАТЫ

5. (Дее) причастный оборот

5. Нет сегодня такого трудового коллектива в городе Ленина, который не определил бы для себя /напряженная программа/ работы на коммунистический субботник. Ни один трудовой коллектив не может готовиться к ком. субб. не определяя для себя /напряженная программа/ работ.
15. Доверие друга не приобретешь, если не говоришь ему всегда /правду/.
- Доверие друга не приобретешь, не говоря ... /правда/.
25. Во время поездки он не встретил /своя жена/. Ему не удавалось побывать в городе, не встречая /своя жена/.
35. Многие из них уделяют вопросам качества все еще мало внимания, не соблюдая /технологическая дисциплина/.
- Многие ... мало внимания, не соблюдая /технич. дисциплина/.
45. Преподаватели, которые не защитили /докторская диссертация/, /чичи/, не могли быть избраны повторно на должность заведующего кафедрой.
- Преподаватели, не защитившие /докторская диссертация/, ...
55. Машины, работающие на линии, часто не заканчивают /работа/. Машины нередко возвращаются с линии, не закончив /работа/.
65. Люди, достигшие пенсионного возраста, нередко остаются работать и не получают /пенсия/.
- Люди, ..., нередко остаются работать, не получая /пенсия/.
75. Районное производственное управление не принимало /этапы/.
- Районное производственное управление относилось к депу остроожно, не принимая /этапы/.
85. По всей стране много машин-ветеранов, которые еще не покинули /дорога/. По всей стране много машин-ветеранов, еще не покинувших /дорога/.
95. Достичь таких результатов невозможно, если не использовать /современную технику/. Достичь таких результатов невозможно, не используя /современная техника/.

	С ПРИЭНДАКОМ			БЕЗ ТРИЭНДАКА			
	А	М/С	С	А	М/С	С	
Всего	39	25	37	436	59	18	23
	383	5,8	4,4				

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

6. Отвлеченное имя как дополнение

	с признаком			без признака					
	A	B/G	C	A	B/G	C			
6. Я никак не могу найти <u>/выход/</u> из положения.	53	17	29	52	74	15	10	39	2,1 : 2,4
я никак не могу найти <u>/клоч/</u> .									
16. Любить женщин можно, но придавать этому <u>/особое внимание/</u> не стоит.	40	10	50	40	94	2	4	48	6,4 : 5,5
Любить женщин можно, но дарить им <u>/кое-какие подарки/</u> не стоит.									
26. Мы не скрываем <u>/свои взгляды/</u> .	6	52	42	52	55,27,5	17,5	40	5,7	2,7
Мы не скрываем <u>/свой новая аппаратура/</u> .									
36. В конце концов она не дала <u>/объяснение/</u> .	15	12	73	52	5	5	90	40	1,7 : -2,2
В конце концов она не дала <u>/результаты/</u> .									
46. Мы не брали <u>/пример/</u> с него.	58	21	21	52	82,5	7,5	10	40	2,7 : 1,5
Мы не брали <u>/зонтик/</u> с собой.									
56. Здесь нельзя ставить <u>/удавление/</u> .	82,5	10	7,5	40	87	10	4	52	0,6 : 0,7
Здесь нельзя ставить <u>/дверточие/</u> .									
66. Он не любит составлять ей <u>/компания/</u> .	88	8	4	52	85	7,5	7,5	40	-0,4 : -0,7
Он не любит составлять <u>/протоколы/</u> .									
76. Я еще не успел снять <u>/своя кандидатура/</u> .	65	17,5	17,5	40	69	27	4	52	0,4 : 0,2
Я еще не успел снять <u>/комик/</u> с листа.									
86. Ему не хотели давать <u>/слово/</u> .	50	25	25	52	82	15	3	39	3,5 : 3,3
Ему не хотели давать <u>/квартира/</u> .									
96. Не гаси <u>/свет/</u> , а то будет совсем темно.	92	5	3	39	88	8	4	52	-0,6 : -0,3
Не гаси <u>/фонарь/</u> , а то будет совсем темно.									
Всего	52	19	29	471	73	12	14	442	6,7 : 5,6

147. По ошибке машинистки в вопросник А в данном месте попало больше предложений без признака, а в вопросник Б – больше предложений с признаком, чем было нужно.

7. Придаточное со словом который после дополнения

	с признаком			без признака						
	A	A/G	G	A	A/G	G				
7. Наша команда сегодня не показала /игра/, какую мы привыкли видеть.	37,5	7,5	55	40	16	10	75	51	2,3	2,0
Наша команда сегодня не показала /интересная игра/.	0	0	100	51	3	3	95	39	-1,1	-1,4
17. Хорошее начало работы не дает /поводы/, которые позволили бы нам успокоиться.	63	31	6	52	57,5	30	12,5	40	0,5	1,1
Хорошее начало работы не дает /помощи/, для успокоения.	85	10	5	40	80	20	0	51	0,6	-1,5
27. Я не буду перечислять /многочисленные эксперименты/, которые проводились нами.	77,5	10	12,5	40	74	12	14	50	0,4	-0,2
Я не буду перечислять /многочисленные эксперименты/, прове-денные нами.	94	0	6	51	95	3	3	39	-0,2	-0,7
37. Я еще не пробовал /торг/, который ты нам подарил.	95	3	3	39	96	2	2	52	-0,2	-0,3
Я еще не пробовал /торг/, который ты нам подарил.	70	9	21	456	69	10	21	454	0,3	0,0
47. Вот почему мы не открывали /дверь/, хотя в нее долго стучали.	87	3	10	39	88	8	4	52	-0,1	-1,1
Вот почему мы не открывали /дверь/, хотя в нее долго стучали.	71	21	8	52	80	12,5	7,5	40	-1,0	-0,1
57. Вероятно, я уже никогда не надену /этот замечательный kost'om/, который так идет мне.	92	4	4	52	92,5	2,5	5	40	-0,1	-0,2
Вероятно, я уже никогда не надену /эзамечательный kost'om/.	94	0	6	51	95	3	3	39	-0,2	-0,7
67. Прошу прощения, но я еще не читал /книга/, которую ты мне дал.	95	3	3	39	96	2	2	52	-0,2	-0,3
Прошу прощения, но я еще не читал /книга/.	70	9	21	456	69	10	21	454	0,3	0,0
77. Важно, чтобы никто не тормозил /работа/, которая начата нами.	87	3	10	39	88	8	4	52	-0,1	-1,1
Важно, чтобы никто не тормозил /работа/.	94	0	6	51	95	3	3	39	-0,2	-0,7
87. Здесь нельзя построить /мост/, который соединял бы два острова.	95	3	3	39	96	2	2	52	-0,2	-0,3
Здесь нельзя построить /мост/.	70	9	21	456	69	10	21	454	0,3	0,0
97. Мы не могли перенести в соседнюю комнату /шкаф/, который стоит в углу.	87	3	10	39	88	8	4	52	-0,1	-1,1
Мы не могли перенести /этот шкаф/ в соседнюю комнату.	94	0	6	51	95	3	3	39	-0,2	-0,7
Всего	70	9	21	456	69	10	21	454	0,3	0,0

8. Одушевленное имя как дополнение

8. Не люблю новая начальница. Она не дает нам работать в помое.
Не люблю телефизор. Он уводит человека от размышления.
18. Он никак не мог остановить /Маша/.
Он никак не мог остановить /машина/.
28. Он так и не покидал /свой жена/.
Он так и не покидал /рабочее место/.
38. Учитель не хотел сажать /Нина/ на первый ряд.
Учитель не хотел ставить /цветы/ на стол.
48. Он не был в силах унести /холодильник/.
Он не был в силах унести /холодильник/.
58. Мы в конце концов не купили /та собака/.
Мы в конце концов не купили /га стиральная машина/.
68. Я не хотел оставлять /мил/ дома.
Я не хотел оставлять /свой плащ/ в гардеробе.
78. Ты не видел /Наташа/?
Ты не видел /мои очки/?
88. Я еще не знаю /наша новая соседка/.
Я еще не знаю /русский язык/.
98. Она никогда не брала /дочка/ за руку.
Она никогда не брала /сумка/ с собой.

ВСЕГО

	С ПРИЗНАКОМ			без ПРИЗНАКА		
	A	A/G	G	A	A/G	G
94	2	4	52	82,5	2,5	15
97,5	2,5	0	40	94	6	0
69	17	13	52	40	37,5	22,5
100	0	0	40	94	6	0
98	2	0	51	100	0	0
95	2,5	2,5	40	83	10	8
100	0	0	52	92,5	5	2,5
90	5	5	39	63	29	8
67	29	4	52	31	28	41
97	0	3	39	67	27	6
ВСЕГО	90	7	3	457	75	15
				9	457	6,1
					3,8	

9. Совершенный вид глагола

9. я не перечислю /многочисленные примеры/ этого рода.
я не буду переносить /многочисленные примеры/ этого рода..

19. Несмотря на эффективность этого прибора, он не получил
/широкое применение/.

29. Мы не намерены дать /привилегии/ никакой группе людей.
мы не намерены давать /привилегии/ никакой группе людей.

39. Нельзя открыть /окно/, оно заперто.
Нельзя открыть /окно/, я простужен.

49. Я уверен, что не прочту /эта книга/.
Я уверен, что не буду читать /эта книга/.

59. Я не повторю /лифры/, поскольку они всем известны.
я не буду повторять /лифры/, поскольку они всем известны.

69. Я не сделаю /открытие/, если скажу, что ...
не буду делать /открытие/, если скажу, что ...

79. Здесь нельзя перейти /улица/.
Здесь нельзя переходить /улица/.

89. Мы не можем решить /этот вопрос/ без вашей помощи.
Мы не можем решать /этот вопрос/, поскольку некоторые от-
сутствуют.

99. Нельзя отложить /собрание/.
Нельзя откладывать /собрание/.

9. Совершенный вид глагола	С признаком									
	A	A/G	G	и	и	и	и	и	и	без
										признака
9. Я не перечислю /многочисленные примеры/ этого рода.	40	10	50	52	55	7,5	37,5	40	-1,4	-1,2
я не буду перечислять /многочисленные примеры/ этого рода.	0	12,5	87,5	40	0	12	88	52	0,0	0,1
19. Несмотря на эффективность этого прибора, он не получил /широкое применение/.	71	6	22	49	52,5	15	32,5	40	1,8	1,1
Несмотря на эффективность этого прибора, он не получал /широкое применение/.	0	2,5	40	94	2	4	52	0,9	0,4	
49. Мы не намерены дать /привилегии/ никакой группе людей.	71	25	4	51	87,5	10	2,5	40	-2,0	-0,4
Мы не намерены дать /привилегии/ никакой группе людей.	0	12,5	40	69	17	13	52	0,4	0,1	
39. Нельзя открыть /окно/, оно заперто.	12	42	46	52	32,5	12,5	55	40	-2,4	0,9
Нельзя открыть /окно/, я простужен.	0	39	90	6	4	52	0,9	0,3		
49. Я уверен, что не прочту /этакий книга/.	71	25	4	51	87,5	10	2,5	40	-2,0	-0,4
Я уверен, что не прочту /этакий книга/.	0	12,5	40	69	17	13	52	0,4	0,1	
59. Я не повторю /цифры/, поскольку они всем известны.	72,5	15	12,5	40	69	17	13	52	0,4	0,1
Я не буду повторять /цифры/, поскольку они всем известны.	0	39	90	6	4	52	0,9	0,3		
69. Я не сделала /открытие/, если скажу, что ...	12	42	46	52	32,5	12,5	55	40	-2,4	0,9
Не буду делать /открытие/, если скажу, что ...	0	39	90	6	4	52	0,9	0,3		
79. Здесь нельзя перейти /улица/.	95	3	3	39	90	6	4	52	0,9	0,3
Здесь нельзя переходить /улица/.	0	12	4	51	95	0	5	39	-1,8	0,2
89. Мы не можем решить /этот вопрос/, поскольку некоторые отсутствуют.	84	12	4	51	95	0	5	39	-1,8	0,2
Мы не можем решить /этот вопрос/, поскольку некоторые отсутствуют.	0	39	87	10	4	52	0,4	0,3		
99. Нельзя отложить /собрание/.	90	8	3	39	87	10	4	52	0,4	0,3
Нельзя откладывать /собрание/.	0	14	24	453	66	9	24	459	-1,3	0,0
Всего	62	14	24	453	66	9	24	459	-1,3	0,0

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

10. Слово еще перед частицей не
10. Завод еще не получил /новые станки/.
- Завод не получил /новые станки/.
20. Он еще не написал /статья/.
- Он не написал /статья/.
30. Я еще не читал /сегодняшняя газета/.
- Я не читал /сегодняшняя газета/.
40. Я еще не достал /билеты/ на "Щелкунчика".
- Я не достал /билеты/ на "Щелкунчика".
- Я не достал /билеты/ на "Щелкунчика".
50. Тогда он еще не знал /моя сестра/.
- Тогда он не знал /моя сестра/.
60. Она пришла поздно домой и из-за этого еще не готовила /обед/.
- Она была одна дома и из-за этого не готовила /обед/.
70. /Мое заявление/ еще не вернули.
- /Мое заявление/ не вернули.
80. В этом журнале еще не публиковали /его статья/.
- В этом журнале не публиковали /его статья/.
90. Нельзя было еще проводить /эксперимент/.
- Нельзя было проводить /эксперимент/.
100. Ректор еще не принимал /депеlegация/.
- Ректор не принимал /депеlegация/.

	С ПРИЗНАКОМ						без ПРИЗНАКА					
	A	N/G	G	n	A	A/G	G	n	A	A/G	G	n
38	28	34	50	35	20	45	40	0,3	1,1	t_{α}	t_{β}	
80	12,5	7,5	40	50	40	10	52	3,2	0,4			
54	38	8	50	55	32,5	12,5	40	-0,1	0,7			
77,5	15	7,5	40	62	21	17	52	1,6	1,4			
49	41	10	51	67,5	22,5	10	40	-1,8	0,0			
				76	18	7	91					
85	9	7	91									
52,5	25	22,5	40	54	27	19	52	-0,1	-0,4			
94	0	6	52	92	5	3	39	0,4	-0,7			
82	8	10	39	75	21	4	52	0,8	-1,1			
всего	65	22	13	362	61	24	15	367	1,1	0,8		

148 По техническим причинам это предложение (60.), так же, как и предложения 70. и 95., встречаются в вопросниках только в одном варианте и, таким образом, не могут быть использованы при сопоставлении предложений с признаком и без признака. Результаты этих предложений исключены из общих цифр, касающихся данных факторов.

Комментарии к таблице 2:

1. Данный признак показывает самые высокие оценки t . Хотя эти оценки в значительной степени зависят от того, какие предложения вообще попали в эксперимент, можно утверждать, что признак "усиленное отрицание" очень существенно сказывается на выборе падежа, увеличивая долю род. падежа почти до 100%, однако и здесь, согласно большей части информантов, при благоприятных условиях возможны отклонения от общей тенденции.
2. Во всех случаях, когда доля G была в предложении с усиленным отрицанием меньше 80%, род. падеж отвергли (значит, $A + A/G$) в соответствующем предложении без этого признака 80% или больше информантов.
3. Результаты позволяют обобщенно утверждать, что в предложении, в котором хотя бы одна треть информантов принимает род. падеж ($G + A/G$), после добавления в него слов *никакой* или *ни один* род. падеж принимается практически всеми.

Комментарии к таблице 3:

1. Сопоставимость в этих парах предложений не так очевидна, как во многих других, поскольку не всегда можно найти подходящие конструкции для сравнения. Тем не менее результаты, на наш взгляд, бесспорно показывают, что в предложениях с двойным управлением доля вин. падежа превышает его долю в предложениях с "обычным" управлением.
2. В предложении со *сказуемым считать* (23.) род. падеж принимался чаще, чем в других случаях. Напомним, что во многих работах именно эта конструкция отмечается в числе факторов, обусловливающих употребление вин. падежа. Однако, наше предложение содержит признак, оказывающий противоположное влияние (*ни один*). Двойное управление здесь сильнее по своему значению, чем усиленное отрицание.
3. Примеры дают наглядный материал для того, чтобы проиллюстрировать сферу действия отрицания. Например, в предложении 53. явно отрицается не связь между сказуемым и дополнением, а связь между сказуемым и членом предложения в твор. падеже, а в предложении 13. отрицание направляется, по крайней мере частично, и на дополнение.

Комментарии к таблице 4:

1. В основной массе предложений с двумя инфинитивами доля вин. падежа превышает 90%. Но поскольку в предложениях с одним инфинитивом доля вин. падежа тоже весьма высока, разница в долях вин. падежа часто оказывается несущественной.
2. В предложениях 54. и 64. значение дополнения отвлеченное и/или действие имеет обобщенный характер. В этих случаях доля вин. падежа чуть меньше, чем в других.
3. Пример 74. любопытен тем, что в нем доля А в предложении с признаком была ниже, чем в предложении без признака. Здесь, видимо, играет определенную роль семантика глагола *бояться* /ср.: Davison 1967, 48-49/.
4. В предложении 94. конкурируют два сильных признака.

Комментарии к таблице 5:

1. В предложениях, которые сопоставлялись с конструкциями, включающими причастный или деепричастный оборот, мы постарались сохранить семантику и структуру главной части предложения. Оказалось, что в (дее) причастных оборотах доля род. падежа существенно выше, чем в соответствующих предложениях без такого оборота.
2. Меньше всего, иногда практически нет, разницы в случаях, если в сопоставляемом предложении (дее) причастный оборот заменился придаточным с *который* (5., 45., 85.).

Комментарии к таблице 6:

1. Общая картина, создаваемая результатами эксперимента, явно поддерживает взгляд, согласно которому отвлеченные имена более склонны стоять в род. падеже, чем имена конкретные, однако в отдельных случаях ситуация оказывается сложнее. Следует также отметить, что и при отвлеченных именах вин. падежа принимался в среднем чаще, чем родительный.
2. В предложении 36. доля вин. падежа заметно больше при отвлеченном дополнении, чем при конкретном. Здесь необходимо иметь в виду, что, во-первых, слово *результат*, хотя и является более "конкретным", чем слово *объяснение*, не обладает такой степенью конкретности, как, скажем, слово *квартира*, во-вторых,

может быть, не без значения и форма мн. числа слова *результат*.

3. В предложениях, в которых не наблюдалось существенной разницы между ответами, как правило, слова, употребляемые в функции дополнения, близки по семантике, ср. например: *двоение : ударение, фонарь : свет.*

Комментарии к таблице 7:

1. Эксперимент не показал никакой разницы в выборе падежа в предложениях, в которых в одном было придаточное со словом *который*, а в другом нет. Отдельные примеры свидетельствуют об этом же (единственное исключение - предложение 7.).

Комментарии к таблице 8:

1. Разница в употреблении вин. и род. падежей между дополнениями, выраженным одушевленным именем, и дополнениями, выраженным неодушевленным именем, приблизительно такого же порядка, как было отмечено между конкретными и отвлеченными именами. Отчетливее всего это проявляется в предложениях, в которых "степень обобщенности" не изменяется при замене дополнения (58., 78., 98.).

Комментарии к таблице 9:

1. Связь вида глагола с выбором падежа дополнения - один из самых интересных вопросов в пределах этой проблематики, и не только в силу того, что мнения исследователей здесь расходятся, но и с точки зрения общей теории аспектологической системы русского языка. Общие результаты нашего эксперимента как таковые не позволяют сделать заключение о соотношении вида глагола и падежа дополнения. Вин. падеж встречался даже чаще при глаголе нес. вида, чем при глаголе сов. вида, т.е. предположения исследователей о предпочтении вин. падежа при сов. виде оказываются необоснованными.

2. Для более подробного анализа случаев целесообразно выделить те предложения (9., 49., 59., 69.), в которых при употреблении нес. вида появляется инфинитив (будущее сложное). Таким образом получим следующие результаты:

будущее время

сов. 47-24-29 ($n = 195$) нес. 62-12-26 ($n = 172$) $t_a -3,4$ $t_g -0,6$

другие случаи

сов. 73-7-20 ($n = 258$) нес. 69-7-23 ($n = 287$) $t_a 0,3$ $t_g 0,9$

Оказывается, что будущее время – как легко понять – образует особый случай в этом вопросе. Вообще на основе эксперимента можно сделать только очень некатегорический вывод: вид глагола не оказывает или оказывает только слабое влияние на выбор падежа; возможно, что при отдельных группах глаголов или при определенных значениях видов глагола наблюдается более заметная связь между видом и формой дополнения. Для выяснения вопроса нужна еще серия экспериментов такого рода.

Комментарии к таблице 10:

1. Можно предположить, что слово *еще* уменьшает силу отрицания: отрицание "полное" только в настоящий момент, а шире на временной оси оно теряет свое содержание. Согласно общим правилам выбора падежа это означало бы склонность к употреблению вин. падежа. Результаты эксперимента не позволяют ни принять, ни отвергнуть это положение. Привлекают внимание большие расхождения в результатах, касающихся разных предложений. Видимо, употребление слова *еще* оказывает определенное влияние не только на "силу" отрицания, но и на другие действующие факторы, например, на обобщенность/детерминированность значения предложения, на возможность логическим ударением подчеркивать разные члены предложения и т.д. И здесь необходимо провести еще дополнительные эксперименты.

3.6. Выводы

1. Главной целью эксперимента было выяснить, можно ли посредством такого рода исследования получить информацию о значении отдельных признаков при выборе падежа. Результаты, на наш взгляд, дают повод утверждать, что анкетирование – весьма эф-

фективный и надежный прием для получения точных данных, нужных для выводов. Лучше всего подобный эксперимент подходит к изучению таких признаков, о которых спорят, обусловливают они или нет употребление того или иного падежа. Если еще несколько увеличить и число примером в вопроснике, и число информантов, можно, действительно, доказать влияние каждого отдельного фактора.

О "силе" признаков результаты эксперимента дают двоякую количественную информацию. С одной стороны, можно узнать среднюю долю принятия вин. и род. падежей при наличии рассматриваемого признака. Это создает общую картину о значении признака, как и статистические исследования речевого материала, но лишь с той разницей, что на этот раз результаты касаются непосредственно нормы, а не узуса. С другой стороны, критерии t позволяют наглядно показать значение изучаемого признака при выборе падежа по сравнению со случаями без этого признака.

При анкетировании такого рода нередко выражается мысль, что эксперимент отражает только мнение информантов. Это совершенно верно. Генеральную совокупность здесь, строго говоря, составляют студенты-филологи (нерусисты) МГУ. Однако, как показывают массовые обследования широких слоев населения, различия в ответах между разными социальными группами - хотя явно ощущимы - все-таки не очень существенны. Кроме того, можно предположить, что различия касаются прежде всего общей роли предпочтения того или иного падежа, и в меньшей мере влияния какого-либо отдельного фактора на выбор падежа. Можно также напомнить, что изучение речевого материала тоже редко распространяется на РЕЧЬ всего народа.

Отметим еще два момента, которые были в эксперименте учтены, но которые, может быть, требуют в дальнейших исследованиях еще более тщательного внимания. В таких экспериментах важно, чтобы предложения, предлагаемые в вопроснике, не вызывали никаких претензий у информантов. Бывает, что взятый из литературы пример вне контекста кажется неправильным или, по крайней мере,

неестественным. Такие ощущения могут мешать информанту в оценке предложения. Также нужно еще более тщательно продумать пары предложений, чтобы в них, кроме изучаемого признака, не оказалось других, влияющих на выбор падежа, различий.

2. Второй целью эксперимента было: предварительно изучить значение десяти признаков при выборе падежа. Все признаки, обуславливающие, согласно Грамматике 1980, или обязательное употребление вин. падежа, или обязательное употребление род. падежа, оказались, действительно, мощными факторами. Статистически очень существенные различия наблюдались между предложениями с глаголом *иметь*, усиленным отрицанием и двойным управлением и соответствующими предложениями без этих признаков. Менее существенна разница между предложениями с одним и двумя инфинитивами. Ни в одном из случаев доля предпочтения того падежа, который в Грамматике 1980 отмечается как обязательный, не поднялась выше 90%. Напомним, однако, что это не обязательно показывает различие в мнениях по отношению к выбору падежа в отдельных предложениях, а скорее свидетельствует о различии в мнениях разных информантов.

Из признаков, которые, согласно Грамматике 1980, обусловливают менее обязательное употребление вин. или род. падежа, "(дее)-причастный оборот", "одушевленное дополнение" и "конкретное дополнение" оказали весьма существенное влияние на выбор падежа, но признак "придаточное с союзным словом *который* после дополнения", по данным эксперимента, не имеет значения в этом вопросе. Также два фактора, "вид глагола" и "*еще* перед *не*", не получили статуса признака, влияющего на выбор падежа.

3. Кроме того, мы хотели выяснить выбор падежа в случаях, когда в предложении имеются одновременно признаки с противоположными значениями. Отметим сначала, что уже с теоретической точки зрения немыслима ситуация, где два признака, которые могут встречаться в одном и том же предложении (например, "усиленное отрицание" и "двойное управление"), обусловливали бы обязательное употребление того или иного падежа. В экспери-

мент были включены только некоторые предложения этого рода (чтобы не затуманить общую картину значения признаков). Однако, уже на основе этих примеров можно предположить, что путем включения в предложение признаков, конкурирующих между собой, можно было бы выяснить иерархическую систему признаков.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении работы нам хотелось бы наметить перспективы исследования вопроса. Несмотря на то, что изучению выбора падежа дополнения при отрицании посвящено немало научных трудов, многие вопросы, как мы пытались доказать, все еще ждут своего решения. Нам кажется, что в дальнейших исследованиях теоретические рассуждения, проведенные нами во второй части монографии, а также замечания по отдельным факторам в главе 1.2. могут способствовать более точному определению целей изучения и таким образом привести и к более точным и определенным результатам и выводам. Используя введенные нами понятия, поставим некоторые конкретные задачи для исследования данного вопроса.

1. Признаки. Требует еще выяснения роль некоторых признаков при выборе падежа, например, таких, как "усиленное отрицание", "слова на -а", "число дополнений" и др. Такое изучение можно осуществить и по отношению к узусу (используя речевой материал), и по отношению к (коллективной) норме (лучше всего, используя анкетирование). В том и другом случае нужно пользоваться такими приемами изучения, которые позволяют исключить влияние других факторов.

Одной из целей изучения является также построение иерархической системы признаков. Это можно сделать, во-первых, так, чтобы создать подтвержденный тщательным анализом фактов список, в котором признаки следовали бы в определенном порядке в зависимости от силы действия.

Другой вариант, который представляется не менее интересным, заключается в следующем: определяется с помощью разного рода исследований оценка "силы" каждого признака, т.е. то, как сильно каждый признак обусловливает употребление одного из этих падежей. Потом можно на конкретных примерах тестировать правильность принятых решений. Возьмем гипотетический пример. Мы выяснили, что признак "усиленное отрицание" очень сильно обуславливает употребление род. падежа, т.е. отрицает вин. падеж (-).

"Очень сильно" охарактеризуем оценкой -5. Признак "конкретность дополнения" обусловливает употребление вин. падежа си-лой +1. Если эти признаки встречаются в одном и том же предложении, с большой вероятностью будет употреблен род. падеж, поскольку сумма признаков заметно ниже нуля (-4). Если же сумма признаков оказывается нулем или близко к нему (-1 или +1), при выборе падежа наблюдается определенное варьирование. При проверке такого рода "оценочной" системы признаков может оказаться весьма полезной ЭВМ.

Наши знания о социальном и географическом варьировании при оценке правильности употребления того или иного падежа при отрицании еще весьма скучны. Мы знаем также мало о варьировании на плоскости РЕЧИ, об употреблении падежей в этих конструкциях в разных стилях, подъязыках. На основе некоторых изложенных взглядов можно сказать, что не совсем ясны также и тенденции развития употребления вин. и род. падежей при отрицании в течение последних десятилетий.

2. Объяснения. Согласно нашим соображениям, определенное влияние отдельных признаков при выборе падежа образует необходимую базу для разъяснения влияния причин-объяснений на данный выбор. Нам кажется, что, используя результаты более точных исследований, раскрывающих действительное значение разных признаков, а также применяя и развивая метод квазипризнаков, можно - вместо обычно весьма абстрактных и дискуссионных рассуждений - дать более точные объяснения. Далее, при анализе иерархической системы объяснений, можно прибегнуть к тем же приемам, что и при изучении признаков.

ПРИЛОЖЕНИЕ: вопросник Б

Как известно, прямое дополнение при глаголе с отрицанием может стоять в винительном и родительном падежах. Проводимый эксперимент направлен на выяснение некоторых явлений, связанных с данным вопросом. Предложенная анкета содержит сто отрицательных предложений русского языка. В каждом из них вам предлагается два варианта для формы дополнения: один в винительном падеже, другой в родительном падеже. Ваша задача заключается в том, чтобы вы подчеркивали в каждом предложении тот вариант, который вы считаете правильным. Если по вашему мнению оба варианта правильны, подчеркивайте и тот, и другой. Просим отвечать аккуратно, однако, не задумываясь над каждым предложением.

1. Они все еще не купили машину машины.
2. Если не принимать никакие меры, сможет случиться все что угодно. никаких мер,
3. Уверен, что это не будет доставлять затруднение. затруднения.
4. Он не хочет писать мемуары. мемуаров.
5. Ни один трудовой коллектив не может готовиться к коммунистическому субботнику, не определяя для себя напряженную программу работы. напряженной программы работы.
6. Я никак не могу найти выход из положения. выхода из положения.
7. Наша команда сегодня не показала интересную игру. интересной игры.
8. Не люблю новую начальницу. Она не дает нам работать в покое. новой начальницы.
9. Я не перечислю многочисленные примеры этого рода. многочисленных примеров этого рода.
10. Завод еще не получил новые станки. новых станков.
11. Не иметь жену - значит жить трудно. жены
12. Она еще не знает девушку из соседнего дома. девушки из соседнего дома.
13. После этого уже нельзя будет привести новые данные. новых данных.
14. Я не мог просить его передать это письмо, так как он не заходил к нам. этого письма,
15. Доверие друга не приобретешь, не говоря ему всегда правду. правды.
16. Любить женщин можно, но дарить им кое-какие подарки кое-каких подарков не стоит.
17. Хорошее начало работы не дает поводы, которые позволили бы нам успокоиться. поводов,
18. Он никак не мог остановить машину. машины.
19. Несмотря на эффективность этого прибора он не получал широкое применение. широкого применения.

20. Он не написал статью.
статьи.
21. Она не взяла деньги с собой.
денег
22. Родители не принимали во внимание никакие интересы никаких интересов подростка.
23. Он не смотрел ни один фильм.
одного фильма.
24. Мы не мешали ему соблюдать осторожность осторожности в работе.
25. Ему не удавалось побывать в городе, не встречая свою жену.
своей жены.
26. Мы не скрываем свои взгляды.
своих взглядов.
27. Я не буду перечислять многочисленные эксперименты, приведенные многочисленных экспериментов, приведенных нами.
28. Он так и не покидал свою жену.
своей жены.
29. Мы не намерены дать привилегии никакой группе людей.
привилегий
30. Я еще не читал сегодняшнюю газету.
сегодняшней газеты.
31. По всей вероятности, это не имеет влияние на ход событий.
32. Он не делал попытки попыток выйти из положения.
33. Я не могу перевести этот текст этого текста на русский язык.
34. Не стоит стараться достать билеты.
билетов.
35. Многие из них уделяют вопросам качества все еще мало внимания, не соблюдая технологическую дисциплину.
технологической дисциплины.
36. В конце концов она не дала объяснение.
объяснения.
37. Я еще не пробовал торт, торта, который ты нам подарил.
38. Учитель не хотел ставить цветы цветов на стол.
39. Нельзя открывать окно, я простужен.
окна,
40. Я не достал билеты билетов на "Щелкунчика".
41. О таких делах мы не вели разговор.
разговора.
42. В течение всего семестра мы не делали ни один опыт одного опыта по физике.
43. Ее работу Ее работы нельзя исправить.

44. Он не начал составлять доклад.
доклада.
45. Преподаватели, не защитившие докторскую диссертацию, не могли быть
докторской диссертации, избраны повторно на должность заведующего кафедрой.
46. Мы не брали пример с него.
примера
47. Вот почему мы не открывали дверь, хотя по ней долго стучали.
двери,
48. Он не был в силах унести пьяницу.
пьяницы.
49. Я уверен, что не прочту эту книгу.
этой книги.
50. Тогда он еще не знал мою сестру.
моей сестры.
51. Я не имею разрешение управлять этой машиной.
разрешения
52. Я не взял у Саши новые книги.
новых книг.
53. Все удивились тому, что он не начал свою речь своей речи анекдотом.
54. Ему не приходилось привыкать делить счастье с другими.
счастья
55. Машины, работающие на линии, часто не заканчивают работу.
работы.
56. Здесь нельзя ставить двоеточие.
двоеточия.
57. Вероятно, я уже никогда не надену этот замечательный костюм,
этого замечательного костюма, который так идет мне.
58. Мы в конце концов не купили ту стиральную машину.
той стиральной машины.
59. Я не буду повторять цифры, поскольку они всем известны.
цифр,
60. Она была одна дома и из-за этого не готовила обед.
обеда.
61. Они не приобрели собаку, хотя дети очень хотели.
собаки,
62. Не трогай ни одну газету, - сказала Наташа сердитым голосом.
ни одной газеты,
63. Нельзя было выделить желток.
желтка.
64. Он не старался иметь возможность на осуществление плана.
возможности
65. Люди, достигшие пенсионного возраста, нередко остаются работать, не
получая пенсию.
пенсии.
66. Он не любит составлять ей компанию.
компании.

67. Прошу прощения, но я еще не читал книгу, которую ты мне дал.
68. Я не хотел оставлять Милу дома.
69. Я не сделаю открытие, если скажу, что...
70. Мое заявление Моего заявления еще не вернули.
71. Мы не имеем достаточные данные достаточных данных для завершения работы.
72. В этом году профессор Лебедев не читал лекции. лекций.
73. Такие мероприятия еще не делают искусство искусства достоянием народа.
74. Он не боялся учить своего сына печь пироги. пирог.
75. Районное производственное управление не принимало эти планы. этих планов.
76. Я еще не успел снять копию копии с листа.
77. Важно, чтобы никто не тормозил работу. работы.
78. Ты не видел мои очки? моих очков?
79. Здесь нельзя переходить улицу. улицы.
80. В этом журнале не публиковали его статьи. его статьей.
81. Я не потерял желание делать все это один.
82. Мои товарищи, к моему огорчению, не прислали мне ни одно письмо. ни одного письма.
83. Было невозможно объединить все группы. всех групп.
84. Я не собираюсь выполнить свои обязанности. своих обязанностей.
85. По всей стране много машин-ветеранов, еще не покинувших дорогу. дороги.
86. Ему не хотели давать слово. слова.
87. Здесь нельзя построить мост, который соединял бы два острова.
88. Я еще не знаю нашу новую соседку. нашей новой соседки.
89. Мы не можем решить этот вопрос без вашей помощи. этого вопроса.
90. Нельзя было еще проводить эксперимент. эксперимента.

91. Он еще не имеет нужные для своей работы словари.
нужных для своей работы словарей.
92. В этом сезоне Никитин не играл роль Олега.
роли
93. Эту рукопись нельзя относить к тому времени.
этой рукописи
94. Я не хочу заставлять его решить ни одну задачу.
ни одной задачи.
95. Достичь таких результатов невозможно, не используя современную технику.
современной техники.
96. Не гаси фонарь, а то будет совсем темно.
фонаря,
97. Мы не могли перенести этот шкаф в соседнюю комнату.
этого шкафа
98. Она никогда не брала сумку с собой.
сумки
99. Нельзя откладывать собрание.
собрания.
100. Ректор не принимал делегацию.
делегации.

ЛИТЕРАТУРА

А

- АДАМЕЦ 1973 = П. Адамец. *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка 1: однобазовые предложения*. Прага 1973.
- АЛЕКСЕЕВ 1977 = П.М. Алексеев. *Квантитативные аспекты речевой деятельности. Языковая норма и статистика*. М. 1977, 43-58.
- АЛЕХИНА 1975 = М.И. Алексина. *Категория определенности-неопределенности предмета в современном русском языке*. Автореф. канд. дисс. М. 1975.
- АНДРЕЕВА-ГЕОРГ, ТОЛМАЧЕВА 1975 = В. Андреева-Георг, В. Толмачева. *Русский глагол: предложное и беспредложное управление*. М. 1975.
- АПРЕСЯН 1966 = Ю.Д. Апресян. *Идеи и методы современной структурной лингвистики*. М. 1966.
- АПРЕСЯН 1971 = Ю.Д. Апресян. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики. *Вопросы языкознания*, 1971, 1, 22-36.
- АПРЕСЯН И ДР. 1978 = Ю.Д. Апресян, И.Л. Иормин, Н.С. Перцов. *Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка*. *Македонски јазик XXIX*, 1978, 125-171.

Б

- БАРСОВ 1880 = А. Барсов. *Значение и зависимость падежей и их соотношение между собою. Филологические записки*, вып. 3, Воронеж 1880, 1-16.
- БАРСОВ 1981 = А.А. Барсов. *Российская грамматика*, под. ред. и с предисловием Б.А. Успенского. М. 1981.
- БЕЛЕВИЦКАЯ-ХАЛИЗЕВА И ДР. б.г. = В.С. Белевицкая-Хализева, Н.Н. Белякова, Г.Ф. Воробьева и др. *Сборник упражнений по синтаксису русского языка с комментариями. Простое предложение*. М. без года.
- BERESFORD 1968 = V. Beresford. *The Genitive and Accusative in Negative Constructions. Association of Teachers of Russian Journal* 17, 1968, 26-31.
- BERNEKER 1904 = E. Berneker. *Der Genitiv-Accusativ bei belebten Wesen im Slavischen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen XXXVII*, 1904, 364-386.
- BIRKENMAIER 1979 = W. Birkenmaier. *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache* (= Forum Slavicum 34). München 1979.
- BIRNBAUM 1970 = H. Birnbaum. *Problems of Typological and Genetic Linguistics Viewed in a Generative Framework*. (= Janua Linguarum, series minor 106) The Hague, Paris 1970.
- БОГДАНОВА 1911 = М. Богданова. *Прилаголниятъ родителенъ и винителенъ падежъ въ славянските езици*. *Известия на семинара по славянска филология при Университета въ София*, книга III (за 1908-1910 год.), София 1911, 377-384.
- БОГОРОДИЦКИЙ 1912 = В. Богородицкий. *Синтаксис родительного падежа в русском языке*. *Русский филологический вестник* 68, 1912, 211-225.
- БОГОРОДИЦКИЙ 1913₄ = В.А. Богородицкий. *Общий курс русской грамматики*. Казань 1913.
- БОГУСЛАВСКИЙ 1982а = И.М. Богуславский. *Отрицание и противопоставление. Проблемы структурной лингвистики* 1980. М. 1982, 63-76.
- БОГУСЛАВСКИЙ 1982б = И.М. Богуславский. *Синтаксис отрицательных предложений. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974-1978 гг. Синтаксис*, под. ред. В.В. Иванова. М. 1982, 71-83.
- БОНДАРЕНКО 1983 = В.Н. Бондаренко. *Отрицание как логико-грамматическая категория*. М. 1983.
- БОРКОВСКИЙ 1949 = В.И. Борковский. *Синтаксис древнерусских грамот*. Львов 1949.
- БОРКОВСКИЙ 1978 = Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение, под. ред. В.И. Борковского. М. 1978.

- БОРКОВСКИЙ, КУЗНЕЦОВ 1965 = В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М. 1965².
- BORRAS, CHRISTIAN 1959 = F.M. Borras, R.F. Christian. *Russian Syntax: Aspects of Modern Russian Syntax and Vocabulary*. Oxford 1959.
- BRAUN б.г. = M. Braun. *Grundzüge der slavischen Sprachen*. Göttingen без года.
- БУДАГОВ 1953 = Р.А. Будагов. *Очерки по языкоznанию*. М. 1953.
- БУЛАХОВСКИЙ 1937 =₂ Л.А. Булаховский. *Курс русского литературного языка*. Харьков 1937.
- БУЛАХОВСКИЙ 1954 = Л.А. Булаховский. *Русский литературный язык первой половины XIX века*. М. 1954.
- БУСЛАЕВ 1881 = Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М. 1881⁵.
- БУТОРИН 1953 = Д.И. Буторин. *Винительный и родительный падежи прямого объекта в русском литературном языке в XIX-XX веках*. Автореф. канд. дисс. Л. 1953.
- БУТОРИН 1966 = Д.И. Буторин. Об особых случаях употребления винительного прямого объекта в современном русском литературном языке. *Нормы современного русского литературного словоупотребления*. М. -Л. 1966, 125-136.
- БЫЛИНСКИЙ, РОЗЕНТАЛЬ 1957 = К.И. Былинский, Д.Э. Розенталь. *Литературное редактирование*. М. 1957.
- BABBY 1980 = L.H. Babby. *Existential Sentences and Negation in Russian*. (= *Linguistica Extranea, Studia 8*). Ann Arbor 1980.

В

- WARD 1965 = D. Ward. *The Russian Language Today: System and Anomaly*. London 1965.
- VAHROS 1951 = I. Vahros. Der Artikel im Russischen. *Neuphilologische Mitteilungen* LII, 1951, 30-44.
- VAHROS 1959 = I. Vahros. Venäjän genetiivi ja suomen partitiivi eritoten objektiin ja subjektiin kaasuuksina. *Verba docent*. Helsinki 1959, 269-285.
- VAILLANT 1977 = A. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves V: La syntaxe*. Paris 1977.
- WEXLER 1976 = P. Wexler. On the Non-lexical Expression of Determinidness (with Special Reference to Russian and Finnish). *Studia Linguistica* XXX: 1, 1976, 34-67.
- VEČERKA 1958 = R. Večerka. Střídání záporového genetivu se záporovým akusativem v staroslověnštině. *Studie ze slovanské jazykovědy* (Sborník k 70. narozeninám akademika Fr. Trávníčka). Praha 1958, 185-200.
- ВЕЧЕРКА 1963 = Р. Вечерка. Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага 1963, 183-223.
- VONDRAK 1928 = W. Vondrák. *Vergleichende slawische Grammatik II: Formenlehre und Syntax*. Göttingen 1928².
- ВОРОБЬЕВА и др. 1975 = Г.Ф. Воробьева, М.С. Панюшева, И.В. Толстой. Современный русский язык: синтаксис. М. 1975.
- ВОСТОКОВ 1831 = А. Востоков. Русская грамматика (по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная). СПб. 1831.

Г

- ГАЛКИНА-ФЕДОРУК 1951 = Е.М. Галкина-Федорук. Заперечні речення в російській і українській мовах. *Українська мова в школі*, 1951, 5, 21-31.
- ГАЛКИНА-ФЕДОРУК 1964 = Современный русский язык, ч. 2: Морфология, Синтаксис, под. ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М. 1964.
- ГВОЗДЕВ 1965 = А.Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М. 1965³.
- ГВОЗДЕВ 1968 = А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. 2: Синтаксис. М. 1968³.

- GLADROW 1972 = W. Gladrow. Das Zusammenwirken unterschiedlicher sprachlicher Mittel zum Ausdruck der Determiniertheit/Indeterminiertheit des Substantivs im Russischen. *Zeitschrift für Slavistik* XVII, 1972, 647-653.
- GLADROW 1979 = W. Gladrow. *Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen*. Leipzig 1979.
- ГОРБАЧЕВИЧ 1976 = К.С. Горбачевич. О распространении конструкций с винительным падежом в современном русском языке. *Русский язык в школе*, 1976, 6, 19-24.
- ГОРБАЧЕВИЧ 1978 = К.С. Горбачевич. *Нормы современного русского литературного языка*. М. 1978.
- ГРАММАТИКА 1954 = Грамматика русского языка II: синтаксис, часть первая. М. 1954.
- ГРАММАТИКА 1980 = Русская грамматика I, II, главный ред. Н.Ю. Шведова. М. 1980.
- ГРАУДИНА И ДР. 1976 = Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. *Грамматическая правильность русской речи*. М. 1976.
- ГРЕЧ 1828 = Н. Греч. *Начальные правила русской грамматики*. СПб. 1828.
- ГРЕЧ 1840 = Н. Греч. *Чтения о русском языке*, 2. СПб. 1840.
- GRETSCHE 1848 = N. Gretsch. *Praktisk rysk grammatik*. Tavastehus 1848².
- GREEN 1979 = B.D. Green. Factors in the Choice of the Case of Direct Objects after Negated Transitive Verbs in Russian. *The Slavonic and East European Review* 57: 2, 1979, 161-186.
- GUNDEL 1974 = J.K. Gundel. *The Role of Topic and Comment in Linguistic Theory*. Ph.D. dissertation. University of Texas, Austin 1974.
- GUNDEL 1977 = J.K. Gundel. Towards a more Adequate Description of Genitive Marking in Russian I. *Folia Slavica* I: 2, 1977. Columbus, Ohio 1977, 188-211.
- ГУРЬЕВА 1963 = Е.Гурьева. Объектные родительный и винительный падежи. Учебные записки Тартского государственного университета, 139 (= Труды по русской и славянской филологии, VI), Тарту 1963, 237-249.

Д

- DAHL 1969 = Ö. Dahl. *Topic and Comment: a Study in Russian and General Transformational Grammar* (= *Slavica Gothoburgensia* 4). 1969.
- DAHL, KARLSSON 1976a = Ö. Dahl, F. Karlsson. Verbal Aspects and Object Marking: A Comparison between Finnish and Russian. *International Review of Slavic Linguistics* I: 1, 1976, 1-29.
- DAHL, KARLSSON 1976b = Ö. Dahl, F. Karlsson. Verbien aspektit ja objektiin sijanmerkitä: vertailua suomen ja venäjän välillä. *Sananjälka* 18, 1976, 28-52.
- DELBRÜCK 1893 = B. Delbrück. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen* I. Strassburg 1893.
- ДЕРИБАС 1956 = Л.А. Дерибас. Прямое дополнение при переходном глаголе с отрицанием. *Русский язык в школе*, 1956, 2, 21-25.
- ДИМИТРОВА 1984 = С. Димитрова. Текст и подтекст (наблюдения над пресупозициями в русских дискурсах). София 1984.
- ДОБРОМЫСЛОВ, РОЗЕНТАЛЬ 1955 = В.А. Добромуслов, Д.Э. Розенталь. Трудные вопросы грамматики и правописания. М. 1955.
- ДОНЧЕВА 1962a = Л. Дончева. Выражение прямого дополнения в русских и болгарских отрицательных предложениях. *Годишник Софийския университет, филологически факултет*, LVI, 1962, 173-238.
- ДОНЧЕВА 1962b = Л. Дончева-Марева. Вытеснение родительного падежа винительным при переходных глаголах с отрицанием. *Материалы III-го Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма*, июнь 1960. М. 1962, 63-91.
- ДОНЧЕВА 1962b = Л. Дончева. Някои способи на изразяване категорията определеност/неопределеност в руските отрицателни изречения в сравнителен план с български език. *Език и литература*, 1962, 2, 25-40.

- ДОНЧЕВА 1964 = Л. Дончева. Об употреблении родительного и винительного падежей после переходных глаголов с отрицанием. *Русский язык в школе*, 1964, 6, 97-99.
- DRUIEN 1973 = R.F. Druien. *The Case Form for an Object of a Negated Transitive Verb in Russian with Comments of Ukrainian Usage*. Ph.D. dissertation. University of Michigan 1973.
- ДУДНИКОВ И ДР. 1981 = А.В. Дудников, А.И. Арбузова, И.И. Ворожбицкая. *Русский язык*. М. 1981³.
- DAVISON 1967 = R.M. Davison. *The Use of the Genitive in Negative Constructions. Studies in the Modern Russian Language* 2. Cambridge 1967, 34-64.

Е

- EVREINOV 1979 = I.A. Evreinov. A Note on Cancelling Negconcord in Russian Sentences with Universal Quantifiers. *Russian Language Journal XXXIII*; 114, 1979, 33-40.

З

- ЗВЕГИНЦЕВ 1977 = В.А. Звегинцев. Функция и цель в лингвистической теории. *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики* (= Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики, вып. 8). М. 1977, 120-145.

И

- ИВАНОВА 1955 = В.Ф. Иванова. Обсуждение второго тома "Грамматики русского языка". *Вопросы языкоznания*, 1955, 4, 148-151.
- ИЦКОВИЧ 1968 = В.А. Ицкович. *Языковая норма*. М. 1968.
- ИЦКОВИЧ 1974 = В.А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы 1-3. *Синтаксис и норма*. М. 1974, 43-106.
- ИЦКОВИЧ 1982 = В.А. Ицкович. *Очерки синтаксической нормы*. М. 1982.

К

- КАРАУЛОВ 1981 = Ю.Н. Караулов. Вторичные размышления об эксперименте в языкоznании. *Теория языка, методы его исследования и преподавания (К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Шербы)*. Л. 1981, 135-140.
- KARLSSON 1976 = F. Karlsson. *Johdatusta yleiseen kielitieteen*. Helsinki 1976.

- KARLSSON 1977 = G. Karlsson. *Suomen objektiin partitiivi- ja akkusatiivi-muotojen hierarkia. Kielitieteen päivät. Esitelmien ja raporttien tiivistelmät* 5, 1977, 18-19.

- KEIL 1971 = R.-D. Keil. Zur Wahl des Objektkasus bei verneinten Verben im modernen Russisch. *Zeitschrift für Slavische Philologie* XXXV, 1971, 109-133.

- KLENIN 1978 = E. Klenin. Quantification, Partitivity, and the Genitive of Negation in Russian. *International Review of Slavic Linguistics* III: 1-2, 1978, 163-182.

- KLENIN 1983 = E. Kleinin. *Animacy in Russian: a new Interpretation* (= UCLA Slavic Studies 6). Columbus, Ohio 1983.

- KLIMA 1959 = E.S. Klima. Three Articles on Accusative vs. Genitive, with Transitive Verbs and Negative Particle in Russian. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* I/II, 1959, 289-299.

- КОБОЗЕВА 1976а = И.М. Кобозева. Отрицание и пресуппозиции (в связи с правилом перенесения отрицания в русском языке). Автореф. канд. дисс. М. 1976.

- КОБОЗЕВА 1976б = И.М. Кобозева. Синтаксическое обоснование правила перенесения отрицания в русском языке. *Československá rusistika* XXI: 2, 1976, 54-62.

- КОМЛЕВ 1969 = Н.Г. Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. М. 1969.
- COMRIE, STONE 1978 = B. Comrie, G. Stone. *The Russian Language since the Revolution*. Oxford 1978.
- КОНОНЕНКО 1976а = Л.А. Кононенко. Отрицательные конструкции с родительным и винительным падежами в русском литературном языке XVIII века. *Синтаксис и интонация*. Уфа 1976, 88-94.
- КОНОНЕНКО 1976б = Л.А. Кононенко. Условия, способствующие употреблению объекта в форме винительного падежа при переходном глаголе с отрицанием в русском литературном языке XVIII века. *Вопросы синтаксиса русского языка*. Рязань 1976.
- CORBETT 1979 = G.G. Corbett. *Predicate Agreement in Russian* (= Birmingham Slavonic Monographs 7). Birmingham 1979.
- CORBETT 1983 = G.G. Corbett. *Hierarchies, Targets and Controllers Agreement: Agreement Patterns in Slavic*. London, Canberra 1983.
- KORN 1967 = D. Korn. Case Selection: Genitive or Accusative after Negation in Contemporary Russian? *The Modern Language Review* 62: 3, 1967, 486-497.
- KORN 1967а = D. Korn. Genitive or Accusative after Negation in Russian. *The Slavic and East European Journal* XI: 4, 1967, 442-449.
- КОСЕРИУ 1963 = E. Coseriu. *Sincronia, diacronia e historia*. Montevideo 1958. (Цит. по russk. пер. Синхрония, диахрония и история. *Новое в лингвистике III*, М. 1963, 143-343)
- КОССЕК 1973 = Н.В. Коссек. Выбор винительного/родительного падежа дополнения в зависимости от сферы действия отрицания. *Проблемы теории членов предложения*. Кишинев 1973, 54-58.
- КОССЕК, КОСТЮК 1982 = Н.В. Коссек, В.Н. Костюк. Сильное и слабое отрицание в русском языке. *Проблемы структурной лингвистики* 1980, М. 1982, 50-62.
- КОСТИНСКИЙ 1969 = Ю.М. Костинский. Подлежащее - в родительном падеже. *Русская речь*, 1969, 6, 50-56.
- KOUT 1956, 1957 = J. Kout. *Genetiv záporový v ruštině a češtině. Ruský jazyk*, 1956, VI, 440-450; 1957, VII, 13-24.
- КОУТ 1960 = И. Коут. Прямое дополнение в отрицательных предложениях в русском языке. *Русский язык в школе*, 1960, 2, 27-32.
- CROCKETT 1977 = D.B. Crockett. The Scope of Denial in Russian Negative Sentences. *Lingua* 43, 1977, 229-245.
- КРЫСИН 1974 = *Русский язык по данным массового обследования*, под. ред. Л.П. Крысина. М. 1974.
- KUBÍK ET AL. 1974 = M. Kubík, M. Bařčar, M. Dlouhý. *Синтаксис русского языка*. Praha 1974.
- КУЛАГИН 1959 = А.Ф. Кулагин. Формы выражения прямого дополнения при переходном глаголе с отрицанием. *Ученые записки Ульяновского гос. пед. института им. И.Н. Ульянова* XV: 1, 1959, 85-105. Ульяновск.

Л

- ЛАВРОВСКИЙ 1852 = П. Лавровский. *О языке северных русских летописей*. СПб. 1852.
- LYONS 1972 = J. Lyons. *Human Language. Non-Verbal Communication* ed. by R.A. Hinde. Cambridge 1972, 49-85.
- ЛИСТВИНОВ 1965 = Н.Г. Листвинов. *Вопросы стилистики русского языка*. М. 1965².
- LIUKKONEN 1973 = K. Liukkonen. Das Göttervandva im Slavischen (Versuch einer Erklärung des sog. Genetiv-Akkusativs). *Scando-Slavica* XIX, 1973, 249-253.
- ЛОМОВ 1966 = А.М. Ломов. Приглагольный родительный падеж объекта в языке XVII века. *Материалы по русско-славянскому языкознанию* 11. Воронеж 1966, 46-56.
- ЛОМОНОСОВ 1755 = М. Ломоносов. *Российская грамматика*. СПб. 1755.

ЛОМТЕВ 1971 = Т.П. Ломтев. Квантитативы современного русского языка. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М. 1971, 106-116.

М

MAGNER 1955 = T.F. Magner. Negation and Case Selection in Russian. *Word* 11, 1955, 531-541.

MAZON 1945 = A. Mazon. *Grammaire élémentaire de la langue russe avec exercices et textes*. Paris 1945.

MAZON 1978 = A. Mazon. *Grammaire de la langue russe*. Paris 1978⁴.

МАМОНОВ, РОЗЕНТАЛЬ 1957 = В.А. Мамонов, Д.Э. Розенталь. *Практическая стилистика современного русского языка*. М. 1957.

MARNITZ 1909 = L. von Marnitz. *Russische Grammatik auf wissenschaftliche Grundlage für praktische Zwecke bearbeitet*. Leipzig 1909³.

MARYNIAK 1956 = I. Maryniak. Употребление винительного падежа при отрицании в современном русском языке. *Mag. diss. Uniwersytet Warszawski* 1956.

MARYNIAK 1959 = I. Maryniak. Dopełnienie bliższe przy czasownikach zaprzeczonych we współczesnym rosyjskim języku literackim. *Slavia orientalis* VIII: 4, 1959, 111-119.

MATHESIUS 1926 = V. Mathesius. *New Currents and Tendencies in Linguistic Research*. Prague 1926.

MIKLÓSICH 1883 = F. Miklosich. *Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen*. Wien 1883².

МИЛЕНЦОВА 1982 = Н. Миленцова. Я не видел этот фильм или Я не видел этого фильма. *Ruštínár* 1982, 6, 22-23.

МИНКОВЪ 1911 = В. Минковъ. *Genetivus negationis*. Известия на семинара по славянска филология при Университета в София, книга III/за 1908-1910 год/. София 1911, 385-398.

MIŞAN 1969, 1970 = A. Mişan. Genitivul și acuzativul după verbele tranzitive cu negație în limba rusă. *Studia Universitatis Babes-Bolyai, Series philologia*, 1969, 2, 63-74; 1970, 1, 65-72.

MORAVCSÍK 1978 = E.A. Moravcsik. On the Case Marking of Objects. *Universals of Human Language* 4 (Syntax), ed. by. J.H. Greenberg. Stanford, California 1978, 249-289.

MORISON 1964 = W.A. Morison. Logical Stress and Grammatical Form in Russian. *The Slavonic and East European Review* XLII: 99, 1964, 292-311.

МУСТАЙОКИ 1980 = А. Мустайоки. Типы ударения имен существительных в современном русском литературном языке и их минимизация в учебных целях. Докт. дисс. (= *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja* 26). Хельсинки 1980.

МУСТАЙОКИ 1982 = А. Мустайоки. О частотных словарях. *Русский язык и литература в киргизской школе*, 1982, 5, 52-62.

MUSTAJOKI 1983 = A. Mustajoki. Lingvistisen tiedon perusteista. *Virittäjä*, 1983, 4, 519-523.

MUSTAJOKI, PIRINEN 1977 = A. Mustajoki, H. Pirinen (*Niemensivu*). *Venäjän kielen vaikeuksia*. Helsinki 1977.

MATTHEWS 1960 = W.K. Matthews. *Russian Historical Grammar*. London 1960.

Н

НЕКРАСОВ 1865 = Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб. 1865.

НЕКРАСОВ 1905 = Н. Некрасов. О знаменительных падежах: родительном и винительном в современном русском языке. *Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук* X: 2, СПб. 1905, 31-65.

NETSCHAJEWA б.г. = V.₂ Netschajewa. *Schwierigkeiten der Russischen Sprache*. Moskau без года.

- NOZSICKA 1978 = A. Nozsickska. Interpretative Regelschemata der Negation am Beispiel des Deutschen und Russischen. *Wiener Slawistischer Jahrbuch* 24, 1978, 210-241.
- NEWMAN 1978a = L.W. Newman. The Accusative Case in Russian. *Studies in Honour of Horace G. Lunt*, Part 1 (= *Folia Slavica* 2), ed. by E.A. Scatton, R.D. Steele and C.E. Gribble. Columbus, Ohio 1978, 255-272.
- NEWMAN 1978b = L.W. Newman. The Russian Case System Reconsidered. *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists*, vol. 1, Linguistics and Poetics. Columbus, Ohio 1978, 553-573.

О

- ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ 1907 = Д.Н. Овсянко-Куликовский. Грамматика русского языка. М. 1907.
- ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ 1912 = Д.Н. Овсянко-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб. 1912².
- ОЖЕГОВ 1955 = С.И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи. Вопросы культуры речи 1. М. 1955, 5-33.
- ОЗАРОВСКИЙ 1981 = О.В. Озаровский. Синонимия высказывания с разным расположением отрицания. Филологические науки, 1981, 3, 40-47.
- ОСТРЕМ 1906 = Н. Острем (Åström). Краткая русская грамматика. Helsingfors 1906².
- OJANEN 1972 = M. Ojanen. *Opi venäjää* 3. Kielioppi. Porvoo, Helsinki 1972².

П

- ПАДУЧЕВА 1969 = Е.В. Падучева. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. *Машинный перевод и прикладная лингвистика* 12, 1969, 5-35.
- ПАДУЧЕВА 1974 = Е.В. Падучева. О семантике синтаксиса (*Материалы к трансформационной грамматике русского языка*). М. 1974.
- ПАПИНА 1964 = А.Ф. Папина. Родительный и винительный падежи при глаголах с отрицанием в русском литературном языке конца XVIII - начала XIX вв. *Дослідження з української та російської мов*. Київ 1964, 197-211.
- ПАПП 1977 = К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. Курс современного русского языка, под. ред. Ф. Паппа. Budapest 1977.
- PEDERSEN 1916 = H. Pedersen. *Russisk grammatik*. København 1916.
- ПЕРКИЕНМЯКИ 1983 = П. Перкиенмяки. Винительный и родительный падежи прямого дополнения переходного глагола с отрицанием в творчестве А.С. Пушкина. Mag. diss. University of Helsinki. Хельсинки 1983.
- PETTERSON 1972 = T. Petterson. *On Russian Predicates (A Theory of Case and Aspect)* (= *Slavica Gothoburgensia* 5, Acta Universitas Gothoburgensis). 1972.
- ПЕШКОВСКИЙ 1938 = А.М. Пешковский. *Русский язык в научном освещении*. М. 1938⁶.
- ПИГИН 1962 = М.И. Пигин. Из истории отрицательных безличных предложений в русском языке. *Лингвистический сборник*, 1, 1961. Петрозаводск 1962, 16-45.
- ПОПОВА 1973 = З.Д. Попова. Винительный падеж при глаголах с отрицанием. *Русский язык за рубежом*, 1973, 2, 67-69.
- ПОТЕБНЯ 1874 = А. Потебня. Из записок по русской грамматике, 2 (Составные члены предложения и их замены в русском языке). Харьков 1874.
- PULKINA б.г. = I.M. Pulkina. *A Short Russian Reference Grammar*. М. без года².
- ПУЛЬКИНА, ЗАХАВА-НЕКРАСОВА 1975 = И.М. Пулькина, Е.Б. Захава-Некрасова. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. М. 1975⁵.
- ПЯЛЛЬ И ДР. 1962 = Э. Пялль, Э. Тотсель, Г. Тукумцев. Сопоставительная грамматика эstonского и русского языка для преподавателей и студентов. Таллин 1962.

Р

- РАВИЧ 1971 = Р.Д. Равич. О выборе падежа прямого дополнения при переходных глаголах с отрицанием в русском языке. Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М. 1971, 254-265.
- RESTAN 1959 = P.A. Restan. Konkurransen mellom nektet genetiv og nektet akkusativ i moderne russisk (1918 - 1959). Mag. diss., Available at the University Library, Oslo 1959.
- RESTAN 1960 = P.A. Restan. The Objective Case in Negative Clauses in Russian: the Genitive or the Accusative? *Scando-Slavica* 6, 1960, 92-112.
- РЕФОРМАТСКИЙ 1960 = А.А. Реформатский. Введение в языкознание. М. 1960.
- РИХТЕР 1937 = Г.И. Рихтер. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Стилистические наблюдения. Русский язык в школе, 1937, 3, 48-57.
- РОЗЕНТАЛЬ 1971, 1978 = Д.Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М. 1971², 1978³.
- РОЗЕНТАЛЬ 1974³ = Д.Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М. 1974³.
- РОЗЕНТАЛЬ, ТЕЛЕНКОВА 1975 = Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Практическая стилистика русского языка. М. 1975.
- РУБЦОВА 1975 = В.А. Рубцова. Вариантное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием не. Современный русский язык (Актуальные вопросы лексики и грамматики). М. 1975, 308-320.
- РУБЦОВА 1976а = В.А. Рубцова. Норма и вариантное управление глаголов (на материале переходных глаголов речи с отрицанием не). Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка. Сборник трудов Московского педагогического института им. В.И. Ленина. М. 1976, 76-89.
- РУБЦОВА 1976б = В.А. Рубцова. О нормативности синтаксических вариантов (к вопросу о соотношении синтаксических вариантов с категорией определенности/неопределенности). Актуальные вопросы грамматики и лексики. М. 1976, 224-231.
- RŮŽIČKA 1981 = R. Růžička. Маркированность применительно к парности отрицательных предложений в современном русском языке. *Russian Linguistics* 6, 1981, 1-14.

С

- САВЕЛЬЕВА 1977 = Л.В. Савельева. Отрицательные конструкции в некоторых прозаических жанрах русского фольклора. Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск 1977, 58-75.
- SAFAREWICZOWA 1959, 1960 = H. Safarewiczowa. Forma dopełnienia bliższego w rosyjskim zdaniu zaprzeczonym. *Slavia Orientalis* VIII: 4, 1959, 77-109; IX: 1, 1960, 69-137.
- СКВОРЦОВ 1980 = Л.И. Скворцов. Теоретические основы культуры речи. М. 1980.
- SMIRNITSKY², 1975 = A.I. Smirnitsky. Essentials of Russian Grammar. Moscow 1975².
- СОБИННИКОВА 1955 = В.И. Собинникова. Родительный и винительный падежи прямого объекта при отрицании в народных говорах. Труды Воронежского государственного университета 38, Харьков 1955, 115-127.
- СОБОЛЕВСКИЙ 1891², 1907⁴ = А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. СПб. 1891², 1907⁴.
- СОЛОНИЦЫН 1962 = Ю.В. Солоницын. Некоторые лексико-грамматические факторы, обуславливающие выбор падежа прямого дополнения при отрицании. Очерки по русскому языку. Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Киров 1962, 99-116.
- СПРИНЧАК 1962 = Я.О. Спринчак. До історії функцій безприйменникового родового відмінка у східнослов'янських мовах. О.О. Потебня і деякі путання сучасної славистики. Харьков 1962, 157-174.

- СТАНИШЕВА 1966 = Д.С. Станишева. Винительный падеж в восточно-славянских языках. София 1966.
- СТАНИШЕВА 1978 = Д. Станишева. Проблемы изучения частных синтаксических систем в сопоставительных исследованиях славянских языков. Славянска филология 15, 1978, 143-154.
- СУХОТИН 1953 = В.П. Сухотин. Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе М.Ю. Лермонтова. Материалы и исследования по истории русского литературного языка III. М. 1953, 200-240.

Т

- ТАУБЕНБЕРГ 1958 = Л.И. Таубенберг. Система глагольного и именного управления в русском языке конца XVII – начала XVIII вв. Рига 1958.
- TIMBERLAKE 1975 = A. Timberlake. Hierarchies in the Genitive of Negation. *The Slavic and East European Journal* 19: 2, 1975, 123-138.
- ТИМЧЕНКО 1913 = Е.К. Тимченко. Функции генетива в южнорусской языковой области. Варшава 1913.
- ТОЛСТОЙ 1978 = И.В. Толстой. Об одном грамматическом средстве выражения актуального членения высказывания. *Русский язык за рубежом*, 1978, 3, 61-64.
- ТОМСОН 1902 = А.И. Томсон. К синтаксису и семасиологии русского языка. *Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском Университете X (Византийско-славянское отделение VII).* Одесса 1902, 281-364. (Статья вышла в свет и отдельным выпуском.)
- ТОМСОН 1903 = А.И. Томсон. Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке. *Русский филологический вестник XLIX.* Варшава 1903, 192-234. (Статья вышла в свет также в Сборнике статей, посвященных академику Ф.Ф. Фортунатову. Варшава 1902, 660-702.)
- ТОМСОН 1908 = А.И. Томсон. К вопросу о возникновении род.-вин. п. в слав. языках. Прилагательный род. п. в праслав. языке. *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук XIII:* 3, 1908, 281-302.
- ТОМСОН 1909 = А.И. Томсон. К вопросу о возникновении род.-вин. п. в славянских языках. Сходные явления в других языках. *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук XIV:* 1, 1909, 59-83.
- THOMSON 1909 = A. Thomson. Beiträge zur Kasuslehre I: Über den Genetiv-Akkusativ im Slavischen. *Indogermanische Forschungen* 24, 1909, 293-307.
- THOMSON 1911 = A. Thomson. Beiträge zur Kasuslehre III: Zur Genetivrektion des Verbums im Baltischslavischen. *Indogermanische Forschungen* 29, 1911/1912, 249-259.

У

- UGLITSKY 1956 = Z. Uglitsky. Accusative and Genitive with Transitive Verbs Preceded by a Negative in Contemporary Russian. *Slavonic Review* 34, 1955/56, 377-387.
- UNBEGAUN 1957 = B.O. Unbegauп. *Russian Grammar.* Oxford 1957.
- УТКИН 1963 = Д.В. Уткин. К синонимии отрицательных конструкций с родительным и винительным падежами в современном русском языке. Учебные записки 18 (Труды Кафедры русского языка Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького). Омск 1963, 76-88.
- UHLÁR 1933 = R. Uhľář. Záporný genitív v spisovnej slovenčine. *Sborník na počesť Jozefa Škultétyho.* V Turčianskom Sv. Martine 1933, 607-626.

Ф

- ФИНКЕЛЬ, БАЖЕНОВ 1960 = А.М. Финкель, Н.М. Баженов. *Курс современного русского литературного языка.* Киев 1960.

FLECKENSTEIN 1961 = C. Fleckenstein. Zur Frage des Kasusgebrauchs nach verneinten Transitiva im Russischen. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe X*: 1, 1961, 213-219.

FORBES 1979 = N. Forbes. *Russian Grammar*. Oxford 1979³.

FORSYTH 1970 = J. Forsyth. *A Grammar of Aspect*. Cambridge 1970.

FRINK 1964 = O. Frink. Negation and Case Selection in the Laurentian Primary Chronicle. *The Slavic and East European Journal* 8: 3, 1964, 302-307.

FUCHS 1973 = A. Fuchs. Zur Wahl des Objektskasus bei Verneinung im Russischen. *Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973*. München 1973, 81-91.

X

ХАКА 1981 = K. Хака. К вопросу о форме падежа прямого дополнения при переходных глаголах с отрицанием в современном русском литературном языке. Mar. diss. University of Helsinki. Хельсинки 1981.

HORN 1978 = L.R. Horn. Remarks on NEG-Raising. *Syntax and Semantics 9: Pragmatics*, ed. by P. Cole. New York etc. 1978, 149-220.

HIRTLE 1981 = W. Hirtle. Grammar without Rules. *Aila 81. Proceedings 1*, ed. by B. Siburd and J. Svartvik. Lund 1981, 44-45.

Ц

TSURIKOV 1967 = A. Tsurikov. *Case Selection in Clauses with Negative Transitive Verbs in Contemporary Russian*. Doct. diss. University of Rochester. New York 1967.

Ч

CHVANY 1975 = C.V. Chvany. *On the Syntax of BE-Sentences in Russian*. Cambridge, Mass. 1975.

ЧЕРНЫШЕВ 1914 = В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. СПб. 1914³.

ЧЕРНЫШЕВ 1927 = В.И. Чернышев. Отрицание "не" в русском языке. (= Материал для Словаря Русского Языка. Приложение к I выпуск VIII тома "Словаря Русского Языка, издаваемого II Отделением Академии Наук СССР"). Ленинград 1927.

ЧЕШКАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА 1979 = V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, J. Leška, Z. Skoumalová, V. Straková. *Русская грамматика 1, 2*. Praha 1979.

KILBY 1977 = D.A. Kilby. *Deep and Superficial Cases in Russian* (= Beiträge zur Kasusgrammatik der Slawischen Sprachen 2 = Specimina Philologiae Slavicae 14). Frankfurt am Main 1977.

Ш

SCHALLER 1978a = H.W. Schaller. *Das direkte Objekt in verneinten Sätzen des Russischen* (= *Symbolae Slavicae 5*). Frankfurt am Main etc. 1978.

SCHALLER 1978b = H.W. Schaller. Die Verwendung von Akkusativ und Genitiv in verneinten Objektsätzen des heutigen Russischen. *Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavistenkongress in Zagreb 1978*. Köln, Böhlau 1978, 469-475.

SCHALLER 1983 = H.W. Schaller. Probleme der Kasusselektion im Russischen. *Studia Slavica in Honorem Viri Doctissimi Olexa Horbatsch 2: Beiträge zur ostslawischen Philologie II*. München 1983, 139-144.

ШАХМАТОВ 1925 = А.А. Шахматов. *Синтаксис русского языка 1: учение о предложении и о словосочетаниях*. Ленинград 1925.

ШВЕДОВА 1970 = Н.Ю. Шведова. Несколько замечаний по поводу статьи Ю.Д. Апресяна "Синонимия и синонимы". *Вопросы языкоznания*, 1970, 3, 36-44.

Щ

ЩЕРБА 1974 = Л.В. Щерба. О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Языковая система и речевая деятельность. Л. 1974, 24-39.

Э

EKBLOM 1945 = R. Ekblom. *Rysk grammatik*. Stockholm 1945⁵.

Я

JAKOBSON 1971 = R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. *Selected Writings* II, The Hague, Paris 1971 (1936), 23-71.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамец см. Adamec
АЛЕКСЕЕВ 115, 123
АЛЕХИНА 85
АНДРЕЕВА-ГЕОРГ 24
АПРЕСЯН 26, 123, 139

БАРСОВ, А. 25
БАРСОВ, А.А. 17
БЕЛЕВИЦКАЯ-ХАЛИЗЕВА 22
БОГОРОДИЦКИЙ 9
БОЛУСЛАВСКИЙ 34
БОНДАРЕНКО 34
БОРКОВСКИЙ 9, 12, 13, 76
БУДАГОВ 20
БУЛАХОВСКИЙ 14, 21
БУСЛАЕВ 18, 25
БУТОРИН 12, 25, 26, 27, 37, 43, 48,
53, 55, 57, 69, 71, 74, 76, 77,
79, 81, 100, 102, 132
БЫЛИНСКИЙ 22

Вечерка см. Večerka
ВОРОБЬЕВА 21, 66
ВОСТОКОВ 9, 17, 26, 49

ГАЛКИНА-ФЕДОРУК 21, 25
ГВОЗДЕВ 16, 21, 22
ГОРБАЧЕВИЧ 16, 25, 66, 118
ГРАУДИНА 26, 39, 40, 50, 63, 64, 66,
70, 72, 75, 78, 82, 94, 103, 125
ГРЕЧ 17, 24, 34
ГУРЬЕВА 13

ДЕРИБАС 38, 43, 46, 47, 48, 55, 57,
62, 69, 71, 73, 74, 79, 81, 92,
94, 99, 108
ДИМИТРОВА 34
ДОБРОМЫСЛОВ 22
ДОНЧЕВА 14, 15, 16, 37, 39, 50, 56,
58, 61, 63, 69, 72, 78, 79, 86,
105, 107
ДУДНИКОВ 21

ЗАХАВА-НЕКРАСОВА 21
ЗВЕГИНЦЕВ 140
ИВАНОВА 20
ИЦКОВИЧ 16, 24, 26, 45, 47, 67

КАРАУЛОВ 121
КОБОЗЕВА 34
КОМЛЕВ 133
КОНОНЕНКО 13
КОССЕК 34
КОСТИНСКИЙ 26
КОСТЮК 34
Коут см. Kout

КРЫСИН 116
КУЗНЕЦОВ 9, 13
КУЛАГИН 12, 13, 34, 38, 43, 46, 50,
58, 60, 63, 67, 71, 73, 74, 78, 79,
82, 84, 88, 92, 94, 103, 108, 109

ЛАВРОВСКИЙ 106
ЛИСТВИНОВ 22, 41, 46, 47, 48, 51, 56,
65, 67, 70, 75, 83, 88, 95, 96, 124
ЛОМОВ 11, 13
ЛОМОНОСОВ 17
ЛОМТЕВ 52

МАМОНОВ 22
Миленцова см. Milencova
МИНКОВЬ 9, 24
Мустайоки см. Mustajoki
НЕКРАСОВ 18, 26
НЕЧАЕВА 21

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ 19, 26
ОЖЕГОВ 119
ОЗАРОВСКИЙ 34
Остррем см. Åström

ПАДУЧЕВА 34
ПАПИНА 14
Папп см. Rapp
Перкиенмяки см. Perkiönmäki
ПЕШКОВСКИЙ 9, 19, 20, 26, 96
ПИГИН 25, 26
ПОПОВА 39, 43, 63, 78, 82, 84, 94, 96,
125
ПОТЕБНЯ 9, 10
ПУЛЬКИНА 21
Пялль см. Räll

РАВИЧ 26, 34, 39, 46, 50, 53, 56, 58,
61, 68, 69, 72, 73, 75, 78, 79, 82,
92, 99, 103, 105, 109, 138
РЕФОРМАТСКИЙ 86
РИХТЕР 38, 107
РОЗЕНТАЛЬ 21, 22, 24, 25, 34, 41, 44,
46, 47, 48, 51, 56, 58, 61, 65, 70,
72, 75, 78, 80, 83, 89, 92, 95, 106,
124
РУБЦОВА 77, 87

САВЕЛЬЕВА 34, 35
СКВОРЦОВ 118
СПРИНЧАК 9
СОБИННИКОВА 106
СОБОЛЕВСКИЙ 18
СОЛОНИЦЫН 35, 38, 43, 46, 55, 56, 58,
61, 63, 67, 69, 72, 73, 75, 76, 82,
88, 89, 92, 100, 103, 132

- СТАНИШЕВА 9, 14
 СУХОТИН 57
 ТАУБЕНБЕРГ 13
 ТИМЧЕНКО 9
 ТОЛМАЧЕВА 24
 ТОЛСТОЙ 34, 113
 ТОМСОН 11, 12, 13, 18, 25, 28-35,
 62, 91, 98, 101, 111
 УТКИН 13, 38, 50, 63, 82, 109, 111
 ФИНКЕЛЬ 21, 111
 Хака см. Нака
 Цуриков см. Tsurikov
 ЧЕРНЫШЕВ 18, 34
 ШАХМАТОВ 10, 11, 18
 ШВЕДОВА 123
 ЩЕРБА 117
 ADAMEC 8, 26
 BABBY 26, 86
 BERESFORD 112
 BERNEKER 13, 18, 27, 98
 BIRKENMAIER 26, 87
 BIRNBAUM 86
 BORRAS 21, 41, 48, 56, 70, 78, 80,
 83
 BRAUN 9
 CHRISTIAN 21, 41, 48, 56, 70, 78,
 80, 83
 CHVANY 8, 26, 67
 COMRIE 16
 CORBETT 44, 105
 CROCKETT 34
 DAHL 10, 148
 DAVISON 24, 34, 37, 39, 48, 50, 53,
 61, 63, 69, 72, 73, 75, 82, 88,
 97, 103, 112, 124, 135, 160
 DELBRÜCK 11, 23
 DRUIEN 36, 37, 86
 EKBLOM 26
 EVREINOV 52
 FLECKENSTEIN 14, 38, 50, 53, 56, 60,
 62, 71, 73, 74, 82, 86, 88, 92,
 94, 100, 132, 140
 FORBES 21
 FORSYTH 59
 FRINK 13
 FUCHS 113
 GLADROW 86
 GREEN 27, 35, 40, 46, 51, 54, 56, 57,
 58, 61, 64, 67, 70, 72, 74, 75,
 77, 79, 95, 98, 101, 103, 106, 131,
 132
 GUNDEL 26, 37, 44, 62, 71, 76, 78, 86
 HAKA 27, 41, 46, 51, 54, 58, 61, 65,
 72, 75, 78, 84, 85, 95, 98, 101,
 106, 107
 HAKULINEN 26, 45
 HIRTLE 135
 HORN 34
 JAKOBSON 23, 87
 KARLSSON, F. 10, 26, 45, 120, 148
 KARLSSON, G. 100
 KEIL 112
 KILBY 23
 KLENIN 13, 34, 52, 90
 KLIMA 26
 KORN 40, 46, 50, 56, 58, 61, 64, 72,
 77, 96, 97, 100
 KOUT 26, 34, 38, 43, 50, 55, 60, 73,
 74, 78, 79, 84, 88, 103, 106, 138
 KUBIK 21
 LIUKKONEN 13
 LYONS 123
 MAGNER 37, 49, 57, 60, 62, 71, 76, 81,
 94, 96, 97, 100, 109, 111, 132
 MARNITZ 19, 26
 MARYNIAK 40
 MATTHEWS 9
 MARNITZ 19, 26
 MARYNIAK 40
 MATHESIUS 134
 MAZON 21
 MIKLOSICH 9, 10, 11, 25, 45
 MIŞAN 37, 77
 MORAVCSIK 26
 MORISON 111
 MUSTAJOKI 21, 97, 115, 117, 119, 123,
 135
 Netschajewa см. Нечаева
 NEWMAN 23, 34, 87
 NOZSICSKA 34
 OJANEN 21
 PÄLL 10, 21
 PAPP 21, 96, 116, 134
 PEDERSEN 19
 PERKIÖNMÄKI 16
 PETTERSON 112
 PIRINEN (Niemensivu) 21
 Pulkina см. Пулькина

- RESTAN 27, 40, 46, 50, 54, 56, 58,
61, 64, 70, 72, 75, 79, 88, 95,
97, 101, 103, 105, 106, 107, 111
RŮŠIČKA 26
- SAFAREWICZOWA 13, 14, 15, 16, 27,
35, 40, 48, 54, 55, 56, 64, 79,
83, 92, 94, 105, 107, 133
Smirnitsky см. Смирницкий
- STONE 16
- Thomson см. Томсон
- TIMBERLAKE 16, 20, 26, 42, 51, 54,
56, 57, 58, 66, 67, 68, 70, 72,
74, 75, 80, 83, 85, 86, 89, 93,
95, 96, 98, 99, 100, 101, 106,
109, 129
- TSURIKOV 26, 27, 41, 47, 49, 53, 58,
66, 72, 75, 86, 89, 93, 95, 96,
98, 101, 103, 104, 106, 107, 109,
125, 126, 128, 140
- UGLITSKY 15, 23, 38, 43, 45, 48, 60,
78, 79, 81, 92, 94, 102, 104,
105, 107
- UHLAR 9
- UNBEGAUN 21
- VAHROS 9, 10, 11, 25, 45, 86, 87,
91
- VAILLANT 11, 24
- VEČERKA 13, 107
- VONDRAK 10, 11
- WARD 112
- WEXLER 10, 86
- ÅSTRÖM 19

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

0. Введение

- 0.1. Цели и задачи исследования 7
- 0.2. Падеж дополнения при отрицании с точки зрения исторического развития русского языка 8
- 0.3. Место исследуемой конструкции среди сходных явлений современного русского языка 23

1. Обзор литературы

- 1.1. Концепция А.И. Томсона 28
- 1.2. Факторы, влияющие на выбор падежа 35
 - факторы, связанные со сферой действия и со степенью силы отрицания:
 - Значение предложения – утвердительное 43
 - Двойное отрицание 45
 - Выражения типа *чуть* (*ли*) *не* 48
 - Усиленное отрицание 49
 - факторы, связанные с структурой и типом предложения и семантическими и синтаксическими свойствами сказуемого:
 - Вопросительные (и восклицательные) предложения 53
 - Придаточные предложения 55
 - Повелительное наклонение 55
 - Сослагательное наклонение 57
 - Вид глагола 57
 - Деепричастия и причастия 60
 - Инфинитив 62
 - Два (или больше) инфинитива 68
 - Двойное управление 69
 - Глагол *иметь* (и другие близкие к нему по значению глаголы) 71
 - Глаголы, без отрицания управляющие и вин., и род. падежами 73
 - Глаголы восприятия 74
 - Другие глаголы 76
 - Устойчивые выражения 77

факторы, связанные с семантикой и формой дополнения, а также с его определенностью:

- Имена собственные и одушевленные 78
- Абстрактные/ конкретные имена 81
- Детерминированность дополнения 84
- Разделительно-количественное значение 88
- Наличие определений 92
- Порядок слов 94
- Существительные на -а 97
- Число 100
- Местоимения-существительные 102
- Прилагательные 104

факторы, связанные со стилевыми и коммуникативными потребностями:

- Стиль (в широком смысле) 105
- Идиолект 107
- Стиль (в узком смысле) 107
- Избежание двусмысленности 108

1.3. Попытки объяснить выбор падежа при отрицании воздействием одного универсального фактора 111

2. Некоторые общие принципы изучения данного вопроса

2.1. Плоскости языка 115

2.2. Что "описывается" в исследованиях, посвященных изучению падежа дополнения, и что в них "доказывается"? 124

2.3. "Признаки", "причины" и "объяснения" 133

3. Описание эксперимента

3.1. Цель эксперимента 141

3.2. Вопросник эксперимента 142

3.3. Проведение эксперимента 145

3.4. Общие наблюдения 145

3.5. Результаты эксперимента 147

3.6. Выводы 162

4. Заключение 166

Приложение: вопросник Б 168

Литература 173

Указатель имен 184